

SOCIOLOGY OF CITY

2016 no 4

Scientific-and-theoretical journal

4 issues per year

Year of foundation — 2007
1st issue was published in 2008

Russian Federation, Volgograd

Founders:
Volgograd State University
of Architecture and Civil Engineering
(VSUACE)

The journal is included in Russian Science
Citation Index (RSCI)
(<http://www.elibrary.ru>),
Ulrich's Periodicals Directory
(<http://serialsolutions.com>),
DOAJ (<http://www.doaj.org>),
EBSCO (<http://www.ebsco.com>)

Министерство образования и науки
Российской Федерации

Волгоградский государственный
архитектурно-строительный
университет

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

Sotsiologiya Goroda

2016 № 4

Научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Учрежден в 2007 г.
1-й номер вышел в 2008 г.

г. Волгоград

Учредитель:
федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего
профессионального образования
«Волгоградский государственный
архитектурно-строительный
университет»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-27329 от 28 февраля 2007 г. выдано Федеральной службой
по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране
культурного наследия

Журнал входит в утвержденный ВАК Минобрнауки России Перечень
ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора
и кандидата наук

Журнал включен в базы данных:
Российского индекса научного
цитирования (РИНЦ), <http://www.elibrary.ru>,
Ulrich's Periodicals Directory, <http://www.serialsolutions.com>,
Directory of Open Access Journals (DOAJ), <http://www.doaj.org>
EBSCO, <http://www.ebsco.com>

Редакционный совет:

председатель — д-р техн. наук
И.В. Стефаненко
(ВолГАСУ, Волгоград)

зам. председателя — канд. техн. наук, доц.
В.И. Воробьев
(ВолГАСУ, Волгоград)

д-р техн. наук, проф. **А.Н. Богомолов**
(ВолГАСУ, Волгоград)

канд.archit., проф. **А.В. Антюфеев**
(ВолГАСУ, Волгоград)

д-р экон. наук, проф. **О.В. Максимчук**
(ВолГАСУ, Волгоград)

д-р техн. наук, проф. **Л.В. Примак**
(РАНХиГС, Москва)

**Главный редактор
журнала:**

д-р филос. наук, проф.
Б.А. Навроцкий (ВолГАСУ, Волгоград)

Зам. главного редактора

д-р экон. наук, проф. **В.Н. Казаков**
(МГУ, Москва)

Редакционная коллегия:

д-р филос. наук,
проф. **В.И. Добренков** (МГУ, Москва)

д-р техн. наук, проф. **В.Н. Азаров**
(ВолГАСУ, Волгоград)

д-р социол. наук, проф. **В.В. Деларю**
(ВолГМУ, Волгоград)

д-р социол. наук **Г.Н. Ильина**
(МГИМО, Москва)

д-р archit., профессор **Леандро Мадрацо
Агудин** (университет Рамона Ллулла,
Барселона)

д-р archit., проф. **Г.А. Птичникова**
(Волгоградское представительство
НИИТИАГ РААСН)

д-р филос. наук, д-р юрид. наук,
проф. **Н.Н. Седова** (ВолГМУ, Волгоград)

доктор философии, председатель фонда
им. Гензельманна (Берлин, Германия)
Т. Флирль

д-р искусствознания **Оярс Спаритис**
(Латвийская академия наук)

Адрес редакции:
400074, Волгоград, ул. Академическая, 1
Тел. (8442)96-99-25, (8442)96-98-28

© Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования «Волгоградский
государственный архитектурно-
строительный университет», 2016

Editorial council:

Chairman — Doctor of Engineering Science
I.V. Stefanenko (VSUACE, Volgograd)

Deputy Chairman —
Candidate of Engineering Science, Docent **V.I. Vorob'ev**
(VSUACE, Volgograd)

Doctor of Engineering Science, Professor **A.N. Bogomolov**
(VSUACE, Volgograd)

Candidate of Architecture, Professor **A.V. Antyufeev**
(VSUACE, Volgograd)

Doctor of Economics, Professor **O.V. Maksimchuk**
(VSUACE, Volgograd)

Doctor of Engineering Science, Professor **L.V. Primak**
(The Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration, Moscow)

Chief Editor:

Doctor of Philosophy, Professor
B.A. Navrotskii (VSUACE, Volgograd)

Deputy chief editor

Doctor of Economics, Professor **V.N. Kazakov**
(Moscow State University, Moscow)

Editorial team:

Doctor of Philosophy, Professor
V.I. Dobren'kov (Moscow State University, Moscow)

Doctor of Engineering Science, Professor
V.N. Azarov (VSUACE, Volgograd)

Doctor of Social Sciences, Professor **V.V. Delaryu**
(Volgograd State Medical University, Volgograd)

Doctor of Social Sciences **G.N. Il'ina** (Moscow State Institute
of International Relations, Moscow)

Doctor of Architecture, Professor **Leandro Madrazo Agudin**
(Ramon Llull University, Barcelona)

Doctor of Architecture, Professor **G.A. Ptichnikova**
(Volgograd branch of The Research Institute of the Theory
and History of Architecture and Town Planning
of the Russian Academy of Architecture
and Construction Sciences)

Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor **N.N. Sedova**
(Volgograd State Medical University, Volgograd)

Historian of Architecture, Specialist in Culture, PhD **T. Flierl**
(Institute of History and Theory of Architecture and Planning)
University Bauhaus, Germany

Doctor habil. Art. **Ojars Sparitis** (Latvian Academy of Sciences)

Address:

Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering (VSUACE).
1, Akademicheskaya St., Volgograd, 400074, Russian Federation,
info@vgasu.ru, www.vgasu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

**ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННОМ
ГОРОДЕ**

Навроцкий Б. А. Город как предмет интереса
российских социологов (заметки о V Всероссийском
социологическом конгрессе) ... 5

Сироткина Л. С., Примаков О. Л., Примаков А. Л. Суицидальная
активность калининградской молодежи ... 10

Седова Н. Н., Крайнова И. Ю. Услуги эстетической
медицины в современном российском городе ... 27

**АРХИТЕКТУРНОЕ
ПРОСТРАНСТВО
КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ
ФЕНОМЕН**

Птичникова Г. А., Антофеев А. В. Городская архитектура
как часть национальной культуры: российская,
европейская и американская модели ... 37

Храпова В. А., Земцова Я. М. Организация
визуальной среды как фактор оптимизации
жизнедеятельности человека и общества
в пространстве современного города ... 55

**ГОРОД КАК ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
СИСТЕМА**

Казаков В. Н., Григорьев В. В. Основные проблемы
определения кадастровой стоимости
объектов городской недвижимости ... 70

Голоухова Д. В. Социальное пространство города:
анализ системы городского питания
(на примере Москвы) ... 80

АВТОРАМ

Условия приема статей в редакцию
и требования к авторским оригиналам ... 90

CONTENT

MAN IN CONTEMPORARY CITY

Navrotskii B. A. A CITY AS A SUBJECT OF RUSSIAN SOCIOLOGISTS' INTEREST (Notes on V All-Russian Sociological Congress ... 5

Sirotkina L. S., Primak O. L., Primak A. L. Kaliningrad youth suicidal activity ... 10

Sedova N. N., Krainova I. Yu. Aesthetic medicine services in a modern Russian city ... 27

ARCHITECTURAL SPACE AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON

Ptichnikova G. A., Antyufeev A. V. Architecture as part of cultural policy of the country: Russian, European and American models ... 37

Khrapova V. A., Zemtsova Ya. M. The organization of the visual environment as a factor of optimization of human life and society in a contemporary city ... 55

CITY AS ECONOMIC SYSTEM

Kazakov V. N., Grigor'ev V. V. Main problems of the determination of cadastral value of the objects of city real estate ... 70

Goloukhova D. V. Urban social space: analysis of urban food system infrastructure in Moscow ... 80

INFORMATION FOR AUTHORS ... 90

Вниманию авторов и читателей!
Подписку на журнал можно оформить в отделениях Почты России по каталогу «Пресса России», подписной индекс **29507**, и электронному каталогу агентства «Книга-Сервис» (www.akc.ru), подписной индекс **E 29507**.
По вопросам приобретения выпусков журнала 2008–2016 гг. обращаться в редакцию по тел. (8442) 96-99-25

Домашняя страничка журнала ISSN 2077-9402 (Online)
на сайте ВолгГАСУ www.vgasu.ru
(<http://www.vgasu.ru/science/journals/city-sociology>)

УДК 316.334.56

Б. А. Навроцкий

**ГОРОД
КАК ПРЕДМЕТ ИНТЕРЕСА
РОССИЙСКИХ СОЦИОЛОГОВ
(Заметки о V Всероссийском
социологическом конгрессе)**

19–21 октября 2016 г. в Екатеринбурге прошел очередной Всероссийский социологический конгресс «Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость». В статье обобщаются те материалы конгресса, которые непосредственно касаются социологии города, дается оценка результатов исследований в области социальной урбанистики и высказываются предположения о перспективах ее развития. Проведен компаративный анализ Программы ООН-Хабитат в контексте решений Хабитат III (Кито, Эквадор, октябрь 2016 г.) и тематики конкретных социологических исследований города, проводимых отечественными учеными. Сделан вывод о влиянии российских культурных традиций на направления социологических исследований городской тематики, результатом чего может стать новая, отличная от ООН-Хабитат, гуманитарно-урбанистическая концепция.

Ключевые слова:

город,
социология,
урбанистика,
горожанин,
конгресс,
научные исследования.

B. A. Navrotskii

**A CITY AS A SUBJECT
OF RUSSIAN SOCIOLOGISTS'
INTEREST
(Notes on V All-Russian
Sociological Congress)**

Очередной социологический конгресс оказался очень успешным, не только потому, что наука в нашем сегодняшнем обществе не очень популярна и возможность для специалистов поговорить с коллегами на общем языке, поделиться идеями с людьми, которые тебя понимают, — это большая радость. Проблематика конгресса полностью отвечала запросам современного общества на адекватную социологическую поддержку. Сам конгресс полностью подтвердил, что Российское общество социологов (РОС) является сегодня единственным легитимным системообразующим центром отечественной социологии. Это необходимо отметить, поскольку с 2011 г. в России актуализировалась некая бинарность в проведении конгрессов — было два Четвертых, два Пятых... О расколе в социологии писали достаточно подробно [1], поэтому не будем повторяться. Мы уже определили позицию журнала, когда обсуждали материалы четвертого конгресса, проведенного РОС [2]. Имеющиеся в социологическом сообществе противоречия — это «трудности роста», маркирующие завершающий этап институализации отечественной социологии.

Но вернемся к проблеме, которая вынесена в заголовок данной статьи. Каким образом была представлена городская тематика на этом форуме и что новое в ней необходимо выделить?

Непосредственно социология города была представлена в одной секции — «Управление развитием российских городов, агломераций и поселений в контексте формирования новой Повестки дня (Хабитат III)». Сама эта формулировка требует некоторых пояснений. При чем здесь Хабитат III? Дело в том, что Программа Организации Объединенных Наций по населенным пунктам (ООН-Хабитат) ставит целью содействие устойчивому развитию населенных пунктов. Упор делается на разъяснительно-пропагандистскую работу, на выработку единой политики, укрепление партнерских связей между правительствами и гражданским обществом. ООН-Хабитат была основана в 1978 г. Это ведущее учреждение по реализации «Повестки дня Хабитат» и координации деятельности по развитию населенных пунктов в системе Организации Объединенных Наций. В этой Программе реализуются два приоритетных направления: обеспе-

Regular All-Russian Sociological Congress "Sociology and Society: Social Inequality and Social Justice" was held on 19–21 October 2016 in Ekaterinburg. The article summarizes the proceedings of the Congress that are directly related to urban sociology. The author assesses the results of the research in the sphere of social urbanism and makes assumptions about the prospects of its development. The comparative analysis of UN-Habitat in the context of Habitat III (Quito, Ecuador, October 2016) and the subject of specific sociological studies of a city held by Russian scientists was conducted. The conclusion was made concerning the influence of the Russian cultural traditions on the directions of sociological research of urban subjects, which could result in new humanitarian-urban concept, which is different from UN-Habitat.

Key words:

city,
sociology,
urban studies,
citizen,
congress,
research.

Об авторе:

*Навроцкий Борис Александрович —
доктор философских наук,
профессор,
главный редактор журнала
«Социология города».
Российская Федерация, 400074,
г. Волгоград, ул. Академическая, 1,
banavr17@gmail.ru*

*Navrotsky Boris Aleksandrovich —
Doctor of Philosophy, Professor,
Chief Editor of «Sociology of City».
1, Academicheskaya St., Volgograd,
400074, Russian Federation,
banavr17@gmail.ru*

чение надлежащего жилья для всех и устойчивое городское развитие. Обоснованием для этих направлений является стремление ООН-Хабитат помочь в реализации Декларации тысячелетия по целевому показателю улучшения условий жизни 100 млн жителей трущоб к 2020 г. Но, разумеется, Программа адресована не только тем, кто не имеет удовлетворительных условий проживания, а вообще всем населенным пунктам, поэтому ООН-Хабитат осуществляет две основные общемировые кампании — Глобальную кампанию в области управления городским хозяйством и Глобальную кампанию по обеспечению гарантий владения жильем. Первая из них направлена на повышение местного потенциала для рационального городского управления [3]. Не удивительно поэтому, что организационный комитет нашего конгресса, учитывая тесное сотрудничество РОС с Международной социологической ассоциацией и Европейской социологической ассоциацией (РОС является их членом), сформулировал название секции, посвященной социологическим проблемам города, именно так, как указано выше. Тем более что конгресс проходил примерно в то же время, что и Конференция ООН по жилью и устойчивому городскому развитию — Хабитат III.

Но оказалось, что российские социологи несколько иначе представляют себе проблемы городов, нежели сотрудники ООН. В представленных на конгрессе материалах лишь два сообщения можно было как-то связать с ООН-Хабитат.

Первое сообщение Э. О. Товмасьян «Градостроительством всегда болела царская глава, теперь им должен управлять один госорган, а не два» содержало доказательный анализ несостоятельности современной федеральной системы управления градостроительством. По мнению ученого, «Министерство экономического развития Российской Федерации занимается территориальным планированием, а Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации — градостроительством (без территориального планирования).

Такого за всю историю нашей страны, да и в других странах никогда еще не было. При всем уважении к специалистам этих двух министерств орган управления развитием городов все же должен быть один. При сложившейся тради-

ционно системе управления этот мог бы быть Государственный комитет по городскому развитию при Президенте страны. Градостроительство должно по праву вернуть себе статус государственного дела!» [4]. Нам представляется, что это заключение весьма актуально, и, следуя ему, можно быстро и безболезненно оптимизировать процессы градостроительства.

Второе сообщение — О. Н. Руссовой и И. А. Тарасова «Классификация городов как инструмент методологии управления». Авторы справедливо отмечают, что «классификация городов является методологической основой городского управления и развития городских практик. Основу классификации и типологии городских поселений составляют главные детерминанты города — величина объекта и функциональный профиль. Наиболее распространенные классификации — по численности и плотности населения, на которых базируется типология городов по планировочной структуре. Функциональная классификация опирается на экономическую базу городов, использует сочетание ведущих функций городов и критерия занятости. Для системы управления городами может быть полезна генетическая классификация городов. Существование городов различных типов обусловлено необходимостью иметь различные составляющие экономического организма, как многопрофильные, так и специализированные» [5]. Жаль только, что авторы так и не привели аргументов в пользу какой-либо определенной классификации, более того, не предложили и собственной, сделав общий вывод о том, что классификаций может быть много. Можно было бы обсудить классификацию городов, которой руководствуется ООН, опираясь на Программу Хабитат, но в обсуждаемом сообщении в качестве позитивного примера приводится интегральная функциональная типология городов Г. М. Лаппо 2005 года, которая хорошо известна, признаваема, но нуждается в редактировании с учетом процессов модернизации в развитии городов, изменения миграционной ситуации и других современных тенденций, которые меняют и города, и наши представления о них.

В целом следует отметить возросший интерес исследователей к теоретическим проблемам социологии города. Отметим такие сообщения, как сообщение Л. М. Баранова «Социологи о городе и городском пространстве: краткий обзор», Н. А. Костко «Взгляд на развитие городов через призму социологических исследований», М. С. Ильченко «Постфордистские тенденции в развитии современного российского города», Е. А. Иванова «Репрезентация образа города в виртуальном пространстве: визуальные качества и условия жизни в городе».

К сожалению, мы не услышали на конгрессе сообщений, которые были бы посвящены исследованию не самого города, а *человека в городе*. Хотя исследования настроений, установок, стереотипов поведения горожан были представлены. Это, например, следующие сообщения: Д. В. Моисеева, Н. В. Дулина «Адаптационные стратегии горожан в условиях кризиса (по результатам региональных прикладных исследований)», В. А. Парамонова, Н. В. Дулина, Е. О. Беликова «Скрытый “текст” городского пространства», С. П. Парамонова «Городская мобильность» и др. Но эти сообщения имели следующие общие черты: 1) в выборке были жители города, но полученные данные никак не соотносились со спецификой места их проживания, компарации с сельскими жителями не было, город был просто местом, где прово-

дилось исследование; 2) в исследованиях применялся только один метод — анкетирование, тогда как персонализацию установок, мотивов, поведения необходимо изучать с применением качественных методов социологии.

Это замечание следует отнести и к материалам, представленным на другой секции, частично ориентированной на городскую проблематику, — «Социальное неравенство и социальная справедливость в развитии городов и регионов». Социология города была представлена на этой секции только результатами исследований на основе опросов, а тематика сообщений была строго «привязана» к конкретным городам: Э. В. Бушкова-Шиклина «Оценка практик улучшения жилищных условий кировчан», А. Н. Муфтахова «Жилищная стратификация в мегаполисе (на примере Санкт-Петербурга)», О. С. Сидорова «Социально-пространственная сегрегация г. Новосибирска как показатель социального неравенства», А. Е. Солдаткин, А. А. Варызгина «Стратегии преодоления бедности семьями в малых городах Нижегородской области», Е. Н. Заборова «Социальное неравенство в городах Урала» и др. В таких сообщениях явно просматривался именно интерес к *человеку в городе*, но нигде город не был ключевым словом, он просто был местом проведения социологического исследования.

Определенное сожаление вызывает и отсутствие у исследователей интереса к архитектуре наших городов, к архитектурному пространству, к роли архитектора-творца в эпоху модернизации, глобализации, компьютеризации, визуализации и прочих «...ций». А ведь именно архитектурное пространство делает город городом, а горожан — людьми, любящими его. В том, что социологи, решая проблемы города, проигнорировали архитекторов, есть и вина последних. На страницах нашего журнала «Социология города» они выступают с интересными, новаторскими статьями, активно участвуют в проводимых редакцией круглых столах [6—8], но почему-то не заинтересовались обсуждением близких им проблем в социологическом сообществе. Мы собираемся в ближайшее время собрать за круглым столом в редакции наших актуальных и потенциальных авторов — социологов и архитекторов, градостроителей, чтобы обсудить те проблемы, которые остались нерешенными на Всероссийском социологическом конгрессе.

В заключение хочется поблагодарить организаторов конгресса, и прежде всего руководство РОС, за радость общения с единомышленниками, энергетику новых идей и за те нерешенные вопросы, которые становятся стимулом для творчества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Два «Четвертых Всероссийских социологических конгресса 2012 года» (Из рассылок А. Алексеева). URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/wo_congresses_11.pdf
2. Седова Н. Н. Социология города: достижения и потери (впечатления о IV Очередном Всероссийском социологическом конгрессе) // Социология города. 2013. № 1. С. 56—63.
3. UN HABITAT. For a better urban future. URL: <http://unhabitat.org/?catid=9>
4. Товмасьян Э. О. Градостроительством всегда болела царская глава, теперь им должен управлять один госорган, а не два // Всероссийский социологический кон-

гресс «Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость», 19—21 октября 2016 г., Екатеринбург. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2016. С. 35—67.

5. Руссова О. Н., Тарасов И. А. Классификация городов как инструмент методологии управления // Всероссийский социологический конгресс «Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость», 19—21 октября 2016 г., Екатеринбург. Екатеринбург: Изд-во УрФУ. 2016. С. 3568.

6. Назарова М. П. Социология архитектуры и ее роль в формировании архитектурного пространства современного города // Социология города. 2011. № 3. С. 10—14.

7. Птичникова Г. А., Королева О. В. Гибридизация в городской архитектуре // Социология города. 2016. № 1. С. 5—17.

8. Круглый стол «Справедливость в городском пространстве» // Социология города. 2011. № 4. С. 3—4.

REFERENCES

1. Dva «*Chetvertykh Vserossiyskikh sotsiologicheskikh kongressa 2012 goda*» (Iz rassylk A. Alekseeva) [Two “4th All-Russian Sociological Congresses in 2012” (from A. Alekseev’s messaging)]. URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/wo_congresses_11.pdf

2. Sedova N. N. [City sociology: achievements and losses (Impressions about IV Next All-Russia Sociological Congress)]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2013, no. 1, pp. 56—63.

3. UN HABITAT. *For a better urban future*. URL: <http://unhabitat.org/?catid=9>

4. Tovmas’yan E. O. [Tsar always had a headache because of town planning issues, now only one government body must be responsible for it, but not two]. *Vserossiyskiy sotsiologicheskiiy kongress «Sotsiologiya i obshchestvo: sotsial’noe neravenstvo i sotsial’naya spravedlivost’», 19—21 oktyabrya 2016 g., Ekaterinburg* [All-Russian Sociological Congress “Sociology and Society: Social Inequality and Social Justice”, October 19—21, 2016, Ekaterinburg]. Ekaterinburg: UrFU Publ., 2016. Pp. 35—67.

5. Russova O. N., Tarasov I. A. [Classification of cities as a tool of management methodology]. *Vserossiyskiy sotsiologicheskiiy kongress «Sotsiologiya i obshchestvo: sotsial’noe neravenstvo i sotsial’naya spravedlivost’», 19—21 oktyabrya 2016 g., Ekaterinburg* [All-Russian Sociological Congress “Sociology and Society: Social Inequality and Social Justice”, October 19—21, 2016, Ekaterinburg]. Ekaterinburg: UrFU Publ., 2016. Pp. 35—68.

6. Nazarova M. P. [Architecture sociology and its role in formation of new city architectural space]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2011, no. 3, pp. 10—14.

7. Ptichnikova G. A., Koroleva O. V. [Hybridisation in urban architecture]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2016, no. 1, pp. 5—17.

8. [Round Table “Fair play in urban space”]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2011, no. 4, pp. 3—4.

© Навроцкий Б. А., 2016

Поступила в редакцию
в декабре 2016 г.

Received in December, 2016

Ссылка для цитирования: Навроцкий Б. А. Город как предмет интереса российских социологов (Заметки о V Всероссийском социологическом конгрессе) // Социология города. 2016. № 4. С. 5—9.

For citation: Navrotskii B. A. [A city as a subject of Russian sociologists’ interest (Notes on V All-Russian Sociological Congress)]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2016, no. 4, pp. 5—9.

УДК 314.06

*Л. С. Сироткина,
О. Л. Примак,
А. Л. Примак*

СУИЦИДАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ КАЛИНИНГРАДСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Специфика социокультурного пространства Калининградского региона порождает глубокие проблемы формирования самосознания и социокультурной идентичности молодежи. Усиленные общими негативными тенденциями в развитии института семьи, остротой проблем подростковой преступности и преступности в отношении несовершеннолетних, они выступают одним из источников суицидальной активности калининградской молодежи. В статье приводятся результаты социологического опроса в среде калининградских подростков и юношества, свидетельствующие об относительно высоких рисках суицидальной активности.

Ключевые слова:
суицидальная активность,
калининградские подростничество
и юношество,
социальные факторы суицидов
молодежи,
суицидальные предпосылки,
намерения и действия.

*L. S. Sirotkina,
O. L. Primak,
A. L. Primak*

KALININGRAD YOUTH SUICIDAL ACTIVITY

Adolescent and youth suicide activity is an imprescriptible phenomenon of social life in developed countries. In the last decade it also became a serious problem in Russia. Kaliningrad region is an area with special historical, geographical, cultural and economic status. The aim of this article is to reveal and describe the characteristic of Kaliningrad youth suicide activity related to the specifics social and cultural space of the region. The tasks of our work are the following: 1) to reveal social and cultural preconditions of suicide activity of Kaliningrad youth; 2) to work out the methods of exploration of suicide

Введение

Суициды — неотъемлемое явление общественной жизни большинства развитых стран, в настоящее время обнаруживающее тенденцию к заметному распространению. За последние 45 лет показатели самоубийств возросли во всем мире на 60 %. По оценкам, в 1998 г. на самоубийства приходилось 1,8 % общего глобального бремени болезней, а по прогнозам в 2020 г. в бывших социалистических странах, которые перешли на рыночную экономику, этот параметр составит 2,4 %.

Показатели распространенности суицида как социального явления не являются постоянными и имеют значительные колебания в различные периоды истории каждой страны, в том числе России. Они зависят от большого числа факторов, в частности экономического развития и происходящих социальных процессов. По данным ВОЗ, показатель суицидов больше 20 на 100 тыс. населения свидетельствует о кризисе в обществе. В России на протяжении ее истории суицидальная напряженность существенно менялась.

В царской России преобладало сельское население, исповедовалась духовность и осуждалось самоубийство как порок. Не случайно поэтому до 1917 г. страна занимала последнее место в Европе по количеству самоубийств (3—4 случая на 100 тыс. человек). Такая ситуация сохранялась до 30-х гг. XX в. (в 1926 г. уровень самоубийств составлял 7,8 человека на 100 тыс. населения).

Во второй половине XX в. ситуация кардинально изменилась во всем мире и особенно в нашей стране. В СССР наибольший уровень самоубийств был отмечен в 1981 г.: 35 человек на 100 тыс. населения. Во времена перестройки, борьбы с пьянством он снизился до 24, а затем снова стал расти и в 1994 г. составлял уже 42 на 100 тыс. человек. От самоубийств за год погибли около 65 тыс. человек, т. е. население небольшого города, а в некоторых регионах России уровень самоубийств доходил до 100 человек на 100 тыс. населения. В 1990-х гг. резко ухудшилась суицидальная ситуация и в сельской местности, причем по уровню суицидов сельские районы стали превосходить города. В конце

activity components; 3) to analyze the characteristics of suicide preconditions, intentions and actions of Kaliningrad youth. We used the survey method and mathematical statistics method.

The results. The specifics of social and cultural space, integrating both national and non-Russian traits, makes deep problems of formation of consciousness and young people's social and cultural identity. These problems are strengthened by general negative trends in the development of the family institute and also by the problems of juvenile delinquency and crime against adolescents and young people. Consequently, we can regard them as one of the sources of suicidal youth activity in Kaliningrad.

The article presents the results of sociological questioning among teenagers and young people in Kaliningrad. About 23 % of young people demonstrate suicidal inclinations (low value of life, the lack of death fear, a positive attitude to death). Indicators of suicidal intentions and actions are found, on average, among 18 % of young people. About a quarter of adolescents and youths show an average degree of suicidal activity manifestation. The high level was not detected.

Keywords:

suicidal activity,
Kaliningrad adolescence and youth,
social factors of youth suicide,
suicidal preconditions,
intentions and actions.

Об авторах:

*Сироткина Людмила Сергеевна—
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии
Института гуманитарных наук,
Балтийский федеральный
университет им. И. Канта.
Российская Федерация, 236016,
г. Калининград, ул. А. Невского, 14,
lyusir.ru@mail.ru*

90-х гг. XX в. средняя цифра по России составляла 36 самоубийств на 100 тыс. населения [1, с. 13]. Конец XX в. ознаменован ростом числа суицидов в развитых и развивающихся странах. В 2004 г. в России происходит 41 самоубийство на 100 тыс. человек, только Литва опережает нашу страну по данному показателю (43) [2, с. 317].

В России за последние 20 лет покончили жизнь самоубийством более 800 тыс. человек. Несмотря на то что в последние годы число самоубийств снижается, в 2015 г. в РФ в результате суицида погибло больше людей, чем в ДТП (21,3 тыс. человек против 20,1 тыс.). По данным РБК за 2015 г., в 37 регионах уровень самоубийств оценивается как высокий (Север, Сибирь, Дальний Восток, Урал).

Характеристика суицидальной активности молодежи

Особой проблемой является суицидальная активность молодежи. В последние полвека в мире отмечается значительное увеличение числа суицидальных попыток и самоубийств среди молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет¹. До конца 1960-х гг. они составляли относительно незначительную часть от общего числа суицидов. С 1960 г. их частота среди подростков увеличилась на 265 %. Смертность среди молодежи, связанная с суицидом, стоит на втором месте среди всех причин смерти, уступая только смерти из-за несчастных случаев.

Характеризуя ситуацию с подростковыми суицидами, Ф. Дольто называет ее «скрытой эпидемией» и приводит цифры, подтверждающие угрожающие масштабы суицидального поведения молодежи [3, с. 135—140]. Наибольшее число самоубийств приходится на Центральную Европу. В конце XX в. самый высокий уровень отмечался в Швейцарии, Австрии, ФРГ, Венгрии, Чехословакии, Дании, Финляндии, Швеции. В США в 1985 г. покончили с собой 6000 подростков (16—17 самоубийств в день).

В России с начала XXI в. количество самоубийств среди молодежи выросло и, по некото-

¹ В некоторых странах самоубийство является второй по значимости причиной смерти в возрастной группе от 10 до 24 лет. Следует заметить, что эти данные не отражают количество незарегистрированных самоубийств и не учитывают попытки суицидов, которые совершаются в 20 раз чаще, чем завершённые самоубийства.

Slotkina Lyudmila Sergeevna –
 Candidate of Philosophy,
 Docent of Philosophy Department
 of the Institute for the Humanities,
 Immanuel Kant Baltic Federal University,
 14, Nevskogo str., Kaliningrad,
 236016, Russian Federation,
 lyusir.ru@mail.ru

Примак Ольга Леонидовна –
 студентка Медицинского института,
 Российский университет
 дружбы народов (РУДН),
 Российская Федерация, 117198,
 г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Primak O'ga Leonidovna –
 Student of Medical Institute,
 RUDN University,
 6, Miklukho-Maklaya str., Moscow,
 117198, Russian Federation

Примак Александра Леонидовна –
 студентка биологического факультета,
 Московский государственный
 университет имени М. В. Ломоносова,
 Российская Федерация, 119991,
 г. Москва, Ленинские Горы, 1

Primak Aleksandra Leonidovna –
 Student of Faculty of Biology,
 Lomonosov Moscow State University,
 1, Leninskie Gory, Moscow,
 119991, Russian Federation

рым данным [4], превысило среднемировые показатели более чем в 1,5 раза. По данным ВОЗ [5], в 2002 г. Россия занимала «лидирующие» позиции по числу подростковых суицидов. По данным на 2005 г. заканчивают жизнь самоубийством 16 детей в возрасте 5—9 лет, 259 детей в возрасте 10—14 лет, 2360 подростков и молодых людей в возрасте 15—19 лет. В 2012 г. статистика составляла 2,5 на 100 тыс. человек в возрасте 10—14 лет и 16,3 — в возрасте 15—19 лет. Давая оценку сложившейся ситуации, уполномоченный президента России по правам ребенка Павел Астахов отметил, что в России самый высокий в Европе уровень самоубийств среди подростков. В год кончают жизнь самоубийством 1500 (по некоторым данным — 3000) детей, и еще 4 тысячи совершают такую попытку. Астахов подчеркнул: «Если мы не решим в корне этой проблемы, мы потеряем целое поколение... Это не эпидемия самоубийств, это — государственная трагедия» [6]. По данным UNICEF, 45 % русских девочек и 27 % русских мальчиков хотя бы раз в жизни серьезно обдумывали возможность самоубийства. Эти страшные цифры не учитывают случаев попыток самоубийства.

Калининградский регион — российская территория с особым историческим, геополитическим, культурным и экономическим статусами. Комплекс разнообразных факторов создает особый социокультурный фон, в контексте которого разворачивается социальное бытие молодежи. Исследование феноменов общественной жизни, в том числе в среде подростничества и юношества, в уникальных условиях калининградского социокультурного пространства приобретает особую значимость и актуальность. Целью нашего исследования было выявить особенности суицидальной активности в среде калининградской молодежи. Задачи: 1) выявить ее социокультурные предпосылки; 2) разработать методику исследования компонентов суицидальной активности; 3) на основе данных опроса проанализировать особенности суицидальных предпосылок, намерений и действий у калининградских подростков и юношества.

В основе самоубийств лежит целый комплекс средовых (социальных, культурных,

природных), биологических и психологических факторов [7]. Согласно основателю отечественной суицидологической школы А. Г. Абрумовой, даже у депрессивных больных суицид представляет собой многофакторное явление, в происхождении которого «большое значение имеет взаимосвязь средовых воздействий, социально-психологических структур личности, ... а также психопатологических симптомов». Согласно профессору Б. Положему, руководителю отдела Государственного научного центра (ГНЦ) социальной и судебной психиатрии имени Сербского, немаловажным фактором суицида является этнический фактор. Известно, что наиболее подверженными суицидальным намерениям являются народы финно-угорской группы (Венгрия, Удмуртия, Мордовия, Финляндия, Эстония), германской группы (Германия, Голландия, Швейцария, Австрия) и балтийской группы (Латвия и Литва).

Существует зависимость между самоубийствами и такими переменными, как степень индустриализации, урбанизации, экономической нестабильности, интенсивности миграционных потоков, нарушения жизненных стереотипов под воздействием социальных и политических преобразований. Кроме того, важную роль играет ослабление традиционных социальных институтов, регламентирующих взаимоотношения между поколениями и отдельными людьми, степень дезинтеграции общества и его культурных традиций.

Вопрос о причинах и факторах суицидального поведения рассматривается всеми учеными, исследующими проблему самоубийства (В. Ф. Войцех, Д. Н. Исаев, К. Меннингер, С. Л. Соловьева и др.). В. Ф. Войцех приводит иерархический перечень мотивов суицидального поведения, классифицируемых на: лично-семейные конфликты (несправедливое отношение со стороны родственников и окружающих, препятствия к удовлетворению ситуационной актуальной потребности, социальная изоляция, недостаток внимания, заботы со стороны окружающих); состояние психического и физического здоровья; конфликты, связанные с антисоциальным поведением суицидента (боязнь наказания или позора, самоосуждение за неблагоприятный поступок); конфликты в профессиональной или учебной сфере; материально-бытовые трудности и др. [1].

Известный специалист в области суицидологии С. Л. Соловьева все факторы суицидального риска относит к следующим категориям: социально-демографические, природные, индивидуальные, медицинские [8, с. 101]. Однако основные причины самоубийств имеют социальный характер.

1. Большинство специалистов (Д. Н. Исаев, В. Г. Казанская, Ф. Райс, С. Л. Соловьева) в качестве ведущего фактора развития суицидального поведения у подростков и юношей называют неблагополучные семьи. С. Л. Соловьева отмечает несколько типов семей, в которых чаще возникают суицидоопасные состояния у подростков и юношей: дисгармоничные семьи, в которых мотивы, цели, потребности ее членов не согласуются друг с другом; дезинтегрированные, в которых отсутствует эмоциональная и духовная сплоченность; корпоративные, в которых член семьи выполняет обязанности только при условии, если их выполняют и другие члены; закрытые — семьи с ограниченным числом социальных связей; консервативные — семьи, члены которых податливы внешним авторитетам [Там же].

К факторам семейной среды, увеличивающим риск самоубийства подростка/юноши, специалисты относят: отсутствие одного/обоих родителей, уход отца из семьи; неблагоприятные межличностные отношения в семье (эмоциональная беспорядочность в отношениях родителей, открытые конфликты, формализм участия родителей в жизни детей, значительно завышенные родительские требования [Там же, с. 102]; неблагополучный психологический тип родителей; экономические проблемы в семье [9]; предыдущий суицид в семье, который может стать моделью подражательного поведения [2, с. 325].

2. Проблемы межличностных отношений вне семьи, в том числе в школе. Подростки могут тяжело переживать неудачи в любовных отношениях, особенно если они для девушек осложняются беременностью. Школьные проблемы играют важную роль в дезадаптации (особенно мальчиков), вызывают утрату контактов со сверстниками. Потеря связей с референтной группой или осуждение группой может стать фактором, который способен подтолкнуть или усилить желание подростка к суицидным действиям.

3. Социальная изоляция. По данным Ф. Райса, покушавшиеся на самоубийство часто говорят, что они не чувствуют близости ни к одному из взрослых. Им трудно общаться и с другими значимыми для них людьми. Риск самоубийств у подростков в местах заключения в 5—6 раз выше, чем за их пределами [Там же]. При высоком уровне социальной интеграции показатели количества самоубийств ниже для всех возрастных групп [9].

4. Сексуальные проблемы, в частности нетрадиционная сексуальная ориентация. Сексуальные проблемы становятся особенно значимыми в период полового созревания. Беременность, неудачный половой контакт, импотенция, страх гомосексуализма могут подтолкнуть подростка к самоубийству [10, с. 441]. Гомосексуалисты предпринимают попытки самоубийства в 2—7 раз чаще, чем люди обычной сексуальной ориентации. По данным исследования Д. Н. Исаева, 11,3 % подростков-гомосексуалов предпринимали суицидные попытки [2, с. 326]. Тенденции к самоубийству напрямую связаны с принятием своего влечения, удовлетворенностью им. Среди тех, кто считает себя несчастным в своей связи, 27,8 % пытались покончить с собой.

По данным Реан, в целом доминирующими проблемами, вызвавшими суицидальные действия, являются: для аффективного суицида — школьные и сексуальные; для демонстративного — семейные; для истинного — сексуальные [10, с. 439—440].

Анализ социальной ситуации города, региона имеет существенное значение для выявления конкретных источников суицидальной активности молодежи. В документе, посвященном анализу положения детей в Калининградской области², зафиксированы характерные для региона проблемы в сфере детства. Перечислим те, которые могут оказывать заметное влияние на формирование суицидальных наклонностей в среде молодежи:

– недостаточная эффективность имеющихся механизмов обеспечения и защиты прав и интересов детей, неисполнение международных стандартов в области прав ребенка;

² Концепция действий в интересах детей в Калининградской области на 2012—2017 годы. Приложение к Постановлению Правительства Калининградской области от 26 сентября 2012 г. № 744. Гл. 2.

- высокий риск бедности при рождении детей, особенно в многодетных и неполных семьях;
- распространенность семейного неблагополучия, жестокого обращения с детьми и всех форм насилия в отношении детей;
- низкая эффективность профилактической работы с неблагополучными семьями и детьми, распространенность практики лишения родительских прав и социального сиротства;
- социальная исключенность уязвимых категорий детей (дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, дети-инвалиды и дети, находящиеся в социально опасном положении);
- недостаточный уровень доступности социальных услуг, неблагоприятные условия социальной среды для полноценной жизнедеятельности детей-инвалидов;
- нарастание новых рисков, связанных с распространением информации, представляющей опасность для детей;
- отсутствие действенных механизмов обеспечения участия детей в общественной жизни, в решении вопросов, затрагивающих их непосредственно.

Серьезной социальной проблемой в Калининградском регионе является преступность несовершеннолетних. Как отмечается в «Концепции действий в интересах детей», «ежегодно тысячи детей Калининградской области вовлекаются в сферу гражданского, административного и уголовного судопроизводства». После некоторого снижения в 2009—2011 гг. в настоящее время наблюдается увеличение количества преступлений, совершенных несовершеннолетними. Возрастает количество несовершеннолетних, повторно совершающих преступления и социально опасные деяния³.

Коэффициенты подростковой преступности (из расчета на 100 тыс. населения в возрасте 14—17 лет включительно) в Калининградской области несколько ниже общероссийских показателей: в 2009 г. — 9,9 (в Российской Федерации — 11,8), в 2010 г. — 9,6 (в Российской Федерации — 10,5), однако остаются достаточно высокими. В 2013 г., по данным областной прокуратуры, в области выросло число малолетних преступников-рецидивистов; в этом же году в Калининграде были ликвидированы 3 подростковые группировки. В 2014 г., по данным Портала правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ, общее число несовершеннолетних, совершивших преступления разной тяжести, составило 412 человек, а количество совершенных преступлений — 488.

Весьма опасной проблемой является насилие над детьми. Значительная часть преступлений против жизни, здоровья и половой неприкосновенности детей совершается в семье, а также лицами, обязанными по закону заботиться о ребенке. Профилактику преступлений против детей, защиту их прав специалисты оценивают как неудовлетворительную: по данным Управления внутренних дел по Калининградской области, в течение последних лет наблюдается рост преступлений, совершенных в отношении детей: в 2009 г. — 694, в 2010 г. — 722, в 2011 г. — 889. Практически каждое пятое преступление направлено против половой неприкосновенности ребенка⁴.

³ Там же, разд. 2, гл. 5.

⁴ Там же.

Семейные и социальные предпосылки суицидальной активности молодежи

Семья — наиболее значимая для формирующейся личности общность. Именно в семье закладывается и укрепляется психическое здоровье человека. Семья сохраняет особое значение и для подростков, несмотря на известный факт их эмоционального, поведенческого и нормативного обособления от родителей. Какие тенденции развития семьи как социального института могут повлиять на суицидальную активность молодых людей?

Ценность законного брака в России снижается. Начиная с 90-х г. XX в. число гражданских браков увеличилось до 3 млн, что вызвало рост числа внебрачных детей и неполных семей. Россия — одна из лидирующих стран по количеству разводов. Статистические данные свидетельствуют о том, что сегодня каждый второй брак распадается (десять лет назад распался каждый третий). В зону высокого риска попадают пары, имеющие несовершеннолетних детей, для которых наличие благополучной полной семьи является необходимым условием нормального развития и полноценной социализации.

Крайне велико число разводов и в Калининградской области: с января по август 2011 г. в регионе зарегистрировано 3480 разводов (по данным Росстата). За тот же период 2010 г. — на 249 случаев меньше. В первом квартале 2012 г. зарегистрировано 1298 браков и 1176 разводов. Первые 6 месяцев 2015 г. ознаменовались заключением 3194 браков и 2513 разводами (79 % от числа браков). По росту числа разводов Калининградская область находится на третьем месте в Северо-Западном федеральном округе.

В настоящее время в стране распространены несколько типов семьи, нетипичных для более ранних периодов развития российского общества: дистантная, восстановленная, воссозданная, смешанная, приемная. В такие семьи часто входят дети от предыдущих официальных или гражданских браков и дети, родившиеся в полной семье. Если каждый из родителей вступает в новый брак, ребенок может иметь одновременно две семьи. Имеются случаи, когда в благополучной семье с тремя детьми у всех детей разные отцы. Увеличивается число семей с одним родителем, семей, в которых родители проживают раздельно, а впоследствии создают другие семьи [11].

Существенно меняются и внутрисемейные отношения. Размежевание обязанностей (неработающая мать занимается детьми и домашним хозяйством, отец ведет относительно свободный образ жизни, принимая на себя лишь обязательства по содержанию семьи и самоустраняясь от какого-либо участия в жизни детей) ведет к нарастанию конфликтов между супругами, что пагубно сказывается на воспитании детей. Кроме того, уход женщины из сферы общественного производства в домашнее хозяйство зачастую приводит к приостановке ее личностного роста, в результате чего она теряет авторитет в семье и не может оказывать необходимое воспитательное воздействие на детей. Семейная жизнь родителей является образцом только для 25 % девушек и юношей [12].

Растет число межпоколенных конфликтов, 41 % из которых — конфликты родителей и детей (в 38 % случаев они весьма часты) [13], отчужденность детей от родителей. Растет число случаев жестокого обращения членов семьи

с детьми, родителями, супругом. Почти пятая часть родителей применяет по отношению к своим детям физические наказания [Там же].

Не случайно поэтому, что проблемы во взаимоотношениях с членами семьи занимают второе по значимости место в иерархии подростковых проблем после проблем, связанных с будущим [14, с. 10].

Немаловажным фактором, способствующим возникновению суицидальных намерений, может оказаться и сложное материальное положение семьи и, как следствие, материальная неудовлетворенность ребенка. В последние годы в Калининградской области наблюдается рост числа семей с детьми, находящихся в трудной жизненной ситуации (с 32 748 семей в 2009 г. до 36 989 семей в 2011 г.). Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума в 2011 г. в регионе составила 13 %, в 2015 г. — 12,1 %. В самом уязвимом положении находятся дети в возрасте от полутора до трех лет, дети из многодетных и неполных семей и дети безработных родителей⁵.

Обучение в школе является важнейшей частью жизни подростка и юноши и оказывает заметное влияние на мироощущение и самосознание молодого человека. Несмотря на тот факт, что школа ориентирована на решение значимых социальных и гуманитарных задач, именно со школьным обучением у молодежи связаны разнообразные, иногда трудноразрешимые проблемы и негативные переживания, в некоторых случаях приводящие к возникновению суицидальных намерений и актов самоубийств. К основным травмирующим факторам школьной среды относятся:

1. Взаимодействие с учителями. Несубъектный, часто основанный на феномене стереотипизации характер взаимоотношений учителей с подростками и юношами вызывает неудовлетворенность потребности в доверительном общении со взрослым и ведет к формированию тревожности, неуверенности в себе, неустойчивой самооценки. Между учителями и школьниками формируются смысловые барьеры, возникающие вследствие разного отношения школьника и взрослого к одному объекту.

2. Общение со сверстниками (в т. ч. с одноклассниками) зачастую характеризуется разнонаправленными тенденциями. С одной стороны, усиливающимися в подростковом возрасте и сохраняющими свою побудительную силу в юности желанием быть принятым в референтную группу и приобрести в ней желаемый статус. С другой стороны, ситуация общения в классном (школьном) коллективе для многих подростков и юношей является весьма неблагоприятной в силу распространенности и активизации в последнее время таких явлений, как физический и/или психологический буллинг и моббинг.

Данных о включенности молодых калининградцев в эти процессы в виктимной роли, к сожалению, нет. Однако в целом по стране ситуацию нельзя назвать благополучной: как отмечают специалисты (по данным на конец первого десятилетия XXI в.), Россия занимает второе после Литвы место по подростковым дракам: среди 13-летних мальчиков 44,3 % драчунов, среди девочек — 33,7 %; среди 15-летних мальчиков дерутся 35,6 %, среди девочек — 22,3 % [11, с. 137]. В больших городах распространенность насилия выше, больше число виктимных школьников, ниже эмоциональное благополучие в коллективе, большее число детей склонны оценивать ситуацию как менее позитивную [15].

⁵ Там же, разд. 1, гл. 1.

Результатом целого комплекса школьных трудностей является возникновение и развитие школьной тревожности (иногда — школьной фобии и отказа от школы). По исследованиям М. В. Оршанской, общая школьная тревожность у мальчиков достигает 46 %, у девочек — 48 %; страх самовыражения — более чем у 50 % мальчиков и более чем у 58 % девочек; страх ситуации проверки знаний у мальчиков — 60 %, у девочек — 57 %; страх несоответствия ожиданиям окружающих у мальчиков — 63 %, у девочек — 50 %. У обоих полов страх в отношениях с учителями обнаруживается более чем у 45 % школьников.

**Специфичные для Калининградской области факторы,
провоцирующие суицидальную активность молодежи**

Все вышеизложенные обстоятельства являются общими, если не универсальными, факторами возникновения и усиления суицидальной активности молодежи. Однако анализируя ее источники, нельзя не учитывать комплекс специфичных для региона условий, которые, отличая его от других территорий, продуцируют социальное пространство, дружественное для молодого человека или проблемное (возможно, агрессивное) по отношению к нему. В этом контексте Калининградский регион заслуживает особого аналитического взгляда.

Как отмечалось выше, Калининградская область в историческом, геополитическом, экономическом, культурном отношении — «особая зона». Имеется целый ряд черт, создающих индивидуально неповторимый «социальный портрет» региона.

Во-первых, анклавность и значительная удаленность от основной части РФ, близость к Европе, стимулирующая обширные и постоянные контакты с ближайшими соседями (Польшей, Литвой, Латвией, Германией, Швецией, другими странами) как на уровне региональных и муниципальных образований, так и на уровне персональной (профессиональной, личной, торговой, культурной, рекреационной) активности значительного числа жителей региона. Будучи гражданами РФ, калининградцы и жители области «езды в Россию» гораздо реже, чем в страны Балтии и Польшу, а многие в течение жизни не имеют возможности «побывать на родине» (подразумевается основная часть территории страны): по данным за 2004 г. в Россию выезжало только 29 % жителей области, а в соседние страны — 22 %; 29 % калининградцев и жителей региона вообще ни разу не были в других городах России, а еще 25,7 % не выезжали после 1991 г. [16].

Во-вторых, обилие кровнородственных (и брачных) связей с гражданами ближайших европейских стран, постоянная учебная и трудовая миграция калининградского населения и европейцев приводят к стихийному образованию едва ли не единого социального пространства, когда межгосударственные границы субъективно не ощущаются (особенно в условиях действия программ приграничного сотрудничества): поездки в Литву на могилы родных, в Литву или Германию для медицинского обследования, на семейные праздники к родственникам, проживающим в Литве или Латвии, составляют часть калининградской повседневности, а поездка в Литву или Польшу за товарами первой необходимости, в том числе продуктами питания, — обычное дело выходного дня для значительного числа калининградских семей.

Наконец, совсем недавняя нероссийская (прусская) история, обнаруживающая себя в обилии артефактов⁶ по всей территории области — специфическом культурном ландшафте, весьма отличном от характерного для средней полосы России.

Устойчивый, десятилетиями закрепляемый⁷ комплекс этих и многих других факторов создает условия для трансляции на российскую территорию и ассимиляции некоторых особенностей европейского менталитета, культуры, что особым образом отражается на различных аспектах социального бытия молодых калининградцев, в частности на становлении самосознания, формировании мироощущения, социокультурной идентичности. Обозначим некоторые существенные черты образа Я, образа мира, системы отношений молодого калининградца (жителя региона).

1. Неустойчивость и неопределенность социокультурной идентичности, для которой характерны:

– своеобразная многослойность, определяемая сочетанием в структуре идентичности нескольких ее типов, находящихся в сложных взаимосвязях друг с другом: реальная идентичность, не всегда осознаваемая, иногда скрывающаяся молодым человеком от самого себя, обнаруживающаяся в некоторых социальных ситуациях (например, межличностного конфликта с этническим «оттенком»); идеальная (желаемая, целевая) идентичность в форме модели, задаваемой совокупностью ценностных категорий; декларируемая идентичность, вызываемая конкретным социальным контекстом и либо совпадающая (по крайней мере, частично) с реальной или идеальной, либо не имеющая интериоризованного коррелята, но часто актуализируемая, могущая его порождать или трансформировать имеющиеся модели;

– нестабильность, изменчивость, контекстная зависимость: для европейца я (калининградец) — россиянин, для россиянина я — европеец [17, с. 51];

– дисгармоничность, зачастую внутренняя противоречивость идентичности, вызванная возможной конфликтностью желаемой (имеющей часто форму «Я — европеец») и реальной («Я — россиянин, русский») ее составляющих, обусловленной несоответствием свойств европейской и российской ментальностей. Как отмечают Н. В. Андрейчук и Л. М. Гаврилина, «для жителя калининградской области, включенного в перманентный, необходимый и неизбежный культурный диалог в социальном времени и пространстве, проблема поиска этнокультурной идентичности становится куда более актуальной и насущной, нежели для жителя других регионов России» [Там же, с. 60].

2. «Компилятивность» индивидуальных систем ценностей, порождаемых своеобразно интегрированными европейски ориентированными, «пророссийскими» ценностями и ориентациями «золотой молодежи». Первую категорию составляют: ценность демократии, понимаемой как невмешательство в личную жизнь и внутренний мир, как неограниченность прав и возможностей,

⁶ Многочисленные жилые и производственные строения немецкого периода, обилие памятников архитектуры, элементов инфраструктуры и др., полностью интегрированных в жизнь современного калининградца.

⁷ Например, несколько лет « витающие в воздухе » идеи восстановить в самом центре Калининграда замок прусских королей, вернуть городу название «Кёнигсберг» и т. п.

свободы выбора. Вторая: ценность величины и силы государства, вера в значительное интеллектуальное превосходство русских над европейцами и, тем более, американцами; в последнее время — ценность личного авторитета президента на мировой политической арене. Третья: ценности необременительной легкой жизни, материального достатка, наличия предметов роскоши, возможности дорогостоящей развлекательной рекреации, возможности как можно дольше не заниматься трудовой деятельностью для обеспечения собственной жизнедеятельности и поддержания ближайшего окружения; представление о том, что физический труд, тем более тяжелый, — сфера деятельности «гастарбайтеров», в огромном количестве переселяющихся в Калининградскую область и занимающих определенные ниши региональной экономической системы.

3. Нетрадиционный уклад в организации социальных связей, выражающийся в снижении авторитета взрослых (родителей, педагогов, других представителей старших поколений) и даже «уважения к летам», транслируемый родительской общественностью и поддерживаемый педагогическим сообществом. Модель отношений выстраивается по схеме: психика ребенка/подростка/юноши крайне ранима, ее нужно оберегать, нельзя оказывать давление, наказания недопустимы даже в ситуациях, когда молодой человек нарушает нормы общежития (в частности, в школе), необходимо поощрять и хвалить, предоставляя неограниченную свободу для самовыражения, развития творческого потенциала и разворачивания природных задатков.

Отсутствие или слабость «внутреннего стержня» в виде упорядоченной и хорошо интегрированной в социальный контекст системы установок, мотивов, ценностей, который сам молодой человек еще не может сконструировать, а взрослые не задают «извне», усиливает обусловленную возрастом маргинальность калининградских подростков, сохраняясь и в юности. Невладение средствами и способами саморегуляции, также характерное для подросткового и юношеского возраста, создает плодородное поле для взращивания мыслей и стремлений, слабо совместимых с жизнью.

Таким образом, формула социокультурных предпосылок суицидальной активности калининградской молодежи включает следующие «переменные»:

- распространенность семейного неблагополучия;
- относительно высокий уровень преступности несовершеннолетних;
- высокий уровень преступности в отношении несовершеннолетних;
- низкая вовлеченность подростничества и юношества в социально оцениваемую полезную деятельность;
- социальный уклад с утрачиваемыми чертами традиционности;
- неустойчивость социокультурной идентичности, маргинальность.

Особенности суицидальной активности калининградской молодежи

В специальной литературе широко используется термин «суицидальное поведение» (А. А. Реан, С. Л. Соловьева и др.). Под суицидальным поведением понимаются любые проявления такого рода активности: суицидальные мысли, высказывания, намерения, угрозы, попытки самоубийства и др. [10, с. 436]. Несмотря на идентичность результата любых успешных суицидальных действий, самоубийства существенно отличаются друг от друга целями, мотивами, состояниями суицидента.

Огромное значение для своевременного выявления склонности к суициду и его предупреждения имеют признаки, свидетельствующие о суицидальных намерениях. Исследователи отмечают, что такие признаки в той или иной мере проявляются в течение некоторого промежутка времени, предшествующего самоубийству [2, с. 336]. Они образуют пресуицидальный синдром и заключаются в сужении всей сферы психической жизни, торможении агрессии, направленной вовне, и переключении ее на собственную личность, желании умереть и фантазировании на тему смерти.

Вышеперечисленные факторы учтены при разработке вопросника, ориентированного на установление особенностей суицидальной активности подростков и юношей. Вопросник состоял из двух частей. Первая предполагала выявление суицидальных предпосылок и оценку степени их выраженности (ценности жизни, привлекательности смерти, наличия/отсутствия страха смерти, привязанности к жизни, суицидальных мотивов и желаний). Вторая содержала вопросы, направленные на выявление суицидальных намерений и опыта подростков и юношества. За каждый ответ, подтверждающий наличие предпосылок суицидальной активности, начислялся балл. Оценка производилась по следующей шкале (табл. 1).

Таблица 1. Шкала оценки суицидальных рисков

Уровни выраженности	Высокий	Средний	Низкий
Число подтверждающих ответов, в %	66,7—100	33,4—66,6	0—33,3

Общее количество респондентов составило 70 человек. В исследовании приняли участие учащиеся 9-х классов гимназии г. Калининграда в количестве 24 человек, учащиеся 9-х классов общеобразовательной школы г. Калининграда в количестве 19 человек, учащиеся детского дома (Калининград, 13 человек), студенты первого курса гуманитарного направления подготовки (Калининград, 14 человек). Возраст опрошенных составил 14—20 лет.

Результаты изучения распространенности суицидальных предпосылок с учетом пола респондентов представлены в табл. 2.

Таблица 2. Суицидальные предпосылки, % учащихся

Группа	Подростки				Юношество	Средние общие
	Гимназия	СОШ	Детдом	Средние		
Девушки	22,2	27,2	19,2	22,9	13,3	18,1
Юноши	29,3	20,7	22,1	24,0	29,1	26,6
Общие показатели	25,8	24,0	20,7	23,5	21,2	22,4

В группе подростков наиболее высокие показатели обнаружены у юношей-гимназистов и девушек — учащихся общеобразовательной школы; в молодежной среде юноши больше, чем девушки, демонстрируют суицидальные предпосылки. В целом они обнаруживаются менее чем у 30 % молодых людей и в большей степени характерны для мальчиков (рис. 1).

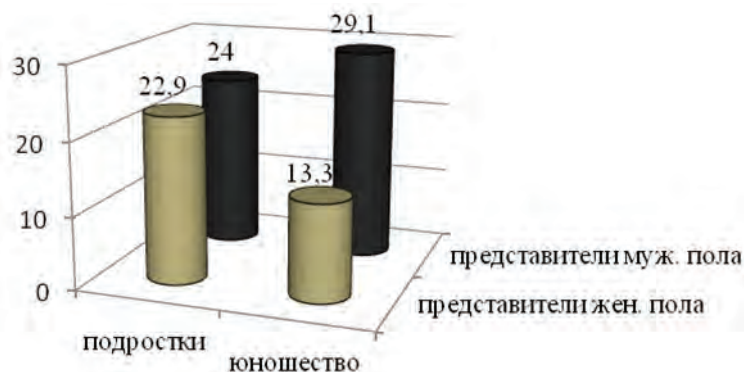

Рис. 1. Распространенность суицидальных предпосылок в молодежной среде

Показатели суицидальных намерений и действий несколько ниже во всех группах, нежели предпосылки самоубийств (табл. 3). Однако если у молодежи распределение показателей такое же, как и в первом случае, то у подростков-девочек они больше по сравнению с мальчиками (рис. 2). Значительно выраженнее, чем в остальных группах, показатели у учениц общеобразовательной школы. Вероятно, это связано с принадлежностью некоторых из них к субкультуре готов.

Таблица 3. Суицидальные намерения и действия, % учащихся

Группа	Подростки				Юношество	Средние общие
	Гимназия	СОШ	Детдом	Средние		
Девочки	14,7	40,0	5,0	19,9	16,7	18,3
Мальчики	11,4	8,6	15,7	11,9	22,7	17,3
Общие	13,1	24,3	10,4	15,9	19,7	17,8

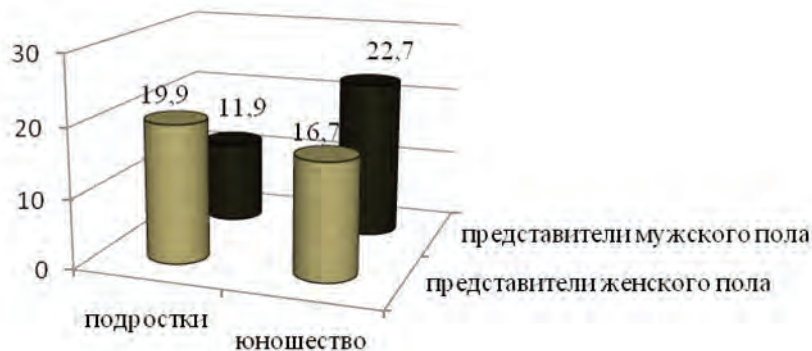

Рис. 2. Распространенность суицидальных намерений и действий

У юношей предпосылки к суицидам выражены значительно сильнее, чем само суицидальное поведение, в то время как у девушек эти показатели существенно не отличаются (рис. 3).

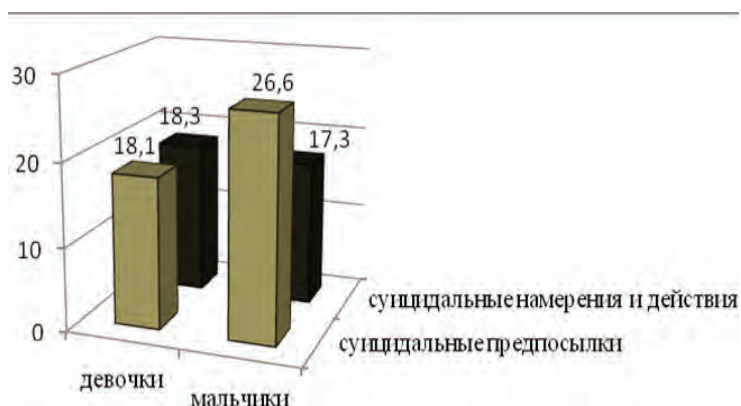

Рис. 3. Соотношение показателей суицидальных предпосылки намерений/действий в группах представителей женского и мужского полов

Важным показателем с точки зрения выявления конкретных школьников, склонных к самоубийствам, является степень выраженности предпосылок, намерений и действий. Распределение респондентов по данному показателю представлено в табл. 4.

Таблица 4. Общие средние показатели степени выраженности суицидальных предпосылок у подростков и юношества, % учащихся

Показатели	Не выражены		В средней степени		Ярко выражены	
	подростки	студенты	подростки	студенты	подростки	студенты
В группе девушек	77,9	100	22,1	0,0	0,0	0,0
В группе юношей	73,8	54,5	26,2	45,5	0,0	0,0
Средние	75,8	77,3	24,2	22,8	0,0	0,0

У участвовавших в исследовании подростков суицидальные предпосылки ярко не выражены, однако имеется группа школьников со средней степенью их проявления: это 15 человек, из которых 7 девушек и 8 юношей. Сходная картина и в группе студентов. Однако здесь средняя степень выраженности предпосылок суицида обнаружена только у юношей (5 человек), возможно, из-за малого количества респондентов-девушек.

В целом в группах подростков и молодежи предпосылки к суицидам оказались более выраженными у юношей.

В отличие от предыдущих показателей, и в группе юношей, и в группе девушек имеются случаи ярко выраженного проявления суицидного поведения (табл. 5), хотя в целом количество школьников с невыраженными намерениями и действиями больше. Всего в группе подростков выявлены 2 девушки и 1 юноша, имевшие опыт нанесения себе физического вреда или осуществления суицидальных попыток.

У 100 % девушек-студенток суицидное поведение не выражено, в то время как среди студентов-юношей выявились несколько человек со средним (1 из 11 человек) и высоким (2 из 11 человек) уровнями проявления такого поведения. Все они имеют средний уровень суицидальных предпосылок и составляют группу особого риска.

Таблица 5. Общие средние показатели степени выраженности суицидальных намерений и действий у подростков и юношей, % учащихся

Показатели	Не выражены		В средней степени		Ярко выражены	
	подростки	студенты	подростки	студенты	подростки	студенты
В группе девушек	79,8	100	10,6	0,0	9,5	0,0
В группе юношей	92,9	72,7	2,4	9,1	4,8	18,2
Средние	86,4	86,4	6,5	4,6	7,2	9,1

В целом у большинства подростков и молодежи суицидальное поведение не выявлено. Однако наличие значительной группы молодых людей с ярко выраженными наклонностями такого типа говорит о неблагоприятном положении дел даже в среде социально благополучных представителей молодого поколения.

Таблица 6. Соотношение степеней выраженности суицидальных предпосылок и намерений/действий, % учащихся

Выраженность	Подростки				Юношество	Средние общие
	Гимназия	СОШ	Детдом	Средние		
В равной степени	70,8	66,7	92,3	76,6	78,6	77,6
Предпосылки более выражены	20,8	23,8	0,0	22,3	14,3	18,8
Предпосылки менее выражены	8,4	9,5	7,7	8,6	7,1	7,9

У большинства респондентов во всех группах предпосылки и намерения/действия проявляются в равной степени (табл. 6). Однако выделяются небольшие группы, в которых предпосылки выражены в большей или меньшей степени, чем намерения и действия. Очевидно, это группы особого риска. Если предпосылки менее выражены, то у носителя суицидальных рисков распознать склонность к суициду гораздо сложнее, чем в других группах. Если предпосылки более выражены, то риски такого человека — «бомба замедленного действия», которая может вызвать суицидальные поступки в любой момент.

Заключение

Таким образом, данные опроса свидетельствуют об остроте проблемы суицидальной активности калининградской молодежи: общее число респондентов (13,7 % подростков и 13,7 % юношей — всего 11 человек) с суицидальными склонностями достаточно велико. Данный факт должен быть принят во внимание при разработке стратегий социальной политики и работы с молодежью в Калининграде и области.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Войцех В. Ф.* Что мы знаем о суициде / под ред. проф. В. С. Ястребова. М., 2007. 20 с.

2. *Исаев Д. Н.* Детская медицинская психология. Психологическая педиатрия. СПб.: Речь, 2004. 384 с.
3. *Дольто Ф.* На стороне подростка. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. 368 с.
4. Основные тенденции и региональные особенности смертности российских подростков / А. Е. Иванова, В. Г. Семенова, Э. В. Кондракова, А. Ю. Михайлов // Социальные аспекты здоровья населения. 2009. № 2(10). URL: <http://vestnik.mednet.ru>
5. *Wasserman D.* Global suicide rates among young people aged 15—19 // *World Psychiatry*. 2005. Vol. 4. Iss. 2. Pp. 114—120.
6. *Пятницкая С.* Астахов: «Это уже не эпидемия самоубийств, а государственная трагедия» // Комсомольская правда. 2012. 12 февраля. URL: <http://m.kp.ru/online/news/1080621>
7. *Дюркгейм Э.* Самоубийство: социологический этюд. М.: Мысль, 1994. 399 с.
8. *Соловьева С. Л.* Психология экстремальных состояний. СПб.: ЭЛБИ-СПб, 2003. 128 с.
9. *Райс Ф.* Психология подросткового и юношеского возраста. СПб.: Питер, 2000. 624 с.
10. Психология подростка: учебник / под ред. А. А. Реана. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. 480 с.
11. *Казанская В. Г.* Подросток: социальная адаптация: Книга для психологов, педагогов и родителей. СПб.: Питер, 2011. 286 с.
12. Кризис семьи в современной России. URL: http://religious.narod.ru/book02_08.html
13. *Вдовина М. В.* Межпоколенные конфликты в современной российской семье. 2005. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/699/064/>
14. Наш проблемный подросток / под ред. Л. А. Редуш. СПб.: Союз, 1999. 144 с.
15. *Ениколопов С. Н.* Психологические проблемы безопасности в школе // Материалы проекта «Образование, благополучие и развивающаяся экономика России, Бразилии и Южной Африки». URL: http://psyjournals.ru/edu_economy_wellbeing/issue/36278_full.shtml
16. Калининградская молодежь — 2004: краткий отчет по итогам диагностического исследования. Калининград, 2004. 31 с.
17. *Андрейчук Н. В., Гаврилина Л. М.* Феномен калининградской региональной субкультуры (социально-философский и культурологический анализ). Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2011. 139 с.

REFERENCES

1. *Voitsek V. F.* *Chto my znaem o suitside* [What we know about suicide]. Moscow, 2007. 20 p.
2. *Isaev D. N.* *Detskaya meditsinskaya psikhologiya. Psikhologicheskaya pediatriya* [Children's medical psychology. Psychological Pediatrics]. St. Petersburg, Rech Publ., 2004. 384 p.
3. *Dol'to F.* *Na storone podrostka* [On the side of a teenager]. Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2006. 368 p.
4. *Ivanova A. E., Semenov V. G., Kondrakova E. V., Mikhailov A. Yu.* [The general trends and regional characteristics of Russian teenagers mortality]. *Social'nye aspekty zdorov'ya naseleniya* [Social aspects of public health], 2009, № 2(10). URL: <http://vestnik.mednet.ru>
5. *Wasserman D.* Global suicide rates among young people aged 15—19. *World Psychiatry*, 2005, 4(2), pp. 114—120.

6. Pyatnitskaya S. [Astakhov: “It is not an epidemic of suicides, but the state tragedy”]. *Komsomol'skaya Pravda*. 2012. February 12. URL: <http://m.kp.ru/online/news/1080621>
7. Durkheim E. *Samoubiistvo: sotsiologicheskii etyud* [Suicide: A sociological study]. Moscow, Mysl' Publ., 1994. 399 p.
8. Solov'eva S. L. *Psihologiya ekstremal'nykh sostoyanii* [Psychology of extreme conditions]. SPb., ELBI-SPb. Publ., 2003. 128 p.
9. Rice F. *Psihologiya podrostkovogo i yunosheskogo vozrasta* [Psychology of adolescence and youth]. St. Petersburg, Piter Publ., 2000. 624 c.
10. Rean A. A. (ed.). *Psihologiya podrostka* [Teenager Psychology]. St. Petersburg, Prime EVROZNAK Publ., 2003. 480 p.
11. Kazanskaya V. G. *Podrostok: sotsial'naya adaptatsiya: Kniga dlya psikhologov, pedagogov i roditelei* [Teen: social adaptation: A book for psychologists, educators and parents]. St. Petersburg, Piter Publ., 2011. 286 p.
12. *Krizis sem'i v sovremennoi Rossii* [Family crisis in modern Russia]. URL: http://religious.narod.ru/book02_08.html
13. Vdovina M. V. *Mezhpokolennye konflikty v sovremennoi rossiiskoi sem'e* [Intergenerational conflicts in modern Russian family]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/699/064/>
14. Regush L. A. (ed.). *Nash problemnyi podrostok* [Our troubled teenager]. St. Petersburg, Union Publ., 1999. 144 p.
15. Enikolopov S. N. *Psihologicheskie problemy bezopasnosti v shkole* [Psychological safety problems at school]. Proc. of the project “Education, welfare and developing economies in Russia, Brazil and South Africa”. URL: [//psyjournals.ru/edu_economy_wellbeing/issue/36278_full.shtml](http://psyjournals.ru/edu_economy_wellbeing/issue/36278_full.shtml)
16. *Kaliningradskaya molodezh' — 2004: kratkii otchet po itogam diagnosticheskogo issledovaniya* [Kaliningrad youth — 2004: a summary report on the results of the diagnostic study]. Kaliningrad, 2004. 31 p.
17. Andreichuk N. V., Gavrilina L. M. *Fenomen kaliningradskoi regional'noi subkul'tury (social'no-filosofskii i kul'turologicheskii analiz)*. [The phenomenon of the Kaliningrad regional subcultures (social, philosophical and cultural analysis)]. Kaliningrad, Immanuel Kant University Publ., 2011. 139 p.

© Сироткина Л. С., Примак О. Л., Примак А. Л., 2016

Поступила в редакцию
в октябре 2016 г.

Received in October, 2016

Ссылка для цитирования: Сироткина Л. С., Примак О. Л., Примак А. Л. Суицидальная активность калининградской молодежи // Социология города. 2016. № 4. С. 10—26.

For citation: Sirotkina L. S., Primak O. L., Primak A. L. [Kaliningrad youth suicidal activity]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2016, no. 4, pp. 10—26.

УДК 316.334.56:687.55

*Н. Н. Седова,
И. Ю. Крайнова***УСЛУГИ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ
МЕДИЦИНЫ
В СОВРЕМЕННОМ
РОССИЙСКОМ ГОРОДЕ**

В современном обществе большое внимание уделяется эстетическим критериям оценки человека. Здоровый и приятный внешний вид является необходимым условием успешной карьеры, залогом уверенности в себе и способствует налаживанию межличностных отношений. Люди обладают разными возможностями для улучшения своей внешности. Преимущество в этом принадлежит жителям крупных городов. Здесь активно развивается «индустрия красоты», представленная, в том числе, высокотехнологичной системой косметологических услуг. Горожане готовы пользоваться ими, но культура потребления этих услуг пока недостаточно высока. Кроме того, существуют риски потребления косметологических услуг в крупном городе. Особенности потребления косметологических услуг горожанами и возможности избежать рисков в этой области изучались авторами статьи на материале социологического исследования, в котором применялись количественные (анкетирование) и качественные (кейс-стади) методы социологии города.

Ключевые слова:

крупный город,
эстетика,
медицина,
внешность,
косметология,
высокотехнологичная помощь.

*N. N. Sedova,
I. Yu. Krainova***AESTHETIC MEDICINE
SERVICES IN A MODERN
RUSSIAN CITY****Введение**

Забота людей о своей внешности — характерная черта современного общества. Но необходимо отметить, что существует серьезная дифференциация поведенческих паттернов в сфере самосовершенствования: а) в сельских поселениях; б) в малых городах; в) в крупных городах. Кроме того, само понятие «самосовершенствование» поливариантно. Оно может означать духовное саморазвитие, оптимизацию телесной организации и, наконец, изменение внешности в соответствии с эстетическими критериями человека. Мы не будем рассматривать духовное саморазвитие в силу хорошей проработки этой проблемы в философии, этике, эстетике, теологии и т. п. Кроме того, здесь — свои законы, и любая попытка анализа в категориях урбанистики вряд ли будет корректной.

Вопросы совершенствования телесной организации условно делятся на два направления. Согласно первому необходимым и достаточным условием оптимальной телесной организации является здоровый образ жизни. Согласно второму здоровью необходимо воспринимать как особое благо, требующее специальных методов поддержки. По этому пути пошли развитые страны, создав культ здоровья, здорового тела, здорового образа жизни. Характерной чертой такого культа является социальная аранжировка всех оздоровительных мероприятий. Создается целостный культурный комплекс вокруг идеи оздоровления по определенной системе, целью которого является не просто поддержание хорошего здоровья, но именно красивое здоровое тело. Обоснование такого подхода хорошо известно: красивое тело способствует карьере его обладателя, снижает расходы на лечение, поднимает социальный статус человека [1]. Соответственно такая программа поддерживается «продавцами здоровья» — Интернетом, кино, телевидением и другими СМИ, тренерами, собственниками спортивных объектов, производителями соответствующих товаров, авторами методик и учебников и т. д. Мы не будем собирать «социологический анамнез» этой индустрии, поскольку очевидно, что она имплицитно связана с процессами урбанизации,

In modern society much attention is paid to the aesthetic criteria of human evaluation. A healthy and pleasant appearance is a prerequisite for a successful career and confidence and it contributes to the establishment of interpersonal relations. People have different capabilities to improve their appearance. The residents of large cities have such advantage. "Industry of beauty" is developing actively here, including a high-tech system of cosmetic services. The citizens are ready to use them, but the culture of consumption of these services is not developed enough. In addition, there are risks of the consumption of cosmetic services in a large city. Characteristics of the consumption of cosmetic services by citizens and risks in this area were studied by the authors of the article on the basis of the proceedings of sociological research where quantitative (questionnaire) and qualitative (case study) methods of urban sociology were used.

Key words:

large city, aesthetics, medicine, appearance, beauty, high-tech help.

Об авторах:

Седова Наталья Николаевна – Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, доктор юридических наук, зав. Отделом этической, правовой и социологической экспертизы в медицине, Волгоградский медицинский научный центр, nns18@yandex.ru

Sedova Natal'ya Nikolaevna – Honored Scientist of the RF, Doctor of Philosophy, Doctor of Law, the Head of the Department on Ethical, Legal and Sociological Diligence in Medicine, Volgograd Medical Scientific Center, nns18@yandex.ru

но показатели востребованности здесь не столько территориальные, сколько поколенческие.

А вот самый простой путь достижения идеала молодости и красоты — изменение внешности — пока доступен только в крупных городах, что связано, в значительной степени, с распространением такого типично городского явления, как аппаратная косметология. Косметологическая помощь по-разному представлена в сельской местности, малых городах и крупных городах в силу причин, отмеченных в табл. 1.

Исследование в косметологических клиниках Волгограда

Нами был проведен опрос 320 жителей г. Волгограда, являющихся клиентами тех косметологических учреждений, которые имеют лицензию на медицинскую косметологическую деятельность. Это важно отметить, поскольку сейчас существуют два вида услуг в данной сфере — профессиональные медицинские и сугубо эстетические. В последнем случае они зачастую предоставляются людьми, не имеющими специального медицинского образования, о чем уже писали в своих работах Е. Файбисович и О. Рахиммулина [2—4]. Но опрошенные нами клиенты косметологических учреждений рассматривают косметолога именно как медицинского работника высшей квалификации (72 %), и только 3 % респондентов считают его визажистом, мастером салона, а не врачом. 75 % респондентов считают, что косметологические услуги относятся к медицинским, и только 3 % считают их аналогичными услугам парикмахера или маникюриста.

В опросе приняли участие 281 женщина и 19 мужчин. Это соответствует гендерному распределению в генеральной совокупности (все посетители профессиональных косметологических учреждений). Опрос проводился в течение двух дней одновременно во всех существующих в городе подобных учреждениях, каждый участник опроса заполнял анкету только один раз. Дифференциация между постоянными клиентами и теми, кто пришел к косметологу в первый раз, не проводилась.

Среди респондентов 178 человек состояли в браке, 84 были разведены, остальные не имели

Крайнова Ирина Юрьевна —
врач-дерматолог,
аспирант кафедры биоэтики,
философии и права
с курсом социологии медицины,
Волгоградский государственный
медицинский университет (ВолГМУ),
Российская Федерация, 400131,
г. Волгоград, пл. Павших Борцов, 1,
beautydoctor@inbox.ru

Krainova Irina Yur'evna —
dermatologist,
Postgraduate student
of Bioethics and Law Department
with a course of medicine sociology,
Volgograd State Medical University,
1, Square of Fallen Soldiers, Volgograd,
400131, Russian Federation,
beautydoctor@inbox.ru

официального партнера. Эти данные не соответствовали гипотезе исследования, согласно которой одним из мотивов улучшения внешности был поиск сексуального партнера. Но оказалось, что горожане (а чаще всего горожанки) рассматривают улучшение внешности как один из факторов стабильных семейных отношений. В то же время сопоставление данных о семейном положении и данных о достатке респондентов позволили предположить, что есть еще один существенный фактор обращения к косметологу: к нему приходят те, кто может позволить себе потратить на удовлетворение своих эстетических потребностей достаточно большие суммы. Действительно, среди респондентов 168 человек признались, что имеют достаток выше среднего, и все они состояли в браке. При этом треть клиенток-женщин заявили, что их процедуры оплачивает муж. К помощи родственников в оплате косметологических услуг прибегали 28 клиентов, в основном молодые девушки и юноши, борющиеся с негативными явлениями гормональной перестройки организма, лечение (а это было именно лечение) им оплачивали родители. Люди с невысоким достатком за косметологическими услугами обращаются чрезвычайно редко: в выборке таких оказалось всего 9 человек. При этом они нуждались в услугах сугубо медицинских (витилиго, удаление послеоперационных рубцов и т. п.).

Постоянными клиентами косметолога оказались 71 % респондентов. Причины обращения были дифференцированы следующим образом: коррекция внешности («борьба за красоту») — 47 %, возрастные проблемы («борьба за молодость») — 31,3 %, рекомендованное врачом лечение после медицинского вмешательства — 18,7 %. И опять, вопреки нашей гипотезе, только 3 % респондентов пришли к косметологу в надежде с его помощью изменить свою личную жизнь. Большинство респондентов принимали решение о посещении косметолога самостоятельно (75 %), некоторые, в основном мужчины, по совету членов семьи (15,6 %), а среди женщин были и те, кого в салон или клинику привели с собой подруги (9,3 %). Кстати, многие женщины обсуждают результаты косметологической помощи также с подругами (34 %), хотя большинство (47 %) ни с кем об этом не говорят. Мужчины

разделились примерно пополам: одна половина обсуждает косметологическое лечение со своими супругами, а другая — ни с кем.

Виды потребляемых услуг распределились следующим образом, %:

программы по уходу	18,6
мезотерапия	31,3
инъекции ботулотоксина	18,7
аппаратная косметология, в т. ч. лазеры ...	9,3
весь спектр КУ	22

Как видим, мезотерапия пользуется наибольшей популярностью как среди пациентов, так и среди врачей-косметологов. Существует мнение, что последние рекомендуют ее с целью добиться быстрого эффекта с наименьшими затратами времени и сил. Мы не проверяли это предположение, полагая, что позиция пациенток подтверждает их приверженность данному виду услуг и, следовательно, его эффективность.

Таблица 1. Косметологические услуги в территориальных образованиях разной степени урбанизации

Вид территории	Виды косметологических услуг
Кастелумизированная (сельская)	1. Продажа косметических средств (в т. ч. через интернет-магазины). 2. Самостоятельный уход за внешностью
С низким уровнем урбанизации (малый город)	1. Продажа косметических средств (в т. ч. через интернет-магазины). 2. Самостоятельный уход за внешностью. 3. Профессиональные услуги косметолога-визажиста
С высоким уровнем урбанизации (крупный город)	1. Продажа косметических средств (в т. ч. через интернет-магазины). 2. Самостоятельный уход за внешностью. 3. Профессиональные услуги косметолога-визажиста. 4. Профессиональные медицинские косметологические услуги в специализированных высокотехнологичных центрах

Горожане, как мужчины, так и женщины, не связывают свою потребность в улучшении внешности с помощью косметологии ни с погодой, ни с работой, ни с изменениями в личной жизни. Они вообще отрицают фактор сезонности в обращении к врачу-косметологу (75 %). Интервью с косметологами, которое мы проводили с целью определить разницу в диспозициях профессионалов и клиентов косметологических учреждений, показало, что специалисты четко отмечают наплыв клиентов в период от поздней осени до поздней весны.

Горожане, в большинстве своем, довольны результатом посещения косметолога (53 %), а треть респондентов вообще оценили результат выше ожидаемого. Недовольных мало — всего 3 %. А вот на объективные трудности в получении косметологических услуг жалуются больше трети опрошенных — 37,3 %. Они считают серьезным препятствием к

удовлетворению своих эстетических потребностей высокую стоимость косметологических услуг. Четверть респондентов признались, что при визите к косметологу преодолевают определенный психологический барьер, так как всегда опасаются нежелательных побочных эффектов, о которых говорят их знакомые, СМИ и интернет-источники. Недооценивать влияния этих агентов информации нельзя, поскольку 41 % респондентов активно собирают сведения о косметологии и существующих в ней рисках перед тем как обратиться к специалисту.

Контингент потребителей косметологических услуг распределяется так, как это представлено на рис.

Три категории потребителей косметологических услуг в специализированном учреждении крупного города

При этом постоянные клиенты отличаются тем, что считают медицинскую косметологию одним из средств улучшения внешности, комбинируя ее с другими средствами: массажем (44 %), фитнесом (22 %), занятиями йогой (18,7 %), посещением солярия (12,7 %). «Случайные» посетители при опросе признались, что пробовали некоторые из перечисленных средств улучшения внешности, но эти попытки носили единичный характер.

При исследовании обнаружилась еще одна особенность жителей крупного города, пользующихся услугами медицинской косметологии: это их юридическая грамотность. Можно сказать, что горожане уже осваивают, и довольно успешно, навыки потребления услуг эстетической медицины. Так, 50 % из них внимательно читают договор предоставления услуг, текст информированного согласия, некоторые (3,3 %) знакомы с положениями закона о защите прав потребителей. 47 % по-прежнему не обращают внимание на такие документы.

Рациональное отношение горожан к профессиональным косметологическим услугам отражается и в их ответах на вопросы о достигнутом эффекте улучшения внешности. Так, 50 % стали увереннее

чувствовать себя на работе, а 3,3 % даже связали с достигнутым эффектом свое продвижение по службе. У 15,7 % произошли приятные изменения в личной жизни, а у 9,3 % появились новые интересные знакомые, 12,75 % отметили, что никаких социальных перемен не почувствовали.

Самое главное, что произошли психологические изменения в личности клиентов: 31,3 % почувствовали себя уверенными в общении с незнакомыми людьми, столько же почувствовали себя более молодыми и красивыми. 15,7 % стали более спокойными, уравновешенными, еще 22 % отметили внимание к себе окружающих.

Таким образом, преимущества высокотехнологичной профессиональной медицинской косметологии для горожан очевидны. Но также очевидны и риски, связанные с косметологическими услугами. Представления о них мы изучали при помощи метода кейс-стади, было типологизировано 103 случая, примеры выделенных типов представлены ниже.

Риски, связанные с косметологическими услугами

1. Недостаточная и/или непрофессиональная информация. *В декабре 2014 г. на консультацию пришла пациентка Ирина Р., 50 лет. Интересовалась процедурами, помогающими вернуть тонус кожи век. Это был ее первый визит к врачу-косметологу. Осмотрев пациентку, врач-косметолог сообщил ей, что консервативно помочь ей никак не получится, поскольку птоз верхнего века выражен достаточно сильно и в области нижних век имеются жировые грыжи. Для радикального избавления от проблемы косметолог направил женщину на консультацию к пластическому хирургу, на блефаропластику. Пациентка очень боялась операции, т. к. по рассказам знакомых считала ее очень рискованной, просила попробовать инъекции и «какие-нибудь аппаратные воздействия», но косметолог объяснил, что желаемого омолаживающего эффекта она консервативным лечением не добьется и все равно рано или поздно решится на операцию.*

Неправильный выбор лечения пациенткой основан на фобиях, сформированных рассказами знакомых и негативными подробностями подобных операций, о которых охотно сообщают СМИ и интернет-форумы. В профессиональных медицинских учреждениях косметологического профиля врач никогда не станет применять неэффективные методы, тогда как непрофессионал охотно пойдет навстречу пациентке, т. к. запрашиваемые ею услуги носят пролонгированный характер и принесут хороший доход учреждению. Но ожидаемого эффекта не будет.

В итоге Ирина Р. решилась на блефаропластику верхних и нижних век, после чего вновь обратилась к врачу-косметологу для проведения восстановительного, противоотечного лечения, которое состоит из небольшого курса микротоковой терапии и ручного лимфодренажного массажа. Результат был впечатляющий, тем более что других видимых проявлений возраста у пациентки не было. С врачом-косметологом Ирина Р. договорилась о регулярных визитах один раз в месяц для профилактических процедур по укреплению кожи век (курс фракционного омоложения лазером Fraxel).

2. Финансовые проблемы при выборе клиентом косметологической помощи. *На консультацию к врачу-косметологу пришла пациентка Елена П., 53 года. Она с семьей переехала в Волгоград из другого города, и, случайно проходя мимо центра красоты, она решила зайти на консультацию. Пациентку беспокоил сниженный тонус кожи, мелкие сетчатые морщины в области щек и «гусиные лапки». На осмотре врача она рассказала, что инъекции в своем городе делала нерегулярно, а прошлой осенью проходила курс гликолевого пилинга. Помимо морщин и атомичной тонкой кожи, врач объективно подметил наличие у пациентки стойкой пигментации на лице и некоторое проявление купероза (расширенные капилляры). Врач предложил пациентке провести процедуру фотоомоложения (для устранения пигментных пятен и телеангиоэктазий на лице) и биоревитализацию гиалуроновой кислотой двукратно. Елена спросила о цене этих услуг. Фотоомоложение стоило 10 000 руб., биоревитализация — 12 000 руб. за один шприц. Подобная стоимость оказалась для Елены достаточно высокой и она попросила косметолога попробовать заменить эти дорогостоящие процедуры на более дешевые, но не менее эффективные, поскольку потратить порядка 35 000 руб. за один месяц пациентке было крайне затруднительно.*

Подобные случаи происходят довольно часто, поскольку аппаратная косметология, включающая использование высокотехнологичных способов лечения, естественно, требует больших материальных затрат. Начиная свои рекомендации с предложений подобных услуг, косметолог не только стремится в максимально сжатые сроки добиться максимального положительного эффекта, но и учитывает финансовые интересы представляемого им учреждения. Пациентам необходимо это учитывать. В данном случае пациентка была достаточно хорошо информирована о номенклатуре услуг, поэтому и обратилась с просьбой об использовании менее затратных, но не менее эффективных процедур.

Косметолог в качестве альтернативы предложил курс мезотерапии увлажняющего, ревитализирующего коктейля и курс химических пилингов от пигментации. Коктейль содержал в себе все необходимые аминокислоты, витамины, ферменты, низкопроцентную гиалуроновую кислоту, сосудостроительные компоненты. Цена его за одно применение составила 4000 руб., но необходимо было сделать 3—4 процедуры с интервалом в 2—3 недели. Кислотный пилинг включал в себя следующие компоненты: гликолевая, молочная, лимонная, койевая кислоты, ретинол и фитоэстрогены из бобов сои, а также антиоксиданты. Помимо хорошего отшелушивающего эффекта, данный коктейль обладал лифтинговым эффектом и надолго предотвращал появление новых пигментных пятен. Цена за процедуру составляла 3500 руб. Необходимый курс пилинга — три процедуры. Елена согласилась на подобный вариант решения ее проблемы. Ей было проведено три мезотерапии вышеуказанным коктейлем, между которыми проводился химический пилинг (две процедуры). В результате Елена П. потратила примерно 19 000 руб., получив при этом ожидаемый результат, и осталась довольной.

3. Комплексное решение косметологических проблем. *Пациентка Инга К. пришла на консультацию к врачу-косметологу с жалобами на пигментные пятна в области лица. При осмотре и сборе анализа было выявлено, что женщина страдает витилиго. У пациентки мать тоже имеет такие же*

пятна. Лечение этой болезни комплексное и в достаточной степени сложное и должно проводиться совместно с иммунологом и дерматологом.

Зачастую пациенты рассматривают косметологию как обособленную сферу медицинской помощи, не ассоциируя ее с терапией, хирургией, гинекологией и т. п. Между тем косметологические проблемы часто бывают маркерами внутренних болезней, поэтому врач-косметолог всегда собирает анамнез и рекомендует консультации у врачей-специалистов по той проблеме, которую предполагает у пациента. Если этого не происходит, в квалификации такого врача стоит усомниться.

В данном случае, после консультации со специалистами, для сглаживания косметического недостатка на открытых участках кожи (у Инги участки депигментации только на лице в области щек) косметологом был предложен курс химических пилингов с гидрохиноном для осветления соседних здоровых участков кожи. В итоге было проведено 6 процедур с интервалом 4 недели и отметилось хорошее отбеливание кожи лица, что сгладило участки с разным цветом. Пациентка осталась довольна, но на весь период года ей был назначен солнцезащитный крем с высоким уровнем SPF для предотвращения загорания кожи.

4. Гендерные различия в потреблении косметологических услуг.

Дмитрий Л., 46 лет, пришел на консультацию к врачу-косметологу с жалобами на «увядание» кожи, на выраженные морщины кожи лба и носогубные складки. При осмотре было выявлено, что кожа у него обезвожена, имеется купероз на носу и щеках. Мужчина активно работает мимикой и, как следствие, у него очень глубокие складки на коже лба и вокруг глаз. Ему было предложено лазерное омоложение на лазере Fraxele в количестве двух раз с интервалом в один месяц. Между процедурами с использованием лазера две мезотерапевтические инъекции гиалуроновой кислоты и по окончании курса заполнение филлером носогубных складок. Также пациент согласился на инъекцию ботулотоксина с целью смягчения линий на лбу. После проведенных мероприятий Дмитрий был полностью удовлетворен результатами омолаживающего курса.

Но следует отметить, что чаще всего к врачу-косметологу мужчины приходят на неинвазивные процедуры, которые не имеют долгой реабилитации, не оставляют много кровоподтеков, да и просто более комфортны и приятны (микротоки, ультразвуковой пилинг, всевозможные маски и ручной расслабляющий массаж, т. к., как правило, мужчины часто находятся в стрессе и ввиду этого в мышцах лица присутствует явление спастики). Мужчины часто стесняются обращаться к врачу-косметологу, считая его «женским доктором». Это предубеждение в значительной степени мешает им в решении многих жизненных проблем [5—7].

5. Возрастные особенности потребления косметологических услуг.

К врачу-косметологу на консультацию пришла Анастасия Ч., 21 год. Девушка настаивала на проведении ей процедуры коррекции скуловой зоны (увеличение скул). Когда врач поинтересовался у нее, зачем ей это нужно, она ответила, что ее 27-летняя подруга давно посещает косметолога и давно «себе все делает» и что скулы якобы делаются «для профилактики образования носогубных складок» и «для более рельефного и красивого лица». Врач отказал пациентке, объяснив, что такая коррекция выполняется далеко не всем и

что у нее для проведения подобной процедуры нет никаких показаний. Также врач объяснил пациентке, что старение кожи начинается примерно в 27—30 лет и ранее этого возраста не стоит прибегать к таким манипуляциям. Пациентка ушла.

Необходимо дифференцировать обращение за косметологической помощью по медицинским или эстетическим показаниям и потребность в ней как следование моде. Сейчас можно встретить случаи, когда старшеклассницы просят родителей «подарить на выпускной»... блефаропластику, а то и круговую подтяжку лица. Это типичное проявление погони за модным трендом. Косметолог-профессионал никогда не будет идти на поводу у клиента, если видит, что его вмешательство нецелесообразно. Но всегда остается риск попасть к непрофессионалу...

Заключение

Таким образом, при обращении за косметологической помощью горожане могут столкнуться с такими рисками, как:

- собственная неинформированность;
- слепое следование моде;
- отсутствие финансовых возможностей для окончания начатого лечения;
- гендерные предрассудки;
- отсутствие консультативной помощи специалистов других медицинских специальностей;
- обращение к косметологу-непрофессионалу.

Стремление к сохранению молодости и красоты вполне естественно, но реализовать его необходимо только с помощью профессионалов-медиков, тем более что в крупном городе для этого есть все возможности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Медведев Д. С., Дудкин Г. В. Здоровое тело как предмет интереса социологии медицины // Социология медицины — реформе здравоохранения: материалы Первой Всероссийской науч.-практич. конф., Волгоград, 2004. С. 39—42.
2. Рахимуллина О. А., Крайнова И. Ю., Файбисович Е. И. Этика, право и медицина в становлении профессии «врач-косметолог» // Биоэтика. 2014. № 1(13). С. 43—54.
3. Файбисович Е. И., Рахимуллина О. А. Кто делает горожан красивыми // Социология города. 2012. № 4. С. 58—63.
4. Файбисович Е. И., Гурова В. О. Новые этические проблемы в дерматокосметологической практике // Биоэтика. 2011. № 1(7). С. 39—40.
5. Седова Н. Н., Щелков С. А. «Городские» риски мужского здоровья // Социология города. 2014. № 1. С. 3—12.
6. Седова Н. Н., Басов А. В. Этические параметры персонализированной медицины // Биоэтика. 2015. № 2(16). С. 21—25.
7. Седова Н. Н., Навроцкий Б. А. Отношение жителей крупного промышленного города к персонализированной медицине // Социология города. 2015. № 3. С. 39—46.

REFERENCES

1. Medvedev D. S., Dudkin G. V. [A healthy body as a subject of interest of sociology of medicine]. *Sotsiologiya meditsiny — reforme zdravookhraneniya: materialy Pervoi Vserossiiskoi nauch.-praktich. konf.* [Sociology of medicine — healthcare reform. Proc. of the First All-Russian Scientific and Practical Conference]. Volgograd, 2004. Pp. 39—42.
2. Rahimullina O. A., Krainova I. Yu., Faibisovich E. I. [Ethics, law and medicine in the development of the profession of a beauty therapist]. *Bioetika* [Bioethics], 2014, no. 1(13), pp. 43—54.
3. Faibisovich E. I., Rakhimullina O. A. Who make townspeople beautiful. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2012, no. 4, pp. 58—63.
4. Faibisovich E. I., Gurova V. O. [New ethical problems in dermato-cosmetology practice]. *Bioetika* [Bioethics], 2011, no. 1(7), pp. 39—40.
5. Sedova N. N., Shchelkov S. A. [“City” men’s health risks]. *Sotsiologiya goroda* [Sociology of City], 2014, no. 1, pp. 3—12.
6. Sedova N. N., Basov A. V. [The ethical parameters of personalized medicine]. *Bioetika* [Bioethics], 2015, no. 2(16), pp. 21—25.
7. Sedova N. N., Navrotskii B. A. [Attitude of the residents of large industrial cities to personalized medicine]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2015, no. 3, pp. 39—46.

© Седова Н. Н., Крайнова И. Ю., 2016

Поступила в редакцию
в декабре 2016 г.

Received in December, 2016

Ссылка для цитирования: Седова Н. Н., Крайнова И. Ю. Услуги эстетической медицины в современном российском городе // Социология города. 2016. № 4. С. 27—36.

For citation: Sedova N. N., Krainova I. Yu. [Aesthetic medicine services in a modern Russian city]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2016, no. 4, pp. 27—36.

УДК 72.01

*Г. А. Птичникова,
А. В. Антюфеев*

**ГОРОДСКАЯ АРХИТЕКТУРА
КАК ЧАСТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ:
РОССИЙСКАЯ, ЕВРОПЕЙСКАЯ
И АМЕРИКАНСКАЯ МОДЕЛИ**

В статье рассматриваются значение и роль городской архитектуры как составляющей части национальной культурной политики государства на примере трех моделей: российской, европейской (Франция, Нидерланды) и американской (США). Первая часть статьи посвящена изучению этого вопроса в законодательных документах России. Во второй части исследуются различные подходы к развитию архитектурного творчества как специфического вида искусства в национальных культурах зарубежных стран. Доказательная база представлена многочисленными примерами зарубежной и российской архитектурной практики.

Ключевые слова:
архитектура,
архитектурная политика,
культурная политика,
социокультурное развитие,
модели культурной политики,
архитектурная пропаганда.

*G. A. Ptichnikova,
A. V. Antyufeev*

**ARCHITECTURE AS PART
OF CULTURAL POLICY
OF THE COUNTRY: RUSSIAN,
EUROPEAN AND AMERICAN
MODELS**

The paper studies the importance and role of architecture as a part of the national cultural policy of the state by the example of three models: the Russian, European (France, the Netherlands) and North American (the United States). The first part of the article is devoted to the study of this issue in the Russian legislation. The second part examines different approaches to the development of architecture as a specific art form in the documents of national cultural policy in foreign countries. The evidence base is

Введение

Архитектура, как правило, играет ведущую роль в культурной политике разных стран, олицетворяя собой своеобразную культурную миссию конкретного государства. В истории Российского государства можно найти различные примеры изменения культуuroобразующих смыслов архитектуры в разные периоды. Это и архитектура Петровской эпохи, утверждающая европейский вектор развития государства, это и архитектура русского классицизма, развивавшегося под воздействием просветительских тенденций общественной мысли, идей патриотизма и гражданственности, это и архитектура «русского стиля», возникшая как воплощение русской национальной идеи в последней четверти XIX в. Государственная культурная политика во многом направляла движение архитектурного развития и в советский период, когда в соответствии с пожеланиями или вкусами верховных правителей изменялись стилистические и творческие направления.

**Характеристика современного этапа развития
русской архитектуры**

Современный период развития архитектуры, который продолжается последние 25 лет начиная с распада СССР и формирования нового российского государства, в контексте национальной культурной политики показывает особенности, отличающие его от предшествующих эпох. С одной стороны, наблюдается отсутствие давления сверху относительно стилевых предпочтений, что предполагает свободу архитектурного творчества. И это, конечно, хорошо для зодчего-творца. Но, с другой стороны, тот архитектурный слой, который сложился за последние четверть века в российских городах, создает впечатление забвения этой сферы государством, за некоторыми исключениями, о которых скажем позже. Архитектура оказалась брошенной в бурное море рыночной экономики и плывет, как челн, «по воле волн», подчиняясь ходу событий, капризу заказчика и запросам строителя. Какие настроения властей отражает архитектура, созданная за последние 25 лет?

represented by numerous examples of foreign and Russian architectural practice.

Key words:
architecture,
architectural policy,
cultural policy,
social and cultural development,
cultural policy models,
architectural propaganda.

Об авторах:

Птичникова Галина Александровна —
доктор архитектуры, профессор,
директор Волгоградского филиала
Научно-исследовательского института
теории и истории архитектуры
и градостроительства
Российской академии архитектуры
и строительных наук
(НИИТАГ РААСН),
Российская Федерация, 400131,
г. Волгоград, пр. Ленина, 2б,
vp_niitag@mail.ru

Ptichnikova Galina Aleksandrovna —
Doctor of Architecture, Professor,
Director of The Volgograd branch
of The Research Institute of the Theory
and History of Architecture and Town
Planning of the Russian Academy of
Architecture
and Construction Sciences (NIITAG RAASN),
2b, Lenina Pr., Volgograd,
400131, Russian Federation,
vp_niitag@mail.ru

Антофеев Алексей Владимирович —
кандидат архитектуры, профессор,
зав. кафедрой урбанистики
и теории архитектуры,
Волгоградский государственный
архитектурно-строительный
университет (ВолГАСУ),
Российская Федерация, 400074,
г. Волгоград, ул. Академическая, 1,
antyufeev_a@mail.ru

Antyufeev Aleksei Vladimirovich —
Candidate of Architecture, Professor,
Head of the Urban Development Department,
Volgograd State University of Architecture
and Civil Engineering (VSUACE),
1, Akademicheskaya St., Volgograd,
400074, Russian Federation,
antyufeev_a@mail.ru

На фоне общего государственного равнодушия к архитектуре выделяются крупные объекты, которые появились за последние 7—8 лет и составили так называемую «архитектуру больших событий». Среди городов, где проводились такие глобальные события всемирного масштаба, можно назвать Екатеринбург (9-й саммит ШОС и первый саммит БРИК, 2009 г.), Владивосток (24-й саммит АТЭС, 2012 г.), Казань (XXVII Всемирная летняя универсиада, 2013 г.). Безусловно, это и объекты Олимпиады-2014 в Сочи, новые постройки для встречи стран ШОС и БРИК в Уфе в 2015 г., стадионы и инфраструктура для Чемпионата мира по футболу-2018, который пройдет в 11 российских городах. Реализации этих проектов во многом способствовала принятая в нашей стране «концепция поляризованного развития», которая заключается в точечных финансовых инъекциях в избранные города и регионы [1]. Безусловно, глобальные события способствуют быстрому «ап грейду», модернизации функционально-планировочной структуры городов. Появляются новые функциональные узлы, расширяется каркас города, формируются новые связи. Вектор архитектурно-градостроительного развития города при этом определяется характером планируемого события. Если это спортивное событие, то среди общественной застройки города преобладает осязаемый крен в сторону строительства спортивных объектов и связанной с ними инфраструктуры. Например, в Казани в ходе подготовки к Универсиаде для проведения соревнований было создано около 60 объектов, из которых более половины представляли собой новые спортивные арены.

Таким образом, государственными заказами, показывающими цели российской архитектурной политики, стали объекты «больших событий». Их цель — это показать масштаб страны, ее высокое место в общем глобальном мире. Других глубоких смыслов российской архитектуре предложено не было. Национальный проект «Жилье» (проект «Доступное и комфортное жилье — гражданам России»), объявленный уже более 10 лет назад, не реализовался в должном масштабе и не поднял на качественный уровень

архитектуру массового жилья. Альтернатива аскетичным домам хрущевской эпохи в виде качественной архитектуры доступного жилья XXI века так и не была создана.

Робкая надежда у архитекторов на внимание государства появилась в связи с разработкой нового законодательства в 2014 г., связанного с формированием основ культурной политики Российской Федерации. Эту надежду заронил Проект основ государственной культурной политики [2], вызвавший активную реакцию архитектурной общественности. В этом проекте были сформулированы положения, которые определяли новую роль и смыслы для российской архитектуры. Архитектура, градостроительство и садово-парковое искусство в Проекте рассматривались как полноправные члены семейства искусств. В документ был включен специальный раздел «Создание условий для формирования эстетически ценной архитектурной и иной предметной среды», который полностью сосредоточился на вопросах архитектуры и градостроительства. В этой части Проекта были даны критические оценки, относящиеся к советскому и постсоветскому времени. Приведем цитату, раскрывающую эти положения: «До последней четверти XX века понимание важности архитектуры и градостроительства для формирования личности человека присутствовало и в России, где развитие архитектуры как вида искусства было, пусть и не главной, но заботой государства. Российская архитектурная школа уже в XIX веке занимала свое место в числе ведущих в Европе, а шедевры советской архитектуры 1920-х годов навсегда вошли в золотой фонд мирового искусства. С переходом на рыночную экономику государственно значимый статус архитектуры в нашей стране был признан фактором избыточного государственного регулирования строительного рынка, и сегодня российская архитектурная школа близка к исчезновению» [2]. Действительно, такая оценка нынешнего тяжелого состояния отечественной архитектуры и градостроительства, которая во многом обусловлена насаждением «рыночного фундаментализма» в последние 25 лет, была абсолютно справедлива [3]. Далее следовали предложения по реанимации архитектурной сферы путем государственной поддержки, восстановления статуса архитектуры как социально значимого вида искусства. Государство, утверждалось в Проекте, должно стать главным заказчиком современной российской архитектуры.

Утвержденные 24 декабря 2014 г. президентом РФ «Основы культурной политики» (ОГКП) показывают значительное расхождение между Проектом и итоговым документом [4]. Оказались стерты выводы об оценке архитектурной среды современных российских городов, о ее важности для «формирования личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей». В целом, по поводу архитектуры в документе можно выделить три небольших фрагмента. Первый из них относится к задачам по сохранению материального наследия и звучит так: «Повышение роли объектов культурного наследия, сохранение исторической среды городов и поселений, в том числе малых городов (ч. VI. Задачи государственной культурной политики, с. 12). Второй фрагмент касается задачи «повышения эстетической ценности архитектурной среды российских городов, государственной поддержки архитектурного творчества, признания архитектуры социально значимым видом искусства». И последнее положение прозвучало в ч. VIII «Ожидаемые ре-

зультаты реализации государственной культурной политики»: здесь была упомянута «гармонизация социально-экономического развития регионов России, особенно малых городов и сельских поселений, активизация культурного потенциала территорий».

Таким образом, «Основы государственной культурной политики» все-таки утверждают положение о том, что ведущая роль в развитии культуры РФ отводится государству (идеологическая и финансовая составляющая). Одновременно в этом документе подтверждается, что государственная культурная политика строится на принципах свободы творчества и невмешательства государства в творческую деятельность.

Какие видимые изменения по реализации культурной политики произошли в отношении архитектуры за прошедший год со дня опубликования ОГКП? Даже поверхностный обзор состояния российской архитектуры показывает разрыв между теоретическими декларациями и реальной ситуацией. Иными словами, ничего не меняется, равнодушное отношение к архитектурной сфере остается очевидным в реализуемой государством культурной политике.

В этой связи очевидна актуальность изучения роли архитектуры в культурной политике зарубежных стран. Какие цели в отношении архитектуры и культуры в целом ставят другие государства, каковы механизмы влияния государства на архитектурное развитие внутри страны и какую роль играет архитектура во внешней культурной политике стран — таковы вопросы, на которые должно ответить наше исследование.

Роль архитектуры в культурной политике зарубежных стран

Прежде чем перейти к конкретным примерам, остановимся на исторически сложившихся моделях государственной культурной политики, с которыми мы встречаемся и в настоящее время. В настоящее время существует большое число типологий моделей политики в сфере культуры, что объясняется разным подходом к определению ее целей, механизмов реализации и результатов [5]. Для наших целей более всего подходят модели культурной политики, которые предложил профессор А. Визанд (Европейский исследовательский институт культурной политики и искусства, Германия). Он выделяет две модели развития культурной политики: первая основывается на идее государственной финансовой поддержки искусства и культуры (государство-центристская), а вторая — на рыночно ориентированной концепции [6]. Первая модель означает доминирующее участие государства в финансировании и управлении культурой и архитектурой в том числе. Среди западных стран наиболее ярко эта модель реализуется во Франции. Вторую модель наиболее целостно представляют США. Культурная политика других стран и степень влияния государства на архитектуру находятся между этими двумя полюсами.

Таким образом, развитие архитектуры в контексте культурной политики рассмотрим на трех моделях: Франции, которую еще иногда называют «культурной монархией», США, где культурная сфера рассматривается как бизнес: и как бизнес, доходный сам по себе, и как инструмент глобального «ценностного» доминирования, что для США тоже бизнес [7], и Голландии, представляющей, с одной стороны, промежуточную модель культурной политики, а с

другой, являющейся страной, архитектура которой сегодня являет собой авангард мирового зодчества.

Французская модель культурной политики представила значительные результаты в сфере развития национальной архитектуры. В первые послевоенные годы самой важной проблемой было восстановление городов, разрушенных войной. Созданное в этот период Министерство восстановления и урбанизма организовывало и финансировало восстановление разрушенных городов. Образцом такой реконструкции стал Гавр, где процессом восстановления города руководил архитектор Огюст Перре. С середины 1950-х гг. проблема восстановления городов уступает место вопросам нового жилищного строительства. Речь идет о массовом строительстве финансируемого государством социального жилья для миллионов людей, нуждающихся в улучшении жилищных условий. Государство объединило усилия специалистов для создания индустрии жилищного строительства, что заставило переосмыслить архитектуру массового жилья и его градостроительно-пространственную организацию. В результате была разработана новая урбанистическая концепция — концепция «большого ансамбля» — и сформировался новый архитектурный стиль «хард-френч» [8]. «Большой ансамбль» (жилой микрорайон) возводился обычно на свободном от застройки участке и состоял из продольных и поперечных протяженных домов-панелей с вкраплениями домов-башен.

Начиная с 1959 г., когда во Франции было создано Министерство культуры, складывалась современная культурная и архитектурная политика страны, которая обусловила все формы и виды культурной и архитектурной деятельности, в том числе и сохранение историко-культурного наследия, и защиту сфер национального искусства и образования в самых различных аспектах.

В 1960—1970 гг. политика государства, направленная на решение жилищной проблемы, продолжает развиваться. «Большие ансамбли» вначале нравились жителям, так как предоставляли современный комфорт тем слоям населения, которые ранее его не имели. Однако к концу 1960-х гг. в обществе начинают преобладать критические настроения. Критика касается изолированности этих микрорайонов от центра города и непривлекательности архитектурного облика застройки («мрачности» бетона и сходстве прямоугольных зданий с «кроличьими клетками»). Волна протестов, которая поднялась во Франции в мае 1968 г., направила критику на правительство и коммунистическую партию, а также на основной принцип массового жилья — триаду «metro, boulot, dodo» («метро, работа, кровать») [8].

В следующее десятилетие, в 1970—1980 гг., французское государство отказывается от идеи «больших ансамблей» в пользу идеи «нового города». Речь идет о создании многофункциональных городов в зонах влияния существующих агломераций. Эти новые города в парижском регионе, а также недалеко от Лилля и Лиона, становятся настоящими архитектурными лабораториями.

В 1977 г. во Франции был принят закон об архитектуре, утвержденный Национальным собранием и Сенатом и ратифицированный Президентом Республики. Основным его положением явилось то, что архитектура — это выражение национальной культуры, и она служит общественным интересам. В первой статье этого закона впервые было провозглашено намерение государства сохранять качества национальной архитектуры и способствовать дальнейшему их развитию. Кроме того, в законе предусматривается проведе-

ние комплекса мероприятий (в частности, конкурсов), которые были призваны обеспечить высокое архитектурное качество общественных зданий. Новые типы жилых зданий разрабатываются во время реновации исторических центров городов, например в Эвре (арх. Ж. Реноди) или в Мари-ля-Валле (арх. А. Сириани).

Особого внимания в рамках нашего исследования заслуживает эпоха президента Франсуа Миттерана (1981—1995 гг.). В этот период доля бюджетных расходов на культуру удваивается (с 0,5 до 1 %), благодаря чему возможности государственной культурной политики существенно возрастают. Французская архитектура выходит на новый уровень благодаря программе «Большие проекты». Главная идея этой программы заключалась в решительном архитектурном обновлении городского пространства. В отличие от предыдущих лет социальное жилье в этот период не являлось центральным элементом архитектурного творчества, внимание было отдано общественным объектам города. Главной идеей Миттерана было превращение Парижа в пространство новых общественных мест: одно в центре (Пирамида Лувра), остальные — на периферии. Такая новая геометрия пространства усиливала взаимосвязь между центром города и его субурбиями. Все «Большие проекты» Парижа монументальны по масштабу и формируют новые публичные пространства города. Они стали альтернативой частным коммерческим проектам конца 1960-х — начала 1970-х, искажавшим облик Парижа, как, например, известная башня Монпарнас.

Для реализации своей программы Ф. Миттеран инициировал серию громких международных конкурсов на разработку проектов уникальных общественных объектов для столицы, а затем в течение достаточно короткого времени правительство Франции вложило огромные инвестиции в эту программу. Первым проектом стал Центр искусства и культуры, построенный по инициативе Жоржа Помпиду, страстного поклонника современного искусства (арх. Р. Пиано и Р. Роджерс, 1977). Сооружение вошло в число самых ярких примеров зарождавшегося в эти годы хай-тека.

В результате реализации «Больших проектов» была сформирована новая градостроительная ось «Лувр — Тэт Дефанс», мощный градостроительный вектор развития Парижа. В 1989 г. по конкурсному проекту архитектора О. Спрекельсена на завершении оси было построено грандиозное сооружение в виде большой арки с проемом прямоугольного очертания. «Большая Ось» стала отражением непрерывающейся связи современности и исторических традиций французского зодчества, диалога между Парижем прошлого и современной столицей, олицетворением пространственного символа национальной идеи развития [9].

Политика Миттерана с ее стремлением к открытым публичным пространствам воплотилась в многочисленных объектах, таких, например, как Музей д'Орсэ, который соединил в себе черты музея и форума. На набережной Берси в Париже было построено грандиозное здание Министерства финансов (арх. Б. Уйдобро, П. Шеметов, 1988), сложная пространственная композиция которого протянулась на сотни метров вдоль Сены. Своими корпусами оно перекинулось через городскую автомагистраль, устоями выдвинулось в русло реки, что дает возможность подплывать к нему на катерах. Национальная библиотека в Париже (арх. Д. Перро, 1989—1996) также входит в ряд «Больших проектов» и завершает его.

В 1980—1990-е гг. французская столица превратилась в экспериментальную площадку, эпицентр авангардной архитектуры, где один за другим создавались новые объекты, привлекающие всемирное внимание. Большие проекты сыграли важную роль в обновлении облика города и в выборе стилистической направленности, ориентированной на неомодернизм.

В конце XX в. во Франции ведущей темой стала проблема сохранения исторических архитектурно-градостроительных традиций и типоморфологических особенностей городов. В последнее десятилетие XX в. строилось множество общественных зданий, учебных зданий, музеев и библиотек: Городок музыки в Париже (К. Портзампарк, 1990—1995), Музей истории Первой мировой войны в Перрони (арх. А. Сириани, 1995), Археологический музей в Сен-Ромен-ан-Галь (арх. Шекс и Морель, 1996), Университет искусств и гуманитарных наук в Гренобле (арх. Лакатан и Вассаль, 1996) и др. Их общей чертой явилось стремление к гармонизации со сложившимся городским ландшафтом.

Французская модель культурной политики не является застывшей структурой, она постоянно развивается. С начала 1980-х гг. в стране последовательно осуществляется программа децентрализации [10]. С развитием архитектуры и градостроительства это связано непосредственно. Местные налоги идут напрямую в бюджет местных властей и расходуются на локальные проекты — школы, спортзалы, бассейны, дороги и парки. Программа «Городская реновация» (Renouvellement urbain) сегодня является главной составной частью деятельности региональных и муниципальных властей.

Американская модель культурной политики во многом противоположна французской модели. В основе американской идентичности лежат ценности индивидуализма и личной инициативы, которые порождают отрицание всякой центристской системы. В общественном сознании американцев прочно утвердилась уверенность в том, что государство подавляет творческую свободу и художественное вдохновение. Отчасти это убеждение и является причиной отсутствия в США министерства, которое бы ведало делами культуры или архитектуры на федеральном уровне. Оценивая различие европейской и американской моделей культурной политики, председатель Национального фонда искусств и гуманитарных наук Д. Джиоя подчеркнула, что централизованная европейская модель спонсорства искусств «выросла из традиции королевского и аристократического патронажа, роль которого в нынешние времена взяло на себя государство. В отличие от этого Соединенные Штаты никогда не имели королевских семей или наследной аристократии. Здесь действует система, которая в значительной мере опирается на частную филантропию, дополняемую правительственными грантами и стимулами, чтобы поощрять донорство со стороны частных лиц» [11].

Для архитектуры США характерна формальная множественность, отличающая ее от многих европейских национальных школ. Отмечая особенности американской культуры, А. В. Иконников писал, что отсутствие исторических корней обусловило, в свою очередь, отсутствие или слабость культурных запретов, снимающихся на уровне государства [12]. Отсюда происходит характерная для культуры США свобода выражения творческой мысли. С другой стороны, В. Л. Хайт подчеркивал, что «разнообразие в американской архитектуре определяется с точки зрения профессиональных установок не

столько естественным стремлением к обогащению формы в условиях достаточно широкого объема строительства, сколько неустойчивостью, неопределенностью эстетического идеала» [13].

Итак, мощная архитектурно-строительная индустрия США успешно функционирует без государственных субсидий. Важными экономическими факторами являются эффективный менеджмент, устоявшиеся формы маркетинговой деятельности и активное использование информационных технологий. Архитектура США так же, как и другие отрасли искусства, максимально вовлечена в рыночный оборот, и основным критерием ее общественного признания служит востребованность потребителем. Однако не следует заблуждаться и делать вывод о том, что архитектура выпала из культурной политики США или о том, что культурная политика вообще отсутствует. Наоборот, со второй половины XX в. американская архитектура как идеологический инструмент внешней политики американского правительства по нарастающей продолжает свое распространение благодаря развитию науки, техники, высоких технологий. Архитектура с ее мощным по силе воздействия качеством визуальной образности становится важнейшим средством формирования имиджа городов, организаций, компаний и корпораций. В. Л. Хайт отмечает, что начиная с 1950-х гг. архитектура США становится одним из активных и официально взятых на вооружение средств идеологической экспансии. «Новая роль американской архитектуры проявилась, прежде всего, в “экспорте” в этот период не только новых типов зданий и конструкций, но стилевой направленности зодчества. ...Одним из важнейших критериев качества архитектурного решения становится новизна, необычность, а с ростом стремления к демонстрации силы крупных корпораций и администрации внутри страны и “американской мощи” во внешнем мире также представительность, престижность, а позже и преувеличенная монументальность» [14].

Политологи подчеркивают, что на протяжении долгих лет для жителей многих стран Соединенные Штаты служат «неким объектом “вожделения”, своеобразным миражом, мечтой» [15]. Процесс экспортирования американской архитектуры напрямую связан с интересами крупного бизнеса, поскольку массовая культура за вторую половину XX в. превратилась в широко потребляемую в мире продукцию [16]. Бизнес, заинтересованный в как можно большем объеме продаж своего архитектурного товара, стараясь, чтобы он в полной мере соответствовал рыночной конъюнктуре и спросу, не просто принимает участие, но играет ключевую роль в распространении американских культурных ценностей, контролируя процесс и степень их восприятия в мире [17, 18].

В связи с этим в США сформировалось такое понятие, как архитектурная пропаганда [19], которая предполагает использование архитектуры, намеренно или бессознательно, для убедительного воздействия на аудиторию. Такая пропаганда заключается в психологическом влиянии, прельщении архитектурной зрелищностью, повышенной выразительностью и новизной формообразования, визуальным магнетизмом. Американский дипломат, по профессии архитектор, Р. Свит пишет, что архитектура, являясь инструментом дипломатии, представляет США в мире как государство, осуществляющее политическое и культурное мировое лидерство [19]. Одним из учреждений, которое напрямую использует архитектурную пропаганду, является Бюро по делам

зарубежного строительства (The Bureau of Overseas Buildings Operations (ОВО)) правительства США [20]. Совместно с другими учреждениями Государственного департамента, внешнеполитических ведомств и Конгресса, это Бюро устанавливает приоритеты для проектирования, строительства, обслуживания, использования американских объектов за рубежом. В первую очередь к таким постройкам относятся здания посольств США. Эти объекты должны представлять миру американские ценности и лучшие образцы американской архитектуры, дизайна, техники, технологии, искусства, создавая картину молодой, энергичной, ориентированной на будущее, прогрессивно и современно мыслящей Америки [21]. В качестве примера можно назвать новое посольство США в Лондоне, в котором средствами архитектуры были представлены американские идеалы и ценности [22].

Действительно, практика подтверждает успех американской архитектуры в качестве инструмента брендинга на разных уровнях. Рассмотрим только один пример успешной работы архитектурных средств на формирование известного бренда города. На первый взгляд, мало чем примечательным является маленький городок Коламбус в штате Индиана. Вместе с тем именно этот город Американский институт архитекторов (AIA) включил в первую десятку городов страны по качеству и ценности архитектурных объектов. Коламбус стоит шестым после Чикаго, Нью-Йорка, Вашингтона, Сан-Франциско и Бостона. Город привлекает туристов тем, что является своеобразной коллекцией работ известных американских архитекторов XX в. Здесь расположены постройки Ричарда Мейера (начальная школа, 1979—1982), Сезара Пелли (здание суда, 1973), Йо Мин Пея (мемориальная библиотека, 1969), Роберта Вентури и Джона Рауха (Пожарная станция № 4, 1968), Элиза Сааринена (Ирвинг Юнион банк, 1954, церковь, 1940—1942) и других мастеров.

На уровне корпораций в случае, когда речь идет о строительстве центрального офиса или корпоративной штаб-квартиры, также очень часто используются архитектурные средства. Здание центрального офиса компании становится выражением миссии или символом этой организации [23]. Прекрасный пример корпоративной архитектуры — это здание корпорации Крайслер (Chrysler Building, 1928—1930) в Нью-Йорке, которое стало и заявлением об успехе и силе корпорации, и мировой рекламой ее продукции, выраженной через архитектуру здания.

Промежуточное положение между государственно-центристской и рыночно ориентированной моделями демонстрирует **архитектурная политика Нидерландов**, которая развивается внутри национальной модели культурной политики. Следует сказать, что послевоенный период вплоть до конца XX в. культурная политика Нидерландов больше склонялась к «французской модели». Построение «государства всеобщего благосостояния» способствовало реализации крупных проектов жилищного строительства, финансируемых из государственного и муниципального бюджетов. В жилищное строительство вплоть до конца XX в. частные инвесторы во избежание спекуляций не допускались. Поэтому правительство Голландии в конце 1940-х — 1950-е гг. управляло формами организации жилой среды и архитектурой жилья в масштабе всей страны. Как подчеркивает голландский исследователь К. Вагенар, архитектура и градостроительство Голландии в этот период не только отра-

жали ценности государства всеобщего благосостояния, но и являлись инструментами государственной политики по распространению нового образа жизни [24]. Коллективизм стал одной из фундаментальных основ государственной политики. Социальное единство и социальная интеграция были названы целями построения голландского послевоенного общества, целью строительной индустрии стало обеспечение жильем населения страны.

В основу градостроительной организации жилья была положена идея американца А. Перри о строительстве «нейбохудов», которые в советской практике получили название «микрорайоны». Историк архитектуры К. А. Малич пишет, что «в голландской версии микрорайон, рассчитанный на 20 000 жителей, призван был стать инструментом социальной интеграции. Вместо главной улицы, на которой раньше традиционно располагались магазины, конторы, администрация, предлагалось создать общественные зоны в соответствии с их назначением» [25, с. 16]. Массовое жилищное строительство потребовало централизованного планирования, утверждения национальных строительных норм, сводов, правил и стандартов. Однако уже в конце 1950-х гг. новые районы массовой застройки получили масштабную критику за единообразие и монотонность.

Концепцию новой архитектуры, в которой были решительно пересмотрены принципы модернизма, предложил Альдо ван Эйк. Именно с конца 1950-х гг. в Голландии стал развиваться междисциплинарный подход к архитектурно-градостроительному проектированию, основанный на достижениях современной философии и социологии. В 1960—1970-е гг. голландскими архитекторами было предложено много концепций, которые не утратили своей актуальности и сегодня. Среди них можно отметить «дрейфующий город» Новый Вавилон (К. Ньивенхейс), «Биополис» (Э. и Л. Хартсейкеры), «Бульвар» (Х. Вейдевелд).

Характерная для стран Северной Европы традиция активного общественного участия в организации пространственной среды в Голландии в послевоенный период приобрела своеобразные черты в связи с рождением идеологии «личностного социализма» [26, с. 28]. Согласно этой идее только коллективистские формы жизнедеятельности, основанные на общих социально-культурных ценностях, могут создать гармоничные условия для становления личности. Отсюда шла и ставка на развитие микрорайонов и районов в голландском градостроительстве послевоенного времени, и развитие социальной сферы в виде строительства социальных объектов в различных иерархических выделенных градостроительных образованиях. Эти идеи поддерживались правительством Нидерландов, т. к. соответствовали идее строительства общества всеобщего благосостояния, воплощая в пространственной форме идеи социального равенства и социальных взаимосвязей. Многофункциональные социально-культурные центры, в свою очередь, развивали политические идеи и представляли новую модель целостного объекта, в котором были объединены разнообразные социальные услуги.

Новые общественные учреждения благодаря своей открытости и доступности стали частью городского пространства. Э. Смит пишет по этому поводу: «Популярность многофункциональных центров объяснялась строительством государства всеобщего благосостояния и возрождением интереса к городскому центру как месту встреч. Центр города — это не деловой центр, а подиум для всех жанров человеческой жизни» [26, с. 33].

В 1960-е гг. в Голландии, как и в других странах Северной Европы (Швеции, Дании) внутри архитектурной профессии начала развиваться тенденция со-проектирования с жителями, вовлечение будущих потребителей жилой среды в процесс разработки проектного решения. Эта солидарность архитекторов и городского сообщества сыграла свою большую роль в середине 1970-х гг., когда обсуждались проблемы реконструкции крупных городов страны. Так, например, в Амстердаме правительство запланировало полную модернизацию центральной части города и развитие транспортной инфраструктуры. Горожане совместно с архитекторами сумели настоять на сохранении исторического центра города. Как пишет К. Малич, «за основу для общего структурного порядка архитекторы принимали ритм и логику уже существующих исторических кварталов. Новые жилые комплексы “вживлялись” в ткань города и становились ее естественным продолжением. Форма подчинялась не функции, а внутренним законам городского ландшафта, памяти места, логике будничной жизни» [25, с. 24]. Такие задачи преобразования городского пространства и социальные требования к многофункциональным зданиям рождали и новые архитектурно-градостроительные формы. К наиболее известным примерам новых публичных многофункциональных центров можно отнести «Мерпал» в Дронтене (арх. Ф. Ван Клингерен, 1967—1973), который предложил модель перекрытой агоры — «демократический храм культуры, предоставляющий пространство для всего, что может потребоваться обществу» [26, с. 34].

Период 1980—1995 гг. стал временем постепенного отхода правительства Голландии от финансовой щедрости к политике «опекунства» качества архитектуры и искусства. Например, если обратиться к событиям, происходившим в сфере искусства, то можно увидеть, что в этот период постепенно были закрыты государственные фонды, которые были основными инструментами содействия процветанию искусства и выдачи субсидий для художников. В 1980-е гг. правительство Голландии стало передавать многие функции на региональный и местный уровень, в том числе и строительные заказы. Подробные строительные нормы и правила уступили место так называемым гибким и более общим правилам [27].

Таким образом, к концу XX в. в Нидерландах модель государственно-централизованной политики планирования и строительства коллективного общества равных возможностей стала меняться. Экономический кризис способствовал тому, что государство перекладывало бремя строительных инвестиций на плечи частного капитала. Как отмечает Э. Смит, «в идеологическом плане власти считали процесс эмансипации всех групп населения завершенным, идея всеобщего благосостояния уступила место новому реализму» [26, с. 35]. Архитектурная политика также изменилась, потребовались новые идеи, концепции и идеологи. Таким национальным идеологом стал Рем Кулхаас, который предложил изменить сложившийся подход к социальным задачам архитектуры. В интервью журналу «Вонен ТАБК» (Wonen ТАБК, 1978) Кулхаас дал критическую оценку архитектуре послевоенного периода. Смысл критики заключался в псевдогуманизме архитектурно-градостроительных результатов 1940—1960-х гг. После Второй мировой войны «появилась архитектура, подразумевавшая, что, хотите вы этого или нет, все вокруг сирые и убогие» [цит. по: 28, с. 61].

Итак, в 1990-е гг. архитектура Нидерландов ступила на рыночный путь, на котором многое регулируется ценообразованием. Для градостроительной политики страны разнообразие стало принципиальным требованием, которое задавала логика свободного рынка [29]. Брендинг в этот период проявляется как новая тенденция архитектурного развития. В качестве примера можно назвать современную застройку Роттердама с удивительным разнообразием стилей. Архитектурный облик города формируется всемирно известными «кубическими домами» («Kubuswoning») (арх. П. Блом, 1984), небоскребами (наивысшим является башня Маас («Maastoren»), арх. Dam & Partners Architecten, 2010), офисами (штаб-квартира пищевой компании «Unilever NL», арх. JHK Architecten, 2004), а также символом города — мостом Эразма Роттердамского (арх. Б. ван Беркель, 1996).

Государство, тем не менее, продолжает оказывать свое влияние на архитектуру, выступая в роли заказчика крупных проектов. Примерами являются правительственные здания, например Министерства жилищного строительства, пространственного планирования и окружающей среды в Гааге (арх. Я. Хоохстад, 1992).

Кроме того, государство оставляет за собой функции законодателя, регулятора и вдохновителя архитектурной политики страны. В 1991 г. в Голландии был принят документ «Пространство для архитектуры 1991—1996» (Ruimte voor architectuur 1991—1996), в котором были обозначены векторы руководства правительства в сфере строительства и архитектурного проектирования. Министерством WVC (Министерство социального обеспечения, здравоохранения и культуры) и VROM (Министерство жилищного строительства, пространственного планирования и окружающей среды) предлагалось взять на себя совместную ответственность за развитие художественного и функционального качества голландской архитектуры. Этот программный документ стал основой формирования архитектурных институтов и установления «архитектурного климата», который можно было бы назвать уникальным в мире. Для реализации архитектурной политики были созданы такие учреждения, как Нидерландский архитектурный институт (NAI), фонд архитектуры Голландии и институт Берлаге.

Среди последних государственных документов, в которых намечена архитектурная политика страны, следует назвать такие, как «Культура проектирования: 2009—2012» (A Culture of Designing: 2009—2012) и «Повестка дня для архитектуры и пространственного дизайна 2013—2016» (Action Agenda for Architecture And Spatial design 2013—2016 [30]). Основанием для разработки этих документов стали меморандум культурной политики Голландии «Больше, чем качество» (Meer dan kwaliteit, 2011 [31]), определивший направления развития на 2013—2016 гг., документ «Национальная политика в области инфраструктуры и территориального планирования» (The National Policy Strategy for Infrastructure and Spatial Planning, 2012), рекомендательный документ «Архитектура сейчас!» (Architecture Now!, 2011). В этих документах отмечается роль архитектуры и градостроительства как продуктов экспорта для экономики Голландии, высокая экономическая ценность и социальная значимость как областей творческой индустрии [30]. Особый интерес в «Повестке дня 2013—2016» представляет раздел, посвященный новым задачам для архитекторов и проектировщиков в контексте происходящих соци-

ально-экономических изменений на фоне общемирового кризиса. В частности, названы новые методы в архитектурной сфере: «Де-централизация и дерегулирование», «От больших проектов к малым», от общих подходов к специфическим, сфокусированным на выполнении местных или региональных задач [30]. Большое внимание уделено первоочередным насущным задачам: развитие городов, повторное использование зданий, реконструкция школьных зданий, развитие типологии зданий социального обеспечения, поиск новых идей по вторичному использованию офисных зданий, излишек которых в современной Голландии составляет около 14 % [30]. Особое внимание уделено развитию архитектуры в сельской среде и вопросам интеграции новой застройки с национальным ландшафтом.

Таким образом, государство до сих пор остается регулятором архитектурной политики в Нидерландах. Творческая индустрия, в которую входит архитектура и дизайн, — это один из девяти топ-секторов национальной экономики, обозначенных правительством страны. В числе инструментов по стимулированию архитектуры можно назвать финансирование крупных строительных заказов, исследований в области архитектуры (например, программа «Строительный Кампус» (Construction Campus), в которых собраны вместе управленцы, ученые, преподаватели вузов, частные предприниматели), финансирование работ по сохранению и использованию архитектурного наследия. Определены в плановом порядке цели деятельности Нидерландского института архитектуры и образовательных учреждений в сфере архитектуры, а также определены критерии присуждения различных государственных наград в сфере архитектуры, главной из которых является «Золотая пирамида» — национальный нидерландский приз за успехи в управлении архитектурно-строительными проектами.

Заключение

Анализ зарубежного опыта формирования культурной политики и определения в ней места архитектуры позволил сформулировать следующие выводы. Во-первых, можно выделить основные модели национальной культурной политики, в зависимости от которых определяется и роль архитектуры в жизни государства. Главным критерием выделения является субсидирование культуры и архитектуры. Первая — европейская модель, ярким представителем которой является Франция. Здесь наблюдается централизованная поддержка национальной архитектуры через различные финансовые механизмы. Государство и финансирует, и регламентирует развитие архитектуры, определяет главные векторы ее движения через поддержку показательных крупных проектов. Вторая модель — американская, в которой архитектура напрямую не зависит от государства, она, скорее, рассматривается как часть бизнеса, доходного самого по себе. В то же время архитектура в США — инструмент глобального доминирования, инструмент «мягкой силы» для продвижения американских ценностей. Между этими двумя полюсами развиваются различные промежуточные модели взаимоотношений государства и национальной архитектуры, среди которых одной из наиболее эффективных, на наш взгляд, является голландская схема.

Во-вторых, можно отметить, что вне зависимости от выбора той или иной модели культурной политики правительства разных стран стремятся тем или иным способом влиять на развитие национальной архитектуры, создавая ее социальную, идеологическую и экономическую роль как части внутренней и внешней политики страны. Это может быть и создание внешнего привлекательного имиджа страны для утверждения своего влияния на мир («архитектурная пропаганда» в США), и взгляд на архитектуру как на выгодный экспортный продукт (архитектура как один из топ-секторов национальной экономики в Голландии), и установление архитектуры как национально-го культурного достояния (Франция).

В-третьих, в зарубежных странах сформировались разнообразные организационные структуры, через которые определяется влияние государства на развитие архитектуры. Во Франции таким учреждением является Министерство культуры, в Нидерландах архитектурную политику реализуют несколько министерств, среди которых выделим Министерство социального обеспечения, здравоохранения и культуры и Министерство жилищного строительства, пространственного планирования и окружающей среды. В США развитие архитектуры определяют различные фонды, а также ориентированное на внешний мир Бюро по делам зарубежного строительства.

В-четвертых, в практике зарубежных стран можно выделить направления, которые были бы полезны и для нашей страны при разработке основ архитектурной политики России. Среди них отметим следующие:

- сохранение исторического наследия и продолжение исторических традиций, в том числе и на региональном уровне (Франция, Голландия);
- стимулирование распространения национального архитектурного продукта («архитектурный экспорт»: США, Франция, Голландия);
- поощрение социальной доступности архитектуры для общества (Голландия);
- государственная поддержка исследовательских проектов в области архитектуры и градостроительства (Франция, Голландия);
- финансовая поддержка и продвижение национальных архитектурных образовательных заведений, создание новых кафедр и специальных архитектурных институтов (Франция, Голландия);
- упрощение архитектурно-градостроительного законодательства (например, в Голландии программа «Просто-лучше»);
- стимулирование развития архитектуры через создание специальных фондов и национальных наград (США, Франция, Голландия).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Ложкин А.* Локомотивы и тормоза // Проект Россия. 2011. № 60. URL: <http://alexander-loz.livejournal.com/181705.html>
2. Проект «Основ государственной культурной политики» // Российская газета. 16.05.2014. URL: <https://rg.ru/2014/05/15/osnovi-dok.html>
3. *Фесенко Д.* Опубликован проект основ культурной политики // Архитектурный вестник. 2014, май. URL: <http://archvestnik.ru/node/8249>
4. Основы государственной культурной политики. URL: <http://state.kremlin.ru/face/21027>

5. *Востряков Л. Е.* Культурная политика: концепции, понятия, модели. URL: <http://www.cpolicy.ru/analytics/80.html>
6. *Wiesand A.* Models of financing development in cultural policy and arts — a comparative-pilot survey. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0008/000818/081856eo.pdf>
7. *Мединский В. Р.* Кто не кормит свою культуру, будет кормить чужую армию // Известия. 2015. 17 июня. URL: <http://izvestia.ru/news/587771>
8. *Карманова И.* История и современность жилищного строительства Франции // Будмайстер. 2003. № 4. С. 8—10.
9. *Давиденко М.* Проект градостроительного реформирования «Le Grand Pari». Часть 2 // АССБуд. Строительный портал. URL: <http://www.accbud.ua/architecture/sobytiya/proekt-gradostroitel'nogo-reformirovaniya--le-grand-pari---chast-2>
10. *Minto A.* Architecture policies across Europe. URL: <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20110118095356/http://www.cabe.org.uk/articles/architecture-policies-in-europe>
11. Соединенные Штаты поддерживают искусство путем сочетания государственного и частного финансирования (Децентрализованная система поощряет культурное многообразие). Стенограмма 04.10.2005 // IP Digital. URL: <http://iipdigital.usembassy.gov/st/russian/texttrans/2005/10/20051004075812jmnmaideirf0.8209497.html#ixzz4EvmuQ6c>
12. *Иконников А. В.* Архитектура США: Архитектура в системе буржуазной культуры. М.: Искусство, 1979. 199 с.
13. *Хайт В. Л.* Место и роль архитектуры США в новейшей архитектуре капиталистических стран // Современная архитектура США. Критические очерки. 1960—1975. М.: Стройиздат, 1981. С. 84—97.
14. *Хайт В. Л.* Роль и место архитектуры США в мировом зодчестве XX в. и освоение ее опыта в советской архитектуре // Взаимодействие культур СССР и США XVIII—XX вв. М.: Наука, 1987. С. 121—133.
15. *Филимонов Г. Ю.* Роль мягкой силы во внешней политике США: автореф. дис... д-ра полит. наук. М., 2013. 50 с.
16. *Птичникова Г. А., Антюфеев А. В.* Массовое общество и массовая архитектура // Социология города. 2011. № 2. С. 3—10.
17. *Птичникова Г. А.* Архитектурное пространство в эпоху глобализации // Социология города. 2008. № 1. С. 40—53.
18. *Монастырская М. Е.* Современные тенденции философского осмысления феномена глобализации в урбанистическом контексте // Социология города. 2016. № 2. С. 5—21.
19. *Swett R.* Design Diplomacy: Architecture's Relationship with Public Policy // Design Intelligence, 2000, 30 September. URL: <http://www.di.net/articles/design-diplomacy-architectures-relationship-with-public-policy>
20. Architectural diplomacy — undervalued dimension of branding? // Public and cultural diplomacy. A group blog by students at London Metropolitan University, 2012. URL: <https://publicandculturaldiplomacy3.wordpress.com/2012/03/18/architecture-diplomacy-undervalued-dimension-of-branding/>
21. About OBO // The Bureau of Overseas Buildings Operations (OBO). US Department of States. URL: <http://overseasbuildings.state.gov/about/>
22. *Bar-Hillel M.* The US Embassy's move to Vauxhall // The London Magazine. October 1, 2012. URL: <http://www.thelondonmagazine.co.uk/Property-Experts/Expert-Opinions/The-US-Embassys-move-to-Vauxhall.htm>
23. *Castillo G.* Cold War on the Home Front: The Soft Power of Midcentury Design. Minneapolis: Univ. Of Minnesota Press, 2010. 312 p.
24. *Вагенар К.* Архитектура, урбанизм и строительство государства всеобщего благосостояния, 1945—1970 // Архитектура по-голландски. 1945—2000: каталог вы-

ставки. Гос. Эрмитаж; Новый институт (Роттердам, Нидерланды). СПб.: Эрмитаж, 2013. С. 48—59.

25. Малич К. А. Как жить в голландском доме? // Архитектура по-голландски. 1945—2000: каталог выставки. Гос. Эрмитаж; Новый институт (Роттердам, Нидерланды). СПб.: Эрмитаж, 2013. С. 14—25.

26. Смит Э. Жажда коллективизма. Взгляды нидерландских архитекторов на городскую архитектуру, 1940—2000 // Архитектура по-голландски. 1945—2000: каталог выставки. Гос. Эрмитаж; Новый институт (Роттердам, Нидерланды). СПб.: Эрмитаж, 2013.

27. Bavelaar H. A brief history of the cultural policy in The Netherlands. URL: <http://www.designdenhaag.eu/en/background>

28. Голдхоорн Б. От плановой архитектуры — к рыночной // Архитектура по-голландски. 1945—2000: каталог выставки. Гос. Эрмитаж; Новый институт (Роттердам, Нидерланды). СПб.: Эрмитаж, 2013. С. 60—69.

29. Вавилова Т. Я. Ретроспективный обзор документов ООН по проблемам устойчивого развития среды жизнедеятельности // Вестник СГАСУ. Градостроительство и архитектура. 2011. № 1. С. 24—28.

30. Action Agenda for Architecture and Spatial Design 2013—2016. URL: <https://www.government.nl/documents/reports/2012/09/21/the-action-agenda-for-architecture-and-spatial-design>

31. The Netherlands: Netherlands/ 2. General objectives and principles of cultural policy: 2.1 Main features of the current cultural policy model. URL: <http://www.culturalpolicies.net/web/netherlands.php?aid=21>

REFERENCES

1. Lozhkin A. [Engines and brakes]. *Proekt Rossiya* [Project Russia], 2011, no. 60. URL: <http://alexander-loz.livejournal.com/181705.html>

2. [Project “Fundamentals of state cultural policy”]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian Newspaper], 16.05.2014. URL: <https://rg.ru/2014/05/15/osnovi-dok.html>

3. Fesenko D. [The project on fundamentals of cultural policy is published]. *Arkhitekturnyi vestnik* [Architectural Herald], 2014, May. URL: <http://archvestnik.ru/node/8249>

4. *Osnovy gosudarstvennoi kul'turnoi politiki* [Fundamentals of state cultural policy]. URL: <http://state.kremlin.ru/face/21027>

5. Vostryakov L. E. *Kul'turnaya politika: kontseptsii, ponyatiya, modeli* [Cultural policy: conception, concepts, models]. URL: <http://www.cpolicy.ru/analytics/80.html>

6. Wiesand A. *Models of financing development in cultural policy and arts — a comparative-pilot survey*. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0008/000818/081856eo.pdf>

7. Medinskii V. R. [Who doesn't feed their culture, will feed foreign army]. *Izvestiya* [News], 2015, June, 17. URL: <http://izvestia.ru/news/587771>

8. Karmanova I. [History and modern times of housing development in France]. *Budmaister* [Budmaister], 2003, no. 4, pp. 8—10.

9. Davidenko M. [Project on town-planning reforming “Le Grand Pari”. Part 2] // *ASSBud. Stroitel'nyi portal* [ASSBud. Construction portal]. URL: <http://www.accbud.ua/architecture/sobytiya/proekt-gradostroitel'nogo-reformirovaniya--le-grand-pari---chast-2>

10. Minto A. *Architecture policies across Europe*. URL: <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20110118095356/http://www.cabe.org.uk/articles/architecture-policies-in-europe>

11. [The United States support art by the combination of public and private financing (Decentralized system encourages cultural diversity). Shorthand report 04.10.2005]. *IIP*

- Digital*. URL: <http://iipdigital.usembassy.gov/st/russian/texttrans/2005/10/20051004075812jmnamdeirf0.8209497.html#ixzz4EvmawQ6c>
12. Ikonnikov A. V. *Arkhitektura SShA: Arkhitektura v sisteme burzhuaznoi kul'tury* [Architecture of the USA: Architecture in the system of bourgeois culture]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 199 p.
13. Height V. L. [Place and role of the US architecture in the newest architecture of capitalist countries]. *Sovremennaya arkhitektura SShA. Kriticheskie ocherki. 1960—1975* [Modern architecture of the USA. Critical sketches. 1960—1975]. Moscow, Stroizdat Publ., 1981. Pp. 84—97.
14. Height V. L. [Role and place of the US architecture in the world architecture of the 20th century and application of its experience in the Soviet architecture]. *Vzaimodeistvie kul'tur SSSR i SShA XVIII—XX vv.* [Interaction of cultures of the USSR and the USA of XVIII—XX centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1987. Pp. 121—133.
15. Filimonov G. Yu. *Rol' myagkoi sily vo vneshnei politike SShA* [Role of soft power in the US foreign policy. Dis. Dr. Polit. Sci.]. Moscow, 2013. 50 p.
16. Ptichnikova G. A., Antyufeyev A. V. [Mass society and mass architecture]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2011, no. 2, pp. 3—10.
17. Ptichnikova G. A. [Architectural space in the epoch of globalization]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2008, no. 1, pp. 40—53.
18. Monastyrskaya M. E. [Modern trends in philosophical understanding of the phenomenon of globalization in the urban context]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2016, no. 2, pp. 5—21.
19. Swett R. Design Diplomacy: Architecture's Relationship with Public Policy. *Design Intelligence*, 2000, 30 September. URL: <http://www.di.net/articles/design-diplomacy-architectures-relationship-with-public-policy>
20. Architectural diplomacy — undervalued dimension of branding? *Public and cultural diplomacy. A group blog by students at London Metropolitan University*, 2012. URL: <https://publicandculturaldiplomacy3.wordpress.com/2012/03/18/architecture-diplomacy-undervalued-dimension-of-branding/>
21. About OBO. *The Bureau of Overseas Buildings Operations (OBO). US Department of States*. URL: <http://overseasbuildings.state.gov/about/>
22. Bar-Hillel M. The US Embassy's move to Vauxhall. *The London Magazine. October 1, 2012*. URL: <http://www.thelondonmagazine.co.uk/Property-Experts/Expert-Opinions/The-US-Embassys-move-to-Vauxhall.htm>
23. Castillo G. *Cold War on the Home Front: The Soft Power of Midcentury Design*. Minneapolis, Univ. Of Minnesota Press, 2010. 312 p.
24. Vagenar K. [Architecture, urbanism and construction of the welfare state, 1945—1970]. *Arkhitektura po-gollandski. 1945—2000: katalog vystavki. Gos. Ermitazh; Novyi institut (Rotterdam, Niderlandy)* [Architecture in the Dutch style. 1945—2000: exhibition catalogue. State Hermitage, New Institute (Rotterdam, the Netherlands)]. Saint Petersburg, Ermitazh Publ., 2013. Pp. 48—59.
25. Malich K. A. [How to live in a Dutch house?]. *Arkhitektura po-gollandski. 1945—2000: katalog vystavki. Gos. Ermitazh; Novyi institut (Rotterdam, Niderlandy)* [Architecture in the Dutch style. 1945—2000: exhibition catalogue. State Hermitage, New Institute (Rotterdam, the Netherlands)]. Saint Petersburg, Ermitazh Publ., 2013. Pp. 14—25.
26. Smith E. [Thirst for collectivism. Views of Dutch architects on urban architecture, 1940—2000]. *Arkhitektura po-gollandski. 1945—2000: katalog vystavki. Gos. Ermitazh; Novyi institut (Rotterdam, Niderlandy)* [Architecture in the Dutch style. 1945—2000: exhibition catalogue. State Hermitage, New Institute (Rotterdam, the Netherlands)]. Saint Petersburg, Ermitazh Publ., 2013.
27. Bavelaar H. *A brief history of the cultural policy in The Netherlands*. URL: <http://www.designdenhaag.eu/en/background>

28. Goldhoorn B. [From planned architecture — to market one]. *Arkhitektura po-gollandski. 1945—2000: katalog vystavki. Gos. Ermitazh; Novyi institut (Rotterdam, Niderlandy* [Architecture in the Dutch style. 1945—2000: exhibition catalogue. State Hermitage, New Institute (Rotterdam, the Netherlands)]. Saint Petersburg, Ermitazh Publ., 2013. Pp. 60—69.

29. Vavilova T. Ya. [Retrospective review of the UN documents on the problems of sustainable development of living environment]. *Vestnik SGASU. Gradostroitel'stvo i arkhitektura* [Herald of SSUACE. Town planning and architecture], 2011, no. 1, pp. 24—28.

30. *Action Agenda for Architecture and Spatial Design 2013—2016*. URL: <https://www.government.nl/documents/reports/2012/09/21/the-action-agenda-for-architecture-and-spatial-design>

31. *The Netherlands: Netherlands/ 2. General objectives and principles of cultural policy: 2.1 Main features of the current cultural policy model*. URL: <http://www.culturalpolicies.net/web/netherlands.php?aid=21>

© Птичникова Г. А., Антюфеев А. В., 2016

Поступила в редакцию
в ноябре 2016 г.

Received in November, 2016

Ссылка для цитирования: Птичникова Г. А., Антюфеев А. В. Городская архитектура как часть национальной культуры: российская, европейская и американская модели // Социология города. 2016. № 4. С. 37—54.

For citation: Pichnikova G. A., Antyufeev A. V. [Architecture as part of cultural policy of the country: Russian, European and American models]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2016, no. 4, pp. 37—54.

УДК 130.2

*В. А. Храпова,
Я. М. Земцова*

**ОРГАНИЗАЦИЯ ВИЗУАЛЬНОЙ
СРЕДЫ
КАК ФАКТОР ОПТИМИЗАЦИИ
ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА
В ПРОСТРАНСТВЕ
СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА**

*(Работа подготовлена
в рамках НОЦ «Человек
в системе российских ценностей
и институтов»)*

Статья посвящена проблеме организации визуального пространства города, выступающего в качестве фактора оптимизации индивидуальной и социальной жизнедеятельности. Современные города рассматриваются как пространство инноваций, аккумулирующее в себе творческий и интеллектуальный потенциал проживающих в нем людей. Визуальная городская среда неявным образом воздействует на сознание человека, формируя его эмоциональные доминанты, поэтому ее формирование требует осознанности, специальных знаний и высокой степени ответственности. В условиях современной динамики и трансформации культура, имеющая визуальную ориентацию и рассматриваемая в качестве стратегии совершенствования человека и общества, стимулирует выработку новых ценностей, идей, позволяющих адекватно реагировать на встающие перед социумом задачи.

Ключевые слова:
город,
визуальная среда,
оптимизация,
пространство.

*V. A. Khrapova,
Ya. M. Zemtsova*

**THE ORGANIZATION
OF THE VISUAL ENVIRONMENT
AS A FACTOR OF OPTIMIZATION
OF HUMAN LIFE AND SOCIETY
IN A CONTEMPORARY CITY**

Введение

Ключевыми центрами цивилизаций, аккумулирующими в себе достижения культуры, являются современные города. Исторически город формируется как некий контур, о-граниченное пространство для жизнедеятельности социума. Это пространство включает в себя сакральные, общественные, бытовые, промышленные, рекреационные зоны, объединяемые коммуникационными каналами и сетями. Городское пространство оснащено средствами передвижения, освещения, трансляции информации, делающими его компактным. Близость объектов социального назначения обеспечивает высокую скорость социальных процессов. Быстрота передвижения задает убыстрение времени. В городе пространство уплотняется, сгущается, время ускоряется.

Граница — грань, отделяющая сферы бытия, и вместе с тем место их встречи, взаимопроникновения. В городском пространстве происходит мобилизация и форсирование человеческих ресурсов. Оно создает условия для постоянной трансформации, а значит, высокой степени адаптивности, способности к самосохранению. Город сегодня имеет чрезвычайно важное значение в силу сконцентрированного в нем интеллектуального, энергетического потенциала. Города становятся генераторами новых смыслов, инновационным полем общества.

Американский проектировщик, специалист в области городского планирования, видевший свою задачу в оптимизации жизнедеятельности населения крупных городов, Кевин Линч указал на важное значение образа города — устойчивое представление жителей и гостей города о месте проживания. Линч рассматривал образ города как стратегическое звено, ментальную картину внешнего физического мира, которая используется неявным образом для интерпретации информации, определяет направление и характер действий. Этот образ есть продукт и непосредственного восприятия, и памяти, он обладает интеграционной силой [1].

Образ местности, в которой живет человек, в его сознании существует как ментальная карта, которая обеспечивает ориентацию, выступает организующим началом активности, основанием

The work is done within the Scientific and Educational Center "A Person in the System of Russian Values and Institutions"

The article is devoted to the problem of the organization of the visual space of a city, acting as the factor for optimization of individual and social life. Modern cities are considered as the space of innovation accumulating creative and intellectual potential of its residents. Visual urban environment implicitly affects person's consciousness, forming their emotional dominant ideas, therefore, its formation requires awareness, certain knowledge and a high level of responsibility. Under conditions of modern dynamics and transformation culture, which has visual orientation and is considered as strategy for the improvement of a person and society, stimulates the development of new values and ideas that allow to respond adequately to the community's objectives.

Keywords:

city,
visual environment,
optimization,
space.

Об авторах:

Храпова Виктория Анатольевна –
доктор философских наук,
доцент кафедры философии,
Волгоградский государственный
университет.
400062, Российская Федерация,
г. Волгоград, пр-т Университетский, 100,
hrapova-v@mail.ru

Khrapova Viktoriya Anatol'evna –
Doctor of Philosophy,
Docent of Philosophy Department,
Volgograd State University.
100, Universitetskii Prospect,
Volgograd, 400062, Russian Federation,
hrapova-v@mail.ru

Земцова Ярославна Михайловна –
аспирант кафедры философии,
Волгоградский государственный
университет.
400062, Российская Федерация,
г. Волгоград, пр-т Университетский, 100,
yara-87@list.ru

Zemtsova Yaroslavna Mikhailovna –
Postgraduate student
of Philosophy Department,
Volgograd State University.
100, Universitetskii Prospect,
Volgograd, 400062, Russian Federation,
yara-87@list.ru

убеждений и знаний о природе мира, в котором осуществляется жизнедеятельность. Являясь достаточно упорядоченной структурой, образ места проживания становится основой для индивидуального роста. Линч указал на социальную функцию образа города. Она состоит в том, что этот образ становится материалом для символов и коллективных воспоминаний, на которых возводятся социально важные мифы. Позитивные образы дают ощущение эмоциональной защищенности, способствуют нарастанию интенсивности и усилению переживания человеком своей идентичности.

Важную роль в формировании образа города играет визуальная составляющая. Визуальная (внешняя окружающая человека, воспринимаемая органом зрения) среда является фоном, на котором разворачиваются события индивидуальной и общественной жизни, оказывая явное или неявное воздействие на характер их протекания. Вовлекая человека в определенную атмосферу, визуальные явления определяют его психологическое состояние, формируют эмоциональные доминанты. То есть визуальная среда на глубинном уровне воздействует на психологию людей, определяет специфику их функционирования как субъектов социального и культурного творчества.

Городская среда состоит из ландшафта, архитектуры, садово-парковых зон, ансамблей и единичных пейзажей, установленных в соответствии с градостроительным планом и находящимся в постоянной динамике.

Облик современного города подобен коллажу с сознательным нарушением привычной логики для внесения игрового эффекта. Прогулка по любому городу — словно чтение постмодернистского текста, увлекающего, разыгрывающего, вызывающего постоянную смену впечатлений. В последние годы очень популярной стала наружная реклама. Установленная на самых оживленных улицах и трассах или расположенная серийно в конкретных ключевых местах города, она привлекает большое количество зрителей.

Реклама не всегда вписывается в архитектурные ансамбли улиц и площадей, но в некоторых случаях подчеркивает особенности от-

дельных зданий. Удачно продуманные рекламные сюжеты могут дополнять образы городского пространства и его жителей.

В последние годы в связи с общей эстетизацией жизни, повсеместным распространением дизайнерских технологий много внимания уделяется изучению методов создания комфортной среды, в том числе визуальной, в пространстве жизнедеятельности людей. Среди работ, посвященных этой теме, выделяются исследования В. А. Филина [2], создавшего в современной науке особое направление — видеоэкологию. Основываясь на экспериментальных данных, ученый выявил и описал зависимость между визуальной средой и психологическим состоянием, здоровьем, характером жизнедеятельности человека.

В. А. Филин исходил из предположения, что зрительный аппарат настроен на восприятие среды в ее естественном состоянии, его природа соотносится с определенными пространственными параметрами мира. Искусственно созданная негармоничная визуальная среда негативно влияет на орган зрения и, соответственно, весь организм человека.

Исследователь много внимания уделил исследованию и гармонизации визуального пространства современных городов. Городская визуальная среда начинается с ландшафта, вмещающего архитектурные сооружения, то есть сочетания природной, естественной и искусственно создаваемой визуальной среды. Природная визуальная среда естественна для человека. Ее свойства: большое разнообразие элементов, наличие кривых линий разной толщины и контрастности, острых углов, особенно в верхней части видимой картины, разнообразие цветовой гаммы, сгущение и разрежение видимых компонентов и разная их удаленность от наблюдателя, сочетание сгущения и разрежения элементов, приковывающая взгляд непредсказуемость, достаточное число реперных точек, концентрирующих на себе внимание (необходимых взгляду для фиксации), доставляющая эстетическое наслаждение композиция.

Картины природы благоприятны для механизмов аккомодации (способность ясно видеть предметы, находящиеся на различных расстояниях от глаза), конвергенции (движение глаз, в результате которого обе зрительные линии сходятся на предмете, возбуждившем внимание), регуляции размера, реакции зрачка, автоматизма мигания. Все механизмы зрения работают в естественном режиме. Глаз является частью природы, замечает Филин, этим обусловлено соответствие и испытываемое людьми состояние комфорта в природной визуальной среде.

Искусственно созданная визуальная среда может быть близка по своим качествам природной и оказывать благотворное влияние на людей. Историками культуры описано воздействие красоты архитектуры античности, во многом достигнутой благодаря использованию форм и законов природы. Зодчие издавна обращались к изучению природных форм. В соответствии с принципом золотой пропорции (золотого сечения) — закономерностью организации всего живого на земле¹ — построены пирамиды Древнего Египта, архитектур-

¹Математическая суть золотого сечения состоит в закономерном делении отрезка на две неравные части таким образом, что большая часть так относится к меньшей, как целый отрезок относится к большей части. Пропорция выражается иррациональной величиной и составляет 1,62. Свообразным воплощением золотой пропорции служит

ные памятники Древней Греции и Рима, средневековые храмы Византии и Руси, Тадж-Махал в Индии. В эпоху Возрождения золотая пропорция стала расцениваться как один из важнейших эстетических принципов. Древние архитекторы могли умело организовывать пространство, создавая многообразие форм, линий, сочетая разные размеры плоскостей, декоративные элементы. В сложных силуэтах старинных зданий много узловых мест, которые таят в себе неизвестность, неясность, непредсказуемость и увлекают сознание людей своей необычной красотой, стимулируя творческий поиск, активизируя духовный рост².

Существуют закономерности визуального структурирования пространства, обеспечивающие благоприятные условия его восприятия, а следовательно, и положительный эмоциональный фон для человеческой жизнедеятельности. Отметим наиболее общие из них. Прежде всего это повторяемость целого в частях. Части целого обладают различными признаками, среди которых выделяется ведущий признак. Таким признаком в любом объекте может быть какой-то цветовой тон, при этом любые части объекта в определенной степени должны содержать этот тон. Важен принцип соподчиненности, служащий для объединения частей в целое на основе различия при выделении главного, второстепенного и дополнительного. Этот принцип регламентирует упорядоченность частей или групп элементов целого. Принцип соразмерности частей в целом состоит в согласовании частей по их метрическим характеристикам. Пропорции связаны с объективными закономерностями восприятия. Далее важна уравновешенность частей. Для человека это, прежде всего, равновесие вокруг пространственных осей. Главенствующую роль среди них всегда играет вертикальная ось.

В архитектурном пространстве или интерьере существенно ощущение физического контакта с окружением при движении. Здесь важны такие характеристики пространства, как его сужение или расширение, создающие впечатление сдавленности или простора, выраженная направленность или аморфность пространственных конфигураций. Организация пространства в единстве с последовательной сменой видовых картин оказывает сильное эмоциональное воздействие. Движение в интерьере в сторону глухой стены с неожиданным поворотом принципиальным образом отличается от движения в сторону открытого пространства или светового проема. Существенны также изменения видовых картин, создающих особые эмоциональные структуры — узлы напряжения и разрядки, парения или сдавленности пространства.

Есть своя специфика и в восприятии линий: их движение вниз ассоциируется с вялостью, вверх — с радостью и энергией. Прямые горизонтальные линии указывают на безжизненность, преобладание изломанных остроугольных линий вызывает чувство враждебности.

числовой ряд Фибоначчи, где каждый член является суммой двух предыдущих. Золотые пропорции свойственны миру минералов, горных пород, растений, животных. Соотношение частей тела человека также подчиняется золотой пропорции и числам Фибоначчи.

² Согласно наблюдениям В. А. Филина, проживающие в визуально обогащенных исторических районах Москвы дети лучше учатся и имеют более широкий кругозор.

Одной из главных характеристик визуального пространства является цвет. Нужно отметить, что отношения цвета и формы не просты. Цвет может изменить зрительное ощущение объема или пространства, визуально изменить его величину и конфигурацию. Чередование цвета может придать динамику пространству и создать определенное впечатление. Форма может усилить или приглушить действие цвета.

В целом, человек воспринимает не столько абсолютные качества формы, цвета, освещенности и т. д., сколько их соотношения — с фоном, с опытом предыдущего восприятия. Человеку свойственно бессознательное стремление искать, улавливать в пространстве гармонию. Как известно, все гармоническое строится в соответствии с определенной схемой пропорций. В цветовой композиции пропорциональность заключается в «подобии» отношений яркости, насыщенности цветовых тонов. Сильные цветовые «раздражители» берутся в несколько меньшем масштабе, чем слабые. Равновесие цветовой композиции создается соотношением цветовых поверхностей. Левая и правая стороны композиции должны быть «загружены» равномерно. По вертикали тяжесть распределяется обычно как в природе: верх — светлее и легче, низ — темнее и тяжелее. Ясность цветовых отношений проявляется в четкости композиции, ее тектоничности (взаимосвязи конструкции и материала изготовления). Принцип выбора цвета и его распределения должен быть понятен.

Наиболее удачные архитектурные формы несут в себе синтез функционального назначения и идейно-художественной концепции. Цвет в данном случае представляет собой средство выражения содержания архитектурного сооружения и его эстетических достоинств. Цветовое наполнение обогащает социальную среду эмоционально, эстетически, информативно. Метафорическая выразительность цвета, раскрывающая связь материальной структуры с определенной системой идей, всегда входила в социальную функцию произведений зодчества, равно как и всех полезных вещей, формирующих предметно-пространственное окружение человека.

Описанные закономерности облегчают восприятие большого и сложного целого, увеличивая эффективность видения: его масштаб, проникновение, силу.

Модели восприятия

Важно также, что существуют физиологически обусловленные предпосылки — модели восприятия. Сетчатка дает возможность обнаружить стимулирующую модель. П. Мантегацца писал о врожденной способности выделять простейшие геометрические формы во всех видимых предметах и явлениях: «Простейшие удовольствия, доставляемые нам симметрией, бывают произведением самых простых геометрических фигур, т. е. линий или параллельных между собой, или стоящих друг к другу перпендикулярно, это например, треугольники, ромбы, квадраты, многоугольники и все фигуры, составленные из прямых линий. Новые комбинации удовольствий возникают из фигур круга, эллипса, параболы или из комбинации между собой прямых и кривых линий. Переходя от плоскостей к кубу, находим удовольствия, производимые кристаллизованными телами или искусственным подражанием кристаллам, так как многие предметы представляют в грубых очертаниях тела с

правильно и симметрично расположенными поверхностями; так, например, дома, книги, части стола, стульев представляют разновидности призм. В лампах, чашах и бутылках усматриваются сегменты сферы» [3, с. 120]. Каждому объекту восприятия присущ скрытый структурный план, представляющий собой систему отсчета, которая позволяет определить важность изобразительного элемента для изображения.

Один из немногих мыслителей, стремившихся создать философию радости, Мантегацца заметил: «Симметрия и пропорциональность внушают идею порядка и спокойствия, и мы с истинным благодушием останавливаем на них взгляды. Вид беспорядка и сумятицы, представляя глазам нашим нечто смешное и забавляя нас контрастом между виденным и типом совершенства, сохраняемые в глубине души каждого, внушает ужас, не лишенный и некоторой приятности. Что касается впечатления красоты, порождаемое иной раз недостатком симметрии или порядка, то источник его можно только предугадывать, определить же его нет возможности. Оно поражает, быть может, резким неподчинением существующим правилам; оно нравится, может стать, смелостью своего проявления в природе или искусстве, а смелость и сила во всех своих формах всегда имеют в себе нечто грандиозное. Беспорядок в распределении неодушевленных предметов нравится нам преимущественно тогда, когда он сопровождается движением, так как вид движения среди хаотического беспорядка представляет некоторое подобие жизни» [Там же, с. 129].

Приведем далее несколько положений о применении симметрии. Зеркальная симметрия крупных организующих форм пространства и объемов вызывает ощущение торжественности, триумфальности. Движение форм, подчиненное основному направлению, ритмическое чередование элементов среды, малых и больших залов, колонн и т. д. приобретает особую значимость. При этом особенно важными оказываются главные элементы, расположенные по оси симметрии, замыкающие движение и останавливающие направление взгляда.

Асимметричность возникает как отражение сложного взаимодействия между жизненными процессами, в которые включен объект в окружающей среде. «Асимметричность по своей природе индивидуальна, тогда как в принципе симметрии заложена общность, связывающая все симметричные структуры данного типа. Соподчинение частей в асимметричной структуре определяется не только соотношением величин и расстановкой силуэтных и пластических акцентов, но и направленностью, которую мы ощущаем в пространствах и объемах, их устремленностью к главным частям, положение которых не совпадает с геометрическим центром. Это соотношение создает ощущение динамики, вовлекающее в движение» [4, с. 15]. Восприятие асимметрии сложнее, чем восприятие симметричной формы, где закономерность построения целого читается уже по его части. Но гибкость асимметрии облегчает включение произведения архитектуры в структуру более высокого уровня и в природные ландшафты.

В процессе восприятия в формировании эмоционально окрашенных образов и представлений участвуют разнородные характеристики сооружения: линейные, цветовые, пластические. Целостность — важнейшее свойство человеческого восприятия. Для того чтобы визуальные характеристики объектов, среды в целом отвечали этому свойству, среда должна обладать призна-

ками целостности, заложенными в нее в процессе организации. Целостность создается не путем механического объединения, а приемом гармонизации несущих функциональную нагрузку форм. Главное средство гармонизации — ритмичность, которая проявляется и в использовании формы и цвета: повторы выстраивают пространство поступательно, многообразие оттенков дополняет основные цветовые доминанты. Делая главным ощущение единства, достигаемого с помощью аналогичности форм и цветовых тонов, внося некоторую динамику, можно построить гармонию по аналогии. В противоположность этому, считая динамику главной, можно построить гармонию на контрастах.

Понятие гармонии включает в себя и понятие дисгармонии как противопоставления. Нарушение баланса может быть использовано как средство выразительности. Ярко выраженное преобладание какого-либо цвета создает определенное настроение и сообщает форме или архитектурному пространству большую экспрессивность.

Визуальная картина складывается из композиционных взаимоотношений в пространстве формы и цвета материальных объектов. Все формы и цвета находятся во взаимодействии. Абсолютных принципов их сочетаний не существует.

Человеку свойственно стремиться к красоте, искать ее в окружающем пространстве. Обнаруживая прекрасные сочетания, он пытается разгадать тайну красоты, отвлекаясь от привычных мыслей в процессе созерцания и испытывая эмоциональное напряжение, сопровождающееся чувствами радости, полноты жизни, благодарности. Человек получает возможность освободиться от стереотипов восприятия и мышления, трансформировать свое состояние. Попытка трансцендирования является толчком, после которого начинается серьезное преобразование, изменение сознания. Ощувив трансцендентное переживание, состояние на границе возможного, человек стремится к нему вновь и вновь. Эстетическое чувство и естественный режим работы глаз оказывают положительное влияние на все физиологические процессы организма. На этом принципе основано направление арттерапии.

В. И. Самохвалова предложила мегаэстетическую концепцию красоты как фундаментального основания бытия [5]; в системе действия глобальных антиэнтропийных сил красота выступает как особый и оптимальный способ организации, отвечающий целям развития мира. Трактую красоту как энергетически активную форму, через которую действует универсальный принцип существования самой жизни и движения структурообразующих сил вселенной, Самохвалова рассматривает организацию красоты как имеющую объективный и трансвременной характер. Однако форма красоты есть не только организация, упорядочивающая мир (и имеющая объективно-космический характер), но и способ проявления глубинного метафизического содержания, имеющего отношение к духовному основанию человеческой жизни; это объясняет субъективное значение красоты для человека, смысл создаваемого им искусства, закономерность и необходимость развития эстетического сознания, напряженные поиски гармонии [6].

Восприятие формируется средой, организует мышление, которое, в свою очередь, определяет особенности создания этой среды. «Свойства окружающей нас обстановки, чувства и мысли, стоящие в более или менее близком к

нам отношении, способствуют складу нашего ума и помогают избранию физического пути. Так, ежедневный вид полей и сельских занятий придает ясность и свежесть уму, располагая его к удовольствиям тихим и безыскусным. Постоянное же созерцание произведений великих художников развивает в нас любовь к прекрасному» [3, с. 116]. Устойчивые ассоциации формируются как результат постоянного восприятия окружающей среды. И эта связь ментального состояния и внешней окружающей среды неизбежна.

В начале XIX в. П. Мантегацца писал: «Глазам нашего поколения представлено гораздо больше удовольствий, чем зрению отцов наших, так как цивилизация, не переставая расширять пределы нашего кругозора, изобретает все новые и новые наслаждения для чувства зрения. Влияние этой массы удовольствий действует благотворно на людей, совершенствуя как зрение их, так и само понимание, и не переставая обогащать новым материалом великолепную пинотеку человеческого воображения» [Там же, с. 115].

В настоящее время все больше открывается многообразие мира, ценность уникальности форм. Мир ширится, множится, наполняется и обогащается прямо пропорционально количеству созерцающих его творцов. Мы стоим у истоков формирования новой культуры, доминантой которой является визуальный образ. Задачи этой культуры — уменьшить страх перед будущим, научить испытывать радость, восхищение, удовольствие, безусловно любить и жить в состоянии вдохновения на новом уровне взаимодействуя с природой и постигая естественные законы.

Несмотря на то, что распространяющаяся на все сферы жизни современная эстетика далека от художественного творчества, являясь дизайн-технологией, она приучает взгляд к красоте, реформирует способность воспринимать мир, способствуя утончению чувств, обострению интуиции, освоению явлений в их многогранности. Технология тиражирования визуальных образов (технично-технологический процесс) способствует стандартизации, упрощению и огрублению реальности, между тем в действительности мы наблюдаем усиление креативности, значительную роль инноваций и достижение синергических эффектов в пространстве коммуникации.

Как констатировал А. А. Грякалов, сегодня интеллектуалы воображения способны возвращать в мир утраченную целостность и порождать сплывающий эстетизм как имманентную трансценденцию. В современном мире эстетическое утверждается как обязательная фоновая практика, становится своего рода этическим. А эстетический опыт при всех его модификациях имеет дело с антропологической константой [7, с. 49—58].

Визуальный поворот современной культуры порождает новый бытийственный опыт, определяемый многоплановостью изображения как единицы коммуникации, его способностью актуализировать интуитивно-чувственные, эмоционально-образные, художественно-эстетические параметры в процессе передачи информации. Визуальные тексты современной культуры не только фиксируют особенности социальной реальности, передают интенции авторов, они открыты для интерпретации, обладают проективными и конструктивными возможностями, составляя значимый ресурс для инновационного развития общества [8].

Социокультурное пространство сегодня представляет собой хаотичное смешение разноплановых фрагментов. Для интерпретации сообщений не су-

ществует единого кода. Основа грамматики предлагаемого массовой культурой языка — монтаж. Отличительным качеством современности в первую очередь является сосуществование различных социокультурных норм и образцов, оцениваемых не как противоречия, а как различные актуальности, составляющие своеобразный «архив» стилей и ценностей. Можно предположить, что реализующаяся стратегия постмодернизма с его сознательной мозаичностью и эклектичностью, обилием фрагментов и ценностей культурного опыта разных времен и народов представляет собой не всегда осознаваемую попытку расширить культурное пространство за счет привлечения значимых ценностей и иных смыслов [9].

В современных исследованиях все чаще высказывается положение о том, что именно культура становится главной предпосылкой изменений и основанием для выбора путей организации социальной реальности. По наблюдению современного социолога А. Турена, «в западной модели развития, прежде всего, изменяется культура: появляются новые знания и новая техника, связанные с видоизменением нравов и производительных сил. Затем появляются новые социальные действующие лица с их манерой действовать. Еще позже реорганизуется политическая система и устанавливаются новые формы организации. Наконец, кристаллизуются идеологии, которые соответствуют интересам заново сформировавшихся действующих лиц» [10, с. 196].

Ценности культуры всегда сплачивали и консолидировали общество на основе общих целей и представлений о путях их достижения, диктовали правила поведения и характер выстраивания отношений между людьми. Современная визуально ориентированная культура становится универсальной основой развития и обновления социума: она определяет изменения в сфере политики, экономики, науки, образования. Причем изменения эти связаны уже не столько с новыми технологиями, сколько с формированием нового взгляда на жизнь, новых подходов к развитию человеческих отношений.

Калейдоскопичные композиции культуры собираются благодаря всматривающемуся взгляду, который исходит из опыта повседневной жизни людей. В условиях социальной трансформации, когда не работают социокультурные ориентиры, разрушаются общепризнанные нормы и даже глубинные сферы межличностных отношений претерпевают серьезные структурные изменения, зоны комфорта, островки стабильности обнаруживаются в обычных житейских делах, сиюминутных, но повторяющихся переживаниях, повседневных практиках. Именно повседневность становится сегодня основным понятием, отвечающим за поддержание смыслового порядка и его гармонизацию [11].

Современная повседневность не регулируется традиционными и устойчивыми образцами интерпретации реальности, она характеризуется не столько групповыми или институциональными предписаниями, действием обычаев, коллективными привычками и нравами, сколько значимостью ситуативно формируемых самим индивидом и для самого себя правил поведения. Опыт повседневности регулярно воспроизводится, базируется на понимании человеком ситуации и умении принимать оптимальные решения. Высокие технологии, глобализация, гибкие формы труда, нарастание рисков и доминирование визуальности привели к тому, что люди стали острее ощущать и осознавать свой динамично меняющийся и во многом удивительно новый «жизненный мир». Повседневность сегодня — не просто набор повторяю-

щихся заурядных событий, забот, но и экстраординарные ситуации, творчество, духовные поиски, которые становятся частью жизненного мира каждого человека.

Несмотря на устойчивость форм повседневной жизни, условия существования этого опыта подвижны, разомкнуты и связаны с меняющимися визуальными и социальными практиками, характерными для современной эпохи. Быт перестает быть утилитарной утомляющей обыденностью, он становится основой для создания мира идеального, в котором проходят апробацию модели жизни, соотносимые с представлениями о прекрасном. Визуальные образы повседневной жизни эстетизируются, обогащая индивидуальное жизненное пространство, создавая одновременно атмосферу для отдыха и ресурсы для активной деятельности.

Культура эпохи глобализма активно вырабатывает адекватные собственной сложности аксиосхемы. На сегодняшний день можно говорить о наличии базовых универсальных ценностей, утверждаемых на метакультурном уровне: стремление к личностной реализации, эстетизм, прагматизм, проективность, активный поиск доминант, актуальных в условиях становления глобализирующегося общества.

Можно предположить, что доминантные образы современной культуры не просто обслуживают социальную тотальность, а стимулируют выработку определенных стратегий, способов функционирования, продуцирующих новый тип социальных взаимодействий и социальной реальности в целом. Так, визуальные образы рекламы стимулируют стратегии самопрезентации, умения задавать программы взаимодействия, образы моды — способность быть современным и актуальным в своей деятельности. Образы политики призваны стабилизировать жизнь, добиться устойчивости архитектоники социального пространства.

Очевидно, что в условиях глобализирующегося мира социальная реальность должна представлять собой самоорганизующуюся систему. Большими самоорганизующимися возможностями обладают самоуправляющиеся системы, способные автоматически находить свое оптимальное состояние при любых изменениях внешних условий, самостоятельно переходить из произвольного начального состояния в определенное устойчивое состояние. Обязательное условие при этом — неравновесное управление с последующими возрастающими сложностями, когда цели управления корректируются и уточняются в процессе самонастраивания системы. Другими словами, это должна быть становящаяся реальность, в основе ее становления — живой диалог с наблюдателем. Г. П. Отюцкий, определяя информационное общество, очень точно выделил его ключевой признак: «Информационным можно назвать то общество, в котором нормативной становится оптимизация локальных актов деятельности через обращение к глобальным информационным процессам» [12, с. 175]. Как отметил В. А. Иноземцев, в постэкономическом обществе развитие личности становится главной целью человека, а деятельность, не мотивированная утилитарными потребностями, изменяет социальную структуру в гораздо большей мере, чем десятилетия бурных, но поверхностных потрясений» [13, с. 146]. Стратегия такого развития — вглядывание в действительность, за которым стоит процесс корректировки смысловых ориентаций, синхронизирующих индивидуальное бытие человека с универсальным процессом мировой самоорганизации.

Визуальная среда на глубинном уровне воздействует на психологию людей, определяет доминанты эмоционального состояния. Неявный характер такого воздействия делает человека управляемым и увлекаемым. Устойчивые ассоциации — результат постоянного визуального восприятия. Поэтому организация визуального окружения требует осознанности, профессиональных знаний, высокой степени ответственности. Это определяет необходимость введения принципов видеоэкологии в образовании и их утверждения на уровне массового сознания.

Ответственность за выбор на сегодняшний день лежит, главным образом, на властных структурах. Власть — мощное средство для защиты человеческих интересов, воплощения человеческих планов, решения противоречий и конфликтов. Для того чтобы был осуществлен переход «от идентичности сопротивления к идентичности проекта», должна возникнуть новая культурная политика в пространстве средств коммуникаций, поддерживающая ценности и разрешающая проблемы, возникающие в повседневном жизненном опыте людей. Культурная политика в трансформирующемся обществе нуждается в значительном расширении своих смысловых, инструментальных и функциональных ресурсов с учетом стоящих перед обществом вызовов глобализации и рисков экономического, политического, социального развития. Ее стратегия должна быть направлена на формирование единства целей и ценностей, среди которых важнейшее значение имеют ценности справедливости, сотрудничества, благополучия, духовного, нравственного, социального развития. Как следует из синергетического видения мира, новый порядок рождается путем локализации первичных зон порядка. Визуальный образ напрямую зависит от образа мысли, поэтому визуальной экологии должна предшествовать экология мысли.

Правильная организация визуальной среды может стать основанием для оптимизации жизненной среды трансформирующегося общества. Регуляторами, используемыми в процессе организации визуальной среды, могут стать разрабатываемые на государственном или местном административном уровне директивы, включающие требования обязательного использования дизайнерских технологий, соответствующих назначению городских объектов, указания и поощрительные меры для владельцев частных земельных участков, запретительные меры. При этом целью такой организации должно стать не только удобно и эстетично оформленное пространство, но и позитивный образ этого пространства в сознании наблюдателя. Подобная реорганизация определенных зон города производится в праздничные дни. С нашей точки зрения, она необходима и после некоторых тревожных событий для снятия напряжения, переориентации состояний. По словам К. Линча, город можно сделать живым музеем нашего общества и его надежд. Человеку нужна среда, которая не просто хорошо организована, но также поэтична и символична. Она должна напоминать ему об истории и традициях, вызывать радость и удивление, подсказывать лучшие выборы, помогать сохранять ясное видение пути. Основанное на визуальном восприятии ощущение пространства способно усиливать ментальные состояния. Город может создать основу для компиляции и организации позитивных значений и ассоциаций, стимулируя определенные направления социальной активности.

Воспринимаемое людьми единство организованности и сложности, порядка и разнообразия создает объективную основу для познания среды и формирования ее образов. Неоднородность среды стимулирует игру воображения и многообразие эмоций, обогащающие познавательные процессы. В ходе формирования среды возникает, с одной стороны, необходимость разнообразия, сложности, живописности, что рождает разнообразные значения и ассоциации, с другой — необходимость ясности, организованности, упорядоченности. Соединение этих начал отражается в содержании эстетических и профессиональных представлений о гармонии в видимом мире как взаимопроникновении единства и многообразия. Организация видимой среды предполагает достижение этой гармонии, а процессы познания мира, наделенного свойствами разнообразия и организованности, предстают как процессы поиска закономерностей в сложности, даже кажущейся хаотичности окружения.

Образы среды — результат двустороннего процесса. Среда предлагает различия и отношения, а наблюдатель в соответствии со способностью восприятия и исходя из собственных целей выбирает, организует и наделяет значением то, что видит. Наблюдатель способен играть активную роль в восприятии мира и созидательную роль в создании образа.

Отметим здесь, что образ как феномен культуры имеет свою специфику. Он обладает способностью воздействовать на воспринимающего независимо от его сознания и критических установок. В качестве составляющей мыслительного процесса образ является частью накопленного опыта, одновременно прерывая и трансформируя его течение, привнося спонтанно сформировавшиеся и стабилизовавшиеся содержания. Образы внешнего мира не только способны в процессе восприятия актуализировать семантические ресурсы, но и производят их. Наиболее близкие художественным по стилю воздействия визуальные образы — специфические медиумы, обладающие собственной логикой формирования смысла. Их присутствие в коммуникативном пространстве способствует снятию автоматизма в восприятии реальности или, как отметила с А. В. Дроздова, изменению автоматизма восприятия [11]. При определенных обстоятельствах образ в коммуникации способен создавать потоковое состояние, характеризующееся полной вовлеченностью человека в пространственно-временной континуум, высокой степенью концентрации внимания, вдохновением и осознанностью.

Образ — результат и возможность трансцендирования — выхода за границы своего знания, своей жизни, своего мира. Это состояние на границе между тем, что знакомо, понятно, осмыслено и тем, что неуловимо, невыразимо, но постоянно влечет своей неизвестностью. В коммуникативном акте, организатором которого становится визуально оформленная образная структура, трансцендирование оказывается следствием своего рода экстаза, прерывающего и трансформирующего мыслительный процесс, очищающего путь к новому восприятию и видению мира, выходу за пределы привычной логики. «Если некоторый образ кажется лишенным трансцендентного содержания, то это может быть связано с проблемой познающего сознания, не привыкшего к взлетам над частным и дробным» [14, с. 112].

В настоящее время многие исследователи культуры приходят к осознанию того, что окружающие нас предметы, элементы пространства, будучи художественными или нет, вызывают чувства, несут эмоциональное содержа-

ние, являясь хранителями коллективной памяти, символами культурных ценностей, свидетельствуя о жизни в ее предметном выражении.

Переплетение чувственного и смыслового опыта в процессе восприятия, по мнению Инишева, «делают образ одним из наиболее мощных инструментов социального воздействия и взаимодействия» [15, с. 186]. Образы — это «не только символические репрезентации социальных и политических отношений, требующие семиотической дешифровки. Образы — это и семантически перенасыщенные материальные поверхности, конфигурирующие социальные связи» [Там же, с. 187].

Заключение

Итак, образ стимулирует специфическую форму мыслительной активности, активизирующую творческое развитие и со-творчество. На сознание, состояние людей воздействует не только вербальная информация, но и опыт зрительного и художественного восприятия мира. В сознании наших современников интерес к художественным образам уже сменяется интеллектом, воспитанным созерцанием художественных структур.

Эстетически образованный человек не просто способен воспринимать красоту, видеть ее в окружающем пространстве, поступках, отношении, он способен создавать прекрасное, оказывая воздействие на окружающих его людей, мир в целом.

Обществу необходим не окончательный, а открытый порядок, способный к непрерывному развитию. Визуальное окружение может стать источником ежедневного восхищения/вдохновения, устойчивым якорем или продолжением выразительного богатства мира.

Грамотный подход к организации визуальной среды — одна из стратегий достижения безопасности в современном нестабильном мире.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Lynch K. The Image of the City. URL: http://interactive.usc.edu/wp-content/uploads/2013/10/Image_of_the_City.pdf
2. Филин В. А. Видеоэкология. Что для глаза хорошо, а что — плохо. М.: Видеоэкология, 2006. 512 с.
3. Мантегацца П. Физиология наслаждения. М.: Профит Стайл, 2012. 233 с.
4. Потоккина Т. М. Цветовое структурирование социального пространства: автореф. дис... канд. филос. наук. Волгоград: Волгогр. гос. архит.-строит. ун-т, 2010. 30 с.
5. Самохвалова В. И. Красота против энтропии (Введение в область мегаэстетики). М.: Наука, 1990. 174 с.
6. Самохвалова В. И. Спонтанность как специфика творческого состояния сознания и его потенциал // Свобода и творчество. Междисциплинарные исследования. М.: Альфа-М, 2011. С. 221—250.
7. Грякалов А. А. Эстетическое и политическое в контексте постсовременности: топос НОМО AESTHETICUS // Вопросы философии. 2013. № 1. С. 49—58.
8. Durand G. L'imaginaire. Essai sur les sciences et la philosophie de l'image. Paris: Hatier, 1994. 79 p.
9. Шаповалов В. Ю. Роль социальных трансформаций в процессе развития об-

щества // Теория и практика общественного развития. 2010. № 4. С. 9—12.

10. Турен А. Возвращение человека действующего: Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998. 204 с.

11. Дроздова А. В. Трансформация повседневных практик человека: от текста к визуальному образу // Теория и практика общественного развития. 2012. № 10. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-povsednevnyh-praktik-cheloveka-ot-teksta-k-vizualnomu-obrazu>

12. Отыцкий Г. П. Философские проблемы информационно-компьютерной революции. М.: МГУП, 2002. 253 с.

13. Иноземцев В. А. Современное постэкономическое общество: природа, противоречия, перспективы. М.: Логос, 2000. 304 с.

14. Кухта М. С. Восприятие визуальной информации: философия процесса. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2004. 202 с.

15. Инишев И. Н. Иконический поворот в теориях культуры и общества // Логос. 2012. № 1. С. 184—211.

REFERENCES

1. Lynch K. *The Image of the City*. URL: http://interactive.usc.edu/wp-content/uploads/2013/10/Image_of_the_City.pdf

2. Filin V. A. *Videocologiya. Chto dlya glaza horosho, a chto – ploho* [Videoecology. What is good for an eye and what is bad]. Moscow, Videocologiya Publ., 2006. 512 p.

3. Mantegacca P. *Phiziologiya naslagdeniya* [Physiology of pleasure]. Moscow, Profit Style Publ., 2012. 233 p.

4. Potokina T. M. *Cvetovoe strukturirovanie social'nogo prostranstva* [Colour structuring of social space. Cand. Phil. Sci. Diss.]. Volgograd, Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering Publ., 2010. 30 p.

5. Samokhvalova V. I. *Krasota protiv entropii (Vvedenie v oblast' megaestetiki)* [Beauty against entropy (Introduction to mega aesthetics)]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 174 p.

6. Samokhvalova V. I. Spontannost' kak specifika tvorcheskogo sostoyaniya soznaniya i ego potencial [The spontaneity of the specifics of the creative state of consciousness and its potential]. *Svoboda I tvorchestvo. Mezhdistsiplinarnye issledovaniya* [Freedom and creativity. Interdisciplinary studies]. Moscow, Alfa-M Publ., 2011. Pp. 221—250.

7. Gryakalov A. A. [The ethical and political in the context of post-modernity: topos HOMO AESTHETICUS]. *Voprosi filosofii* [Problems of philosophy], 2013, no. 4, pp. 49—58.

8. Durand G. *L'imaginaire. Essai sur les sciences et la philosophie de l'image*. Paris, Hatier, 1994. 79 p.

9. Shapovalov V. U. [The role of social transformations in the process of development of the society]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2010, no. 4, pp. 9—12.

10. Turen A. *Vozvrashchenie cheloveka deistvuyushchego: Ocherk sotsiologii* [The return of human action: Outline of Sociology]. Moscow, Nauchnii mir Publ., 1998. 204 p.

11. Drozdova A. V. [The transformation of everyday practices of man, from the text to the visual image]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social evolution], 2012, no. 10. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-povsednevnyh-praktik-cheloveka-ot-teksta-k-vizualnomu-obrazu>

12. Otyutskii G. P. *Philosofskie problemy informatsionno-komp'yuternoï revolyutsii* [Philosophical problems of information and computer revolution]. Moscow, MSUP Publ., 2002. 253 p.

13. Inozemtsev V. A. *Sovremennoe posteconomicheskoe obshchestvo: priroda, protivorechiya, perspektivy* [Modern posteconomic society: nature, contradictions, prospects]. Moscow, Logos Publ., 2000. 304 p.

14. Kukhta M. S. *Vospriyatie visualnoi informatsii: filosofiya protsesssa* [The perception of visual information: process Philosophy]. Tomsk, Tomsk State Pedagogic University Publ., 2004. 202 p.

15. Inishev I. N. [The iconic twist on the theories of culture and society]. *Logos*, 2012, no. 1, pp. 184—211.

© Храпова В. А., Земцова Я. М., 2016

Поступила в редакцию
в октябре 2016 г.

Received in October, 2016

Ссылка для цитирования: Храпова В. А., Земцова Я. М. Организация визуальной среды как фактор оптимизации жизнедеятельности человека и общества в пространстве современного города // Социология города. 2016. № 4. С. 55—69.

For citation: Khrapova V. A., Zemtsova Ya. M. [The organization of the visual environment as a factor of optimization of human life and society in a contemporary city]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2016, no. 4, pp. 55—69.

УДК 332.852.52

*В. Н. Казаков,
В. В. Григорьев***ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАДАСТРОВОЙ
СТОИМОСТИ ОБЪЕКТОВ
ГОРОДСКОЙ НЕДВИЖИМОСТИ**

В статье исследуются актуальные проблемы определения кадастровой стоимости объектов городской недвижимости. Показано, что неадекватная и весьма спорная оценка объектов городской недвижимости обусловлена нечетким механизмом определения и оспаривания. В статье представлена классификация проблем оценки кадастровой стоимости на основе функциональных признаков по трем укрупненным функциям: определение кадастровой стоимости, оспаривание кадастровой стоимости и налогообложение недвижимости. На основе использования укрупненных функций определения и оспаривания кадастровой стоимости объектов городской недвижимости представлена группировка соответствующих проблем и предложены конкретные направления их решения.

Ключевые слова:

кадастровая стоимость, городская недвижимость, оспаривание кадастровой стоимости, идентификация объекта недвижимости, конкурсные требования к оценщикам.

*V. N. Kazakov,
V. V. Grigor'ev***MAIN PROBLEMS
OF THE DETERMINATION
OF CADASTRAL VALUE
OF THE OBJECTS OF CITY REAL
ESTATE**

The authors discuss the current problems of the determination of cadastral value of the objects of city real estate. It is shown that the main problem of the evaluation of these objects is its inadequate and disputable assessment caused by an inaccurate process of determination and dispute. The article provides the

Введение

21 февраля 2014 г. в Нижнем Новгороде на заседании Совета уполномоченных по защите прав предпринимателей в регионах Приволжского федерального округа констатировали, что в данный момент чаще всего кадастровая стоимость земель расходится с рыночной стоимостью, и в ряде случаев в несколько раз. Ситуация провокационная и вызывает большое количество вопросов у предпринимателей.

Такая ситуация у нас в стране сохраняется уже несколько лет, с тех пор как налогообложение земельных участков стало производиться по их кадастровой стоимости, а точнее, когда после кризиса 2008 г. земельный рынок в стране стабилизировался (рыночная стоимость земельных участков перестала расти, а в ряде регионов стала снижаться). В последние годы в стране ежегодно рассматривается несколько десятков тысяч судебных и внесудебных дел по оспариванию кадастровой стоимости земельных участков.

В ближайшем будущем ситуация в стране еще более обострится, когда к спорам по кадастровой стоимости земли прибавятся споры по кадастровой стоимости объектов капитального строительства (строений).

Процесс определения и оспаривания кадастровой стоимости

Проблема определения кадастровой стоимости объектов городской недвижимости сводится к некачественной ее оценке. Причем термин «некачественная» можно понимать как маловероятная, неадекватная, недостоверная, сомнительная, спорная.

Причин некачественной оценки кадастровой стоимости множество, и все они обусловлены нечетким механизмом ее определения и оспаривания.

Проблемы определения и оспаривания кадастровой стоимости можно классифицировать по различным критериям. Например, по содержанию критерию, включая законодательство, методологию оценки, информационные потоки и т. д.

По нашему мнению, наиболее целесообразно классифицировать проблемы оценки кадастровой

classification of the problems of evaluation of cadastral value based on functional features in three enlarged functions: cadastral value determination, cadastral value dispute and taxation on real estate. On the basis of the use of enlarged functions of determination and dispute of cadastral value of the objects of city real estate the group of corresponding problems is provided and specific ways of their solution are offered.

Key words:

cadastral value, city real estate, cadastral value dispute, identification of a real estate object, competitive requirements to appraisers.

Об авторах:

Казаков Владимир Николаевич – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики социальной сферы, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские Горы, 1, стр. 46, 3-й учебный корпус

Kazakov Vladimir Nikolaevich – Doctor of Economics, Professor of Economics in Social Sphere Department, Lomonosov Moscow State University, 3rd educational building, 46, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

Григорьев Владимир Викторович – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ, Российская Федерация, 125993, г. Москва, Ленинградский пр-т, 49, vv_grigoriev@mail.ru

Grigoriev Vladimir Viktorovich – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, 49, Leningradskii Prospect, Moscow, 125993, Russian Federation, vv_grigoriev@mail.ru

стоимости по функциональному признаку. При этом весь процесс определения и оспаривания кадастровой стоимости разбивается на общие и специфические функции.

Общие функции:

- 1) подготовка данных по объектам оценки и по рынку;
- 2) моделирование кадастровой стоимости;
- 3) определение кадастровой стоимости;
- 4) оспаривание кадастровой стоимости;
- 5) администрирование всего процесса определения и оспаривания кадастровой стоимости.

Специфические функции:

- 1) оценка кадастровой стоимости городских земель;
- 2) оценка земель промышленного назначения;
- 3) оценка объектов капитального строительства и др.

Соотношение между общими и специфическими функциями следующее: для реализации каждой специфической функции оценки объекта недвижимости необходимо реализовать все общие функции оценки. Так, например, для того чтобы оценить земельный участок сельскохозяйственного назначения, надо подготовить данные по этому участку, собрать информацию по сделкам с земельными участками-аналогами, разработать модель кадастровой стоимости, определить кадастровую стоимость, при необходимости сопроводить процесс ее оспаривания и осуществить администрирование всех общих функций оценки (спланировать их, организовать деятельность, произвести координацию деятельности по реализации функций, учесть и проконтролировать деятельность, а также простимулировать персонал).

Каждую общую и специфическую функцию можно подразделить на подфункции. Например, специфическую функцию оценки объектов капитального строительства можно разделить на отдельные подфункции в зависимости от вида строения: оценка коммерческих объектов, оценка некоммерческих объектов и т. д. В свою очередь, каждую подфункцию можно разделить на отдельные задачи. Например, подфункцию оценки коммерческих объектов можно разделить на оценку торговых объектов, оценку административных объектов, оценку офисов и т. д.

Таким образом, все функции определения и оспаривания кадастровой стоимости недвижимости можно разделить на конкретные задачи, которые имеют свои присущие им проблемы: законодательные, методологические, информационные и прочие.

Предлагаемая классификация проблем оценки кадастровой стоимости недвижимости по функциональному признаку включает разбивку процесса определения и оспаривания кадастровой стоимости недвижимости на три укрупненные функции:

- 1) определение кадастровой стоимости;
- 2) оспаривание кадастровой стоимости;
- 3) налогообложение недвижимости (в том числе работы по расчету налоговых ставок, по определению пакета льгот по налогообложению недвижимости, по процедурным операциям, например, рассылки налогоплательщикам уведомлений и др.).

Проблемы определения и оспаривания кадастровой стоимости и пути их решения

Ниже по этим укрупненным функциям определения и оспаривания кадастровой стоимости группируются соответствующие проблемы и предлагаются конкретные механизмы их решения.

1. Формирование информации об объектах оценки кадастровой стоимости. В настоящее время Оценщик обязан оценить все объекты оценки, указанные в перечне, передаваемом ему Заказчиком. При этом определить достоверную величину кадастровой стоимости ряда объектов не представляется возможным, поскольку нельзя их однозначно идентифицировать. Например, в качестве наименования указано «сооружение» без конкретизации его типа (мост, дамба и пр.), отсутствует информация о площади объекта оценки, разрешенном использовании земельного участка, протяженности линейных сооружений и т. д.

Предлагается сформировать законодательный механизм, который:

- а) обяжет Заказчика государственной кадастровой оценки (далее ГКО) предоставлять Оценщику информацию для однозначной идентификации объектов оценки, а также информацию по основным ценообразующим факторам и сделкам с объектами-аналогами;
- б) даст Оценщику право не оценивать те объекты оценки из перечня, которые невозможно однозначно идентифицировать или по которым отсутствует существенная ценообразующая информация (получить которую можно исключительно у Заказчика).

2. Разработка типового контракта на кадастровую оценку. Существующая практика проведения ГКО показывает, что условия контрактов на ГКО, с одной стороны, позволяют выигрывать соответствующие конкурсы недобросовестным и некомпетентным оценщикам, а с другой — не предусматривает ответственность Заказчика за нарушение условий контракта (например, информация не предоставлена или предоставлена не в установленный срок).

Предлагается сформировать существенные условия типового контракта на ГКО (типовой макет). Такие условия, прежде всего, должны быть направлены на:

1) выбор адекватного Исполнителя, например: установление минимально возможного срока выполнения работ по кадастровой оценке; установление требования к оценочным организациям иметь в штате не менее трех оценщиков, для которых данное место работы является основным (это затруднит вход на рынок оценочных работ случайных компаний, для которых данный вид деятельности не является основным и которых не интересует судьба отрасли); требования к специальному программному обеспечению и другие условия;

2) установление ответственности Заказчика за нарушение условий контракта (например, информация не предоставлена в установленные сроки);

3) требования к исходной информации по объектам оценки (перечень объектов оценки должен размещаться до конкурса; после заключения контракта Оценщик имеет право дозапросить уточнения по перечню; уточнения принимаются до определенной даты, после которой Оценщик имеет право не оценивать объекты оценки, которые невозможно идентифицировать или по которым отсутствует существенная ценообразующая информация).

3. Демпинг цен на оценочные услуги по определению кадастровой стоимости. «Подготовка отчета об оценке земельного участка до 10 га у независимого оценщика с выездом на место будет стоить 150—200 тыс. рублей; необходимая для судебного оспаривания экспертиза отчета в саморегулируемой организации — еще 50—100 тыс. рублей. А в рамках госзаказа работа по тому же земельному участку стоит копейки, в сотни раз дешевле» [1].

Демпинг цен на оценочные услуги осуществляют мошенники, которые за «малые» деньги по госзаказу делают заведомо недостоверную (завышенную) оценку, которую затем сами же (уже по заказу собственников — налогоплательщиков), но уже за «большие» деньги, оспаривают, подготавливая отчеты об оценке рыночной стоимости этих же земельных участков.

Предлагается создать при Росреестре систему государственной оценки кадастровой стоимости, в рамках которой будет сформирован институт аккредитованных оценщиков, с утвержденными региональными тарифами на услуги по определению кадастровой стоимости недвижимости, и которая также будет обеспечивать оценщиков достоверной исходной информацией об объектах оценки и о сделках с объектами-аналогами.

Предлагается также отчет об оценке до утверждения кадастровой стоимости в регионе публиковать в сети Интернет (по нескольким адресам: на сайте региональной администрации, на сайте саморегулируемой организации, в которой состоит Оценщик, на сайте Росреестра), и тогда процедуру оценки по конкретному району можно будет проанализировать заинтересованным лицам: собственникам-налогоплательщикам, соответствующей саморегулируемой организации, региональной администрации, региональной комиссии по оспариванию кадастровой стоимости.

Для обеспечения возможности широкой экспертизы отчетов по оценке кадастровой стоимости недвижимости Росреестру необходимо опубликовать большими тиражами, а также поместить в Интернете, все методики по определению кадастровой стоимости различных видов земельных участков и различных видов объектов капитального строительства по опыту развитых зарубежных стран.

4. Сроки переоценки кадастровой стоимости недвижимости. Данная проблема больше касается собственников-налогоплательщиков, т. к. частая, ежегодная, переоценка кадастровой стоимости не позволяет до конца осуществить ее оспаривание. Региональные администрации заинтересованы в затягивании процесса оспаривания кадастровой стоимости недвижимости. Суды нередко «прислушиваются» к интересам региональной администрации. В связи с этим, пока собственник оспаривает кадастровую стоимость, утвержденную региональной администрацией год назад, эта же региональная администрация утверждает переоценку кадастровой стоимости нового года. И собственник-налогоплательщик вынужден начинать судиться уже по новой неадекватной кадастровой стоимости.

Таким образом, собственник-налогоплательщик не может оспорить неадекватную кадастровую стоимость своего объекта и вынужден платить несправедливый налог на недвижимость.

Предлагается в административном порядке ускорить рассмотрение и принятие решения по искам по оспариванию кадастровой стоимости недвижимости: не более 3 месяцев со дня подачи исков. Также в административном порядке ускорить рассмотрение заявлений собственников-налогоплательщиков в региональных комиссиях по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости: не более 1 месяца.

5. Идентификация объекта недвижимости (правовой аспект). Как идентифицировать объект оценки, если у земельного участка и у строения, который на нем находится, разные собственники? С кого брать единый налог на недвижимость, который будет в будущем использоваться?

Предлагается до тех пор, пока по объекту оценки не будет единственный собственник, взимать налоги с обоих собственников отдельно: с одного — с кадастровой стоимости земельного участка, с другого — с кадастровой стоимости строения.

6. Сознательное завышение или занижение кадастровой стоимости недвижимости. Нередко бывают случаи завышения или занижения кадастровой стоимости недвижимости, обусловленные давлением, оказываемым заказчиком оценки. *Предлагается* повысить ответственность оценщиков и заказчиков оценки: заказчиков снимать с должности, оценщиков лишать членства в саморегулируемой организации (без права перехода в другую саморегулируемую организацию).

7. Разработка конкурсных требований к оценщикам, участвующим в определении кадастровой стоимости недвижимости. Разные региональные администрации формулируют разный набор требований к оценщикам кадастровой стоимости недвижимости. Нередко эти требования противоречат законодательным положениям о конкуренции. *Предлагается*:

а) разработать единые критерии оценки заявок на участие в конкурсе, единый набор требований к конкурсной документации и к оценщикам кадастровой стоимости недвижимости, который бы соответствовал ФЗ-135 от 29 июля 1998 г. «Об оценочной деятельности в РФ» и ФЗ-44 от 5 апреля 2013 г. «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»;

б) разработать макет типового договора на определение кадастровой стоимости.

8. Повышение качества отчетов по определению кадастровой стоимости недвижимости. Причин низкого качества отчетов по определению кадастровой стоимости недвижимости множество. Это и низкая квалификация оценщиков, и отсутствие достоверной информации об объекте оценки и сделках с объектами-аналогами, и давление на оценщиков руководителей региональных администраций (заказчиков), заинтересованных либо в завышении (в большинстве случаев), либо в занижении уровня кадастровой стоимости в своих регионах, и другие причины. *Предлагается:*

1. Размещать отчеты по определению кадастровой стоимости недвижимости минимум на двух сайтах: на сайте Росреестра — в фонде данных государственной оценки кадастровой стоимости; на сайте региональной администрации (данное предложение принято).

2. Ввести обязательное уведомление налогоплательщика о намерении проведения оценки кадастровой стоимости его объекта недвижимости.

3. Ввести обязательное сертифицирование Росреестром оценщиков, осуществляющих определение кадастровой стоимости недвижимости.

4. Ввести обязательное повышение квалификации (1 раз в 3 года) для оценщиков, осуществляющих определение кадастровой стоимости недвижимости.

5. Создать при Росреестре Институт кадастровой оценки, который бы реализовывал следующие функции:

а) разработку методологии массовой оценки в РФ;

б) разработку и совершенствование отдельных методик для определения отдельных видов объектов недвижимости (земель и строений различного назначения);

в) формирование информационной инфраструктуры в сфере определения кадастровой стоимости в РФ (профессиональные сайты, журналы, семинары, обучение оценщиков и др.);

г) разработку нормативов для определения кадастровой стоимости недвижимости;

д) проведение экспертизы отчетов по определению кадастровой стоимости федеральных объектов недвижимости;

е) другие функции в сфере определения, оспаривания и налогообложения недвижимости.

6. Создать в РФ на базе Росреестра государственную систему определения кадастровой стоимости объектов недвижимости [2].

9. Регистрационно-учетная проблема заключается в том, что объекты оценки (они же объекты налогообложения) описываются по двум разным законодательным актам: ФЗ «О государственной регистрации прав на объекты недвижимости и сделок с ним» и ФЗ «О государственном кадастре недвижимости». В связи с этим происходит путаница учетных данных для одних и тех же объектов налогообложения (объектов оценки). Эта путаница усложняет работу по формированию государственного кадастра недвижимости и не позволяет оценщику получить достоверную информацию об объектах для определения их кадастровой стоимости. Это значительно снижает качество оценки кадастровой стоимости.

Предлагается:

1) принять постановление правительства РФ, в котором бы были установлены положения по описанию единого объекта недвижимости (земля +

строение) как объекта налогообложения (а также объекта оценки кадастровой стоимости);

2) принять постановление правительства РФ о создании на базе Росреестра государственной системы определения кадастровой стоимости недвижимости, которая могла бы решить многие проблемы определения и оспаривания кадастровой стоимости недвижимости в стране (концепция такой системы разрабатывается в Финансовом университете при Правительстве РФ).

10. Информационный дефицит в оценке кадастровой стоимости недвижимости. Проблема заключается в том, что оценщику, определяющему кадастровую стоимость объектов недвижимости, недостает множества видов информации об объектах оценки и о сделках с ними на рынке.

Массовая оценка, т. е. оценка для целей налогообложения, основывается на анализе рыночной стоимости объектов недвижимости, но фактических данных о рыночной стоимости объектов недвижимости в стране нет, фактические рыночные данные о сделках с объектами недвижимости отсутствуют. Оценщики используют в основном цены предложений.

Таким образом, основная группа информации о сделках с объектами недвижимости (и земли, и строений), которая должна быть использована для определения кадастровой стоимости недвижимости, в стране отсутствует. В этих условиях нельзя получить качественную, достоверную оценку кадастровой стоимости недвижимости.

Предлагается принять постановление правительства РФ о регистрации, учете и анализе сделок с объектами недвижимости в РФ, в котором бы были зафиксированы положения по информационному обеспечению процесса определения кадастровой стоимости объектов недвижимости, в том числе по регистрации, учету, мониторингу, анализу и оценке кадастровой стоимости объектов недвижимости.

11. Разработка программного обеспечения расчета кадастровой стоимости различных видов объектов оценки. В настоящее время созданы несколько программ, которые на практике используются некоторыми оценочными организациями для определения кадастровой стоимости. Это программные продукты:

- СПО ФГУП ФКЦ «Земля» (г. Москва);
- ООО «Группа комплексных решений» (г. Нижний Новгород);
- МОКЦентр менеджмента оценки и консалтинга (г. Москва).

Однако данные программные продукты требуют совершенствования. Кроме того, большинство видов объектов оценки не охватываются данными программными продуктами. В частности, различные виды объектов капитального строительства и отдельные виды земель оцениваются в ручном режиме, что значительно затрудняет и увеличивает стоимость оценки объектов недвижимости, а также удлиняет сроки выполнения работ.

Предлагается создать при Росреестре Институт государственной оценки, который бы, наряду с другими функциями, обобщал и совершенствовал существующие программные продукты, а также разрабатывал новые компьютерными программы по определению кадастровой стоимости различных видов объектов оценки.

12. Неэффективность механизма определения кадастровой стоимости недвижимости. Проблема заключается в том, что при каждой переоцен-

ке кадастровой стоимости недвижимости в каждом отдельном субъекте РФ оценку производят различные оценочные фирмы и они каждый раз заново осуществляют сбор, обработку, анализ, моделирование и расчет кадастровой стоимости. В этой работе нет системности, присутствует «лоскутность» и несвязанность оценочных процедур, нет данных по прежней переоценке, нет достоверных данных о сделках с объектами недвижимости, нет данных о предыстории развития рынка недвижимости, многие новые объекты недвижимости вообще не попадают в список объектов оценки. Эти обстоятельства обуславливают, во-первых, значительную трудоемкость кадастровой оценки, во-вторых, уменьшение налогооблагаемой базы, в-третьих, увеличение сроков выполнения работ, в-четвертых, снижение качества кадастровой оценки, в-пятых, неэффективность механизма определения кадастровой стоимости недвижимости.

Предлагается создать на базе Росреестра систему государственной кадастровой оценки, единую по всей стране, понятную, открытую и эффективную, способную оперативно выдавать качественный результат по определению кадастровой стоимости недвижимости.

13. Неопределенность статуса Заказчика кадастровой оценки объектов недвижимости. Проблема заключается в том, что в соответствии с действующим законодательством Заказчиком кадастровой оценки являются государственные органы управления в субъектах РФ. Однако нередко, по разным причинам, субъекты РФ передают свои полномочия Заказчиков кадастровой стоимости недвижимости муниципалитетам (например, в Томске и других регионах).

Мы считаем, что ни региональная администрация, ни муниципалитеты не могут быть Заказчиками кадастровой стоимости недвижимости, т. к. и те, и другие являются сторонами, заинтересованными в завышении ее стоимости, а в некоторых случаях (например, в малых южных республиках) в занижении этой стоимости. Кроме того, муниципалитеты по действующему законодательству сами устанавливают ставки налогообложения недвижимости и в различных регионах в настоящее время, в связи с необоснованным завышением кадастровой стоимости недвижимости, снижают величину ставки налогообложения недвижимости.

Предлагается законодательно зафиксировать в качестве Заказчика кадастровой оценки Федеральную кадастровую палату, а точнее ее филиалы в регионах. При этом следует отменить приказ Росреестра о наделении с 1 марта 2012 г. Федеральной кадастровой палаты статусом Оценщика новых вновь введенных объектов капитального строительства и тех объектов недвижимости, физические характеристики которых изменились в период между переоценками кадастровой стоимости. Федеральная кадастровая палата не должна быть Оценщиком, это дело аккредитованных при ней Оценщиков, а должна быть Заказчиком кадастровой оценки и по Федеральному закону № 44 от 5 апреля 2013 г. проводить конкурсы среди аккредитованных Оценщиков на проведение кадастровой оценки недвижимости.

14. Качество подготовки и повышения квалификации оценщиков, осуществляющих кадастровую оценку. Проблема заключается в том, что до сих пор законодательно не определена специфика подготовки и повышения квалификации оценщиков, осуществляющих кадастровую оценку. В свя-

зи с этим часто кадастровую оценку проводят оценщики, которые не специализируются на кадастровой оценке, что снижает качество оценки.

Предлагается законодательно (или в Федеральном стандарте оценки № 4) ввести обязательную подготовку кадастровых оценщиков по специальной учебной программе объемом 810 часов, в которой необходимо предусмотреть учебные дисциплины по кадастровой оценке различных видов земельных участков и различных видов объектов капитального строительства, а также дисциплины по изучению законодательной базы кадастровой оценки. В рамках этой программы необходимо предусмотреть разработку слушателем этой программы отчетов о кадастровой оценке различных видов объектов недвижимости с использованием всех известных на сегодняшний день компьютерных программ по кадастровой оценке.

Предлагается также предусмотреть для кадастровых оценщиков обязательное прохождение курсов по повышению квалификации 1 раз в три года для изучения новых методов кадастровой оценки и ознакомления с изменениями, происходящими на этом рынке оценочных услуг.

Заключение

Приведенные выше проблемы определения кадастровой стоимости недвижимости не исчерпывают их список, но основные направления приведены. Решение этих проблем позволит значительно улучшить качество кадастровой стоимости недвижимости в Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кадастровая рутина: чем споры по налогам на землю угрожают. URL: <http://bank-znaniy.livejournal.com/327266.html>
2. Григорьев В. В. Совершенствование государственной кадастровой оценки недвижимости в РФ. М.: РУСАЙНС, 2016. 174 с.
3. Оценка недвижимости / под ред. А. Г. Грязновой, М. А. Федотовой. М.: Финансы и статистика, 2010. 554 с.
4. Судебно-кадастровая экспертиза / под ред. А. Ф. Волынского и В. А. Прорвича. М.: Экономика, 2013.
5. Власенко Л. В. Социально-экономические аспекты реконструкции и сноса застройки 1950—1960 гг. // Социология города. 2011. № 3. С. 45—51.
6. Максимчук О. В., Першина Т. А. Оценка уровня и качества жизни горожан с позиций комфортности проживания в современном городе (на примере крупных городов ЮФО) // Социология города. 2014. № 2. С. 33—55.
7. Савинова Л. И., Дудочкина Л. Л. Социальная значимость жилья для молодых семей в условиях современного города // Социология города. 2015. № 3. С. 53—66.

REFERENCES

1. *Kadastravaya rutina: chem spory po nalogam na zemlyu ugrozhayut* [Cadastral routine: the threat of disputes on land taxes]. URL: <http://bank-znaniy.livejournal.com/327266.html>

2. Grigor'ev V. V. *Sovershenstvovanie gosudarstvennoi kadastrovoi otsenki nedvizhimosti v RF* [Improvement of the state cadastral value of real estate in the Russian Federation]. Moscow, RUSAYNS Publ., 2016. 174 p.
3. Gryaznova A. G., Fedotova M. A. (ed.). *Otsenka nedvizhimosti* [Real estate evaluation]. Moscow, Finance and statistics Publ., 2010. 554 p.
4. Volynskii A. F., Prorvich V. A. (ed.). *Sudebno-kadastrrovaya ekspertiza* [Legal and cadastral examination]. Moscow, Ekonomika Publ., 2013.
5. Vlasenko L. V. [Social-economic aspects of reconstruction and demolition of 1950's and 1960's buildings]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2011, no. 3, pp. 45—51.
6. Maksimuk O. V., Pershina T. A. [Level and quality of life taking into account the assessment of comfort of living for the population in a modern city (on the example of large cities of the Southern Federal District)]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2014, no. 2, pp. 33—55.
7. Savinova L. I., Dudochkina L. A. [Social significance of housing for young families under conditions of a modern city]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2015, no. 3, pp. 53—66.

© Казаков В. Н., Григорьев В. В., 2016

Поступила в редакцию
в октябре 2016 г.

Received in October 2016

Ссылка для цитирования: Казаков В. Н., Григорьев В. В. Основные проблемы определения кадастровой стоимости объектов городской недвижимости // Социология города. 2016. № 4. С. 70—79.

For citation: Kazakov V. N., Grigor'ev V. V. [Main problems of the determination of cadastral value of the objects of city real estate]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2016, no. 4, pp. 70—79.

УДК 316.442

Д. В. Голоухова**СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО
ГОРОДА: АНАЛИЗ СИСТЕМЫ
ГОРОДСКОГО ПИТАНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ МОСКВЫ)***(Работа выполнена
при финансовой поддержке РФФИ,
грант № 14-03-00710)*

В статье обосновывается возможность анализа городского пространства через призму системы питания. Являясь одним из элементов системы различий, еда служит маркером социального неравенства. На примере пространства Москвы автор показывает, что еда является важным дифференцирующим индикатором организации городского пространства. Анализ был проведен на основе эмпирических данных, собранных Федеральной службой государственной статистики по городу Москве.

Ключевые слова:
городское пространство,
социальное пространство,
инфраструктура питания,
социальная дифференциация.

D. V. Goloukhova**URBAN SOCIAL SPACE:
ANALYSIS
OF URBAN FOOD SYSTEM
INFRASTRUCTURE
IN MOSCOW***(The work is done with the financial
support of RFH, grant no. 14-03-00710)*

The article analyzes social space through the infrastructure of the urban food system. Being one of the elements of distinction, food is the marker of social inequality. Using the example of Moscow urban space, the author shows that food is an important differentiating indicator of the arrangement of urban space. The analysis was based on the empirical material collected by the Russian Federal State Statistics Service in Moscow.

Введение

Интерес к городскому пространству как самостоятельному предмету социологической науки возник в начале XX в. с появлением чикагской школы социологии, чьи эмпирические исследования были тесно связаны с практикой городского управления. Многие из них проводились по заказу или в тесном сотрудничестве с различными государственными структурами и комиссиями. Для исследований социологов чикагской школы характерна очень разнообразная тематика. В частности, широко изучались проблемы социального неравенства через призму городского пространства, городские сообщества и культурные миры. С этой точки зрения особым интересом представляют работы Л. Вирта «Гетто» (1928) и Х. У. Зорбо «Золотой берег и трущобы» (1929). Употребляя слово «гетто» в отношении еврейского квартала, Л. Вирт исследует его происхождение, описывая различные траектории его развития, и рассматривает современное гетто в Европе и США. По Л. Вирту, гетто репрезентирует социальную изоляцию общества. «Само местоположение гетто определяется не только доступностью и низкой арендной платой за жилье, но и традицией» [1, с. 137]. Гетто — это закрытое самовоспроизводящееся культурное сообщество. При этом Л. Вирт отмечает, что объединение евреев в локальные ареалы зачастую было добровольным и связанным с характером их традиций. Добровольная сегрегация связана с тем, что в закрытых сообществах существует внутренняя солидарность и единое групповое сознание. Это также объясняет появление современных нееврейских гетто, кварталов иммигрантов или богемных кварталов. Данный механизм в принципе объясняет появление различных по функциям и культурным типам районов или, в терминах чикагской школы, ареалов. «Население ищет ареал, в котором к нему будут относиться терпимо и в котором желания его членов могут удовлетворяться с наименьшими помехами» [Там же, с. 161].

Исследованию культурных ареалов посвятил свою работу и другой представитель чикагской школы — Х. У. Зорбо. В книге «Золотой берег и трущобы» он проводит социологический

Key words:

urban space,
social space,
food system infrastructure,
social differentiation.

Об авторе:

*Голоухова Дарья Валерьевна –
аспирант кафедры социологии,
МГИМО,
Российская Федерация, 119421,
г. Москва, пр-т Вернадского, 76,
9289165@gmail.com*

*Goloukhova Dar'ya Valer'evna –
Postgraduate student
of Sociology Department,
MGIMO,
76, Vernadskogo Prospect, Moscow,
119421, Russian Federation,
9289165@gmail.com*

анализ непохожих районов, располагающихся на небольшом участке Чикаго. Он рассматривает город как «мозаику сообществ» [Там же, с. 212], расположенных в естественных ареалах, которые, в свою очередь, складываются в концентрические зоны [2].

С тех пор в западной и отечественной социологии предпринимались множественные попытки создания оригинальной методологии для исследования пространственной организации. Опираясь на теоретические разработки П. Бурдьё, можно наметить контуры интегральной теории, основывающейся на комплексном подходе к городскому пространству. Она базируется на том, что городское пространство представляет собой многомерную конструкцию, являющуюся отражением социального пространства города. По П. Бурдьё, социальное пространство абстрактно, оно конструируется посредством полей, в структуре которых отражается неравномерное распределение различных видов капитала. Социальное пространство определяется по взаимоположению в нем статусных позиций индивидов. При этом социальное пространство вписано в объективные пространственные структуры и стремится наиболее полно преобразоваться в физическое пространство. Являясь обитаемым, физическое пространство может мыслиться только как социальный конструкт. «Реализованное физически социальное пространство представляет собой распределение в физическом пространстве различных видов благ и услуг» [3, с. 54]. При этом блага и услуги, соответствующие различным полям, стремятся наложиться друг на друга. В результате наиболее дефицитные и дорогие блага, а также их собственники, концентрируются в одном месте физического пространства, дистанцируясь от наиболее обездоленных групп, что в контексте городской среды приводит к пространственной дифференциации районов и сегрегации. Описывая и операционализируя различные виды капитала, можно выделить многочисленные критерии социального зонирования. Одним из таких критериев является система городского питания.

Анализ городской системы питания Москвы

Как социологическая категория еда является одним из элементов системы различий [4]. Каждый социальный класс обладает отличным от других стилем жизни и, соответственно, собственной культурой питания. П. Бурдьё утверждает, что различия в области потребления продуктов питания не зависят напрямую от уровня дохода, зачастую одинаковый доход сочетается с различными типами потребления. Существует вторичная оппозиция, которая противопоставляет группы, имеющие наибольший культурный и наименьший экономический капитал, и группы, имеющие обратную структуру активов. Конкретный тип потребления определяется, в первую очередь, вкусом, который зависит от совокупности характеристик социального положения индивида. Вкус функционирует как маркер принадлежности к определенному классу или подклассу. Классы различаются, в первую очередь, по объему экономического и культурного капитала. Формирующиеся внутри каждого класса подклассы дифференцируются в соответствии со структурой активов, «т. е. различных форм распределения совокупного капитала между отдельными его видами» [Там же].

Различия между классами в социальном пространстве проецируются на физическое пространство города. Таким образом, еда является важным дифференцирующим индикатором организации городского пространства. Анализ городской системы питания осуществляется на основе эмпирических данных, собранных Федеральной службой государственной статистики по Москве.

Городское пространство Москвы на сегодняшний день слабо дифференцировано. В городе отсутствует четкое распределение районов на богатые и бедные, престижные и непрестижные. В первую очередь это связано с историческим развитием города в советский период и стремлением к социальной однородности расселения. Генеральный план Москвы 1971 г. делил Москву на восемь равноценных планировочных зон [5], в каждой из которых были свои важные структурные элементы: культурный центр, парки, предприятия, образовательные учреждения. Планировочные зоны, в свою очередь, формировались из более мелких территориальных единиц. Такое разделение было направлено на то, чтобы жителям не приходилось покидать пределы своего района, чтобы попасть на работу, в школу или поликлинику. После перехода к рыночной экономике в Москве наблюдаются трансформации, выражающиеся в проекции увеличивающейся дифференциации доходов населения на физическое пространство города [4]. Район проживания все больше зависит от уровня благосостояния индивида, это приводит к усилению социальных контрастов в расселении. В частности, увеличивается поляризация между западными и восточными районами, а также повышается престижность центра, которая и ранее была характерна для Москвы. Динамика цен на недвижимость в разных округах Москвы показывает, что различия между ними достаточно устойчивы: цены на недвижимость в ЗАО и ЮЗАО выше, чем в остальных округах, за исключением ЦАО. При этом наблюдается ценовой отрыв центра: цены на недвижимость в ЦАО растут значительно быстрее, чем в других округах Москвы, и на данный момент более чем в два раза превышают средний уровень цен по Москве. В результате в центральном районе Мо-

сквы меняется социальный состав населения, происходит отток малоимущего населения в другие районы и приток состоятельных горожан в центр.

Данные тенденции можно подтвердить и с помощью анализа инфраструктуры городского питания. *Под системой городского питания в данном исследовании понимается совокупность учреждений, непосредственно обеспечивающих горожан продуктами питания.* К ним относятся продуктовые магазины, включая минимаркеты, супермаркеты, гипермаркеты, специализированные магазины, сельскохозяйственные рынки, а также предприятия общественного питания. Развитая инфраструктура городского питания является одним из факторов, определяющих качество городской среды [6].

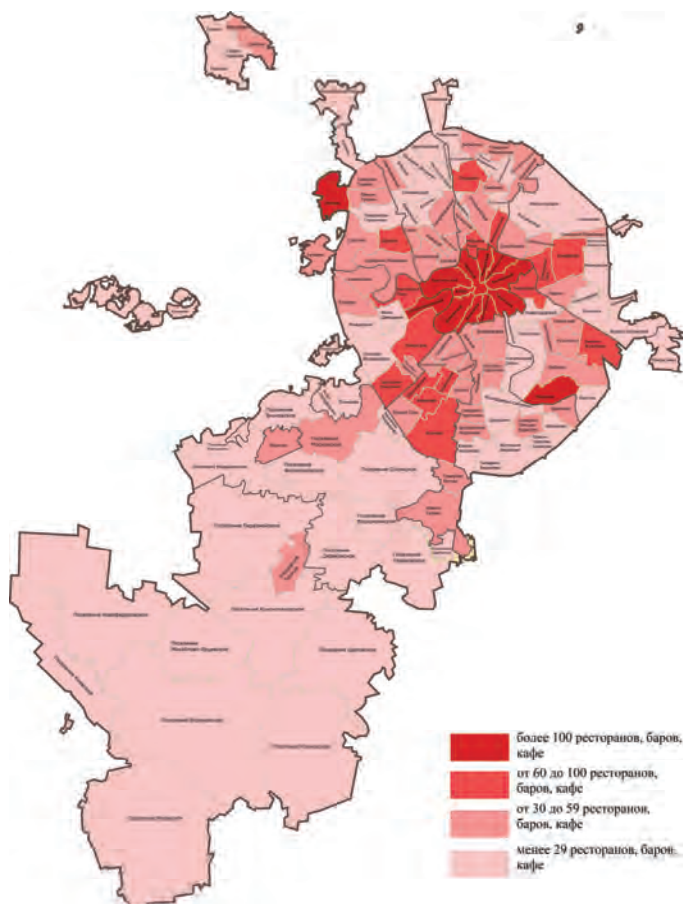

Рис. 1. Количество ресторанов, баров, кафе Москвы

Центральный административный округ по праву считается наиболее престижным. Это сосредоточение экономического и культурного капиталов города. Это постиндустриальный сервисный район, в котором сконцентрировано наибольшее количество рабочих мест в городе. Доля живущих здесь людей с высшим образованием также выше среднего, что говорит о высоком уровне развития человеческого капитала в данном районе [7]. Его особый социокультурный статус подтверждается и особенностями городской системы питания. Являясь местом, куда ежедневно стекаются тысячи москвичей,

Центральный район обладает наибольшим количеством ресторанов, которые к тому же значительно различаются по ценовой категории (рис. 1).

Здесь находятся как самые дорогие, так и самые дешевые рестораны. Кроме того, в ряде районов ЦАО высока концентрация общедоступных столовых и закусочных. Подобное разнообразие в системе общественного питания отвечает спросу, так как ЦАО является местом работы и проведения досуга для значительной доли москвичей с разным уровнем экономического и культурного капитала. Следует также отметить, что только ЦАО и ряд прилегающих к нему районов, где находятся несколько крупнейших парков Москвы (например, Сокольники, Измайлово, Лефортово, Останкинский), соответствуют градостроительной норме обеспеченности посадочными местами в заведениях общественного питания — 60 мест на 1000 жителей. Данный норматив, установленный аналитическим путем с учетом развития отрасли, принят Правительством Москвы. В остальных районах Москвы этот показатель ниже. Это свидетельствует о характерной для российских городов моноцентричной пространственной организации. Качество городской среды в центральных районах выше, чем на периферии.

Одной из проблем Центрального района является довольно низкая обеспеченность продовольственными магазинами. Обеспеченность магазинами оценивается по количеству квадратных метров торговой площади на 1000 человек. В апреле 2016 г. Правительство РФ опубликовало постановление о правилах расчета нормативов обеспеченности населения магазинами в различных населенных пунктах. Документом был введен базовый показатель минимальной обеспеченности населения площадью торговых объектов, на которой ведется продажа продовольственных товаров. Этот показатель составил 202 м² на 1000 человек. Более точный показатель рассчитывается индивидуально для каждого субъекта РФ по формуле, учитывающей расходы населения на покупку товаров, инфляцию, объем всех реализованных товаров, долю розничных рынков и ярмарок.

Среди районов ЦАО высокая (выше среднего) обеспеченность продовольственными магазинами наблюдается только в Красносельском районе и Якиманке. В остальных районах этот показатель ниже среднего, а в районах Тверской, Басманный, Таганский, Замоскворечье и Хамовники составляет менее 202 м² на 1000 человек. При этом показатель обеспеченности достигается, в первую очередь, за счет специализированных продовольственных магазинов, т. е., магазинов реализующих одну группу товаров или часть товарной группы (например, «Молоко», «Мясо», «Колбасы», «Овощи» и т. п.), концентрация которых в ЦАО довольно высока (около 45 % от всех магазинов, продающих продовольственные товары). Специализированные продовольственные магазины отличаются, как правило, лучшим качеством продукции по сравнению с супер- и гипермаркетами, что сопровождается также ее более высокой стоимостью. При этом небольшие специализированные магазины не могут гарантировать необходимый уровень продовольственной обеспеченности. Среди супермаркетов в ЦАО преобладают магазины высшей ценовой категории («Азбука вкуса»), тогда как магазины низшего ценового сегмента практически отсутствуют: внутри Садового кольца находится только один магазин сети «Пятерочка» и пять магазинов сети «Дикси». Подобная инфраструктура городского питания в центре Москвы наглядно демонстри-

рует престижность района и его статус района с высокой концентрацией экономического капитала.

Анализ системы городского питания также подтверждает противопоставленность западных районов как более престижных восточным как менее престижным. На сегодняшний день восточные районы Москвы — это, преимущественно, индустриальные и рабочие спальные районы, тогда как западные районы — это, преимущественно, районы сервисные и спальные. На востоке, как и в северных окраинных районах, высока доля жителей, не имеющих российского гражданства, тогда как в западных районах этот показатель сохраняется на среднем уровне даже на окраине Москвы. Доля жителей с высшим образованием в восточных районах, как правило, ниже среднего по Москве. В районах юго- и северо-запада этот показатель, наоборот, выше среднего [Там же].

Особенности восточных и западных районов проявляются и в специфике инфраструктуры городского питания. В частности, на востоке Москвы количество дорогих ресторанов и кафе ниже, чем в центре и на западе. Так, по данным портала «Афиша», в восточных районах за пределами Третьего транспортного кольца вообще нет ресторанов, где средний счет составляет более 2500 руб. на человека, а количество ресторанов и кафе со счетом 1500—2500 руб. значительно ниже, чем в западных районах. Кроме того, восточные районы лучше обеспечены общественными столовыми, для которых характерны очень низкие цены. При этом по уровню обеспеченности ресторанами восточные районы не уступают западным.

Сходная ситуация наблюдается и в сфере торговли продовольственными товарами. В частности, на востоке Москвы практически отсутствуют супермаркеты высшей ценовой категории. Так, например, за пределами Третьего транспортного кольца от Ярославского до Каширского шоссе полностью отсутствуют магазины сети «Азбука вкуса», тогда как в западных районах сеть представлена парой десятков магазинов. В то же время магазины эконом-класса одинаково распространены как на западе, так и на востоке.

В целом городское пространство Москвы слабо стратифицировано, что подтверждается и системой городского питания. Различные типы торговых объектов (супермаркеты, мини-маркеты, рынки, специализированные магазины и т. п.) достаточно равномерно размещены в районах Москвы.

Одной из основных проблем городской сети питания, на наш взгляд, является недостаточная обеспеченность жителей торговыми объектами. Карта обеспеченности продовольственными магазинами показывает несколько очагов с высоким уровнем обеспеченности и обширное городское пространство с недостаточным количеством продовольственных магазинов. При этом высокий уровень обеспеченности осуществляется преимущественно за счет супер-, гипер- и мини-маркетов. Высокий уровень обеспеченности наблюдается в окраинных районах Южного административного округа (обеспечивается в равной степени за счет супер-, гипер- и мини-маркетов), Северо-Восточного административного округа (обеспечивается преимущественно за счет мини-маркетов), Юго-Западного административного округа (обеспечивается в равной степени за счет супер-, гипер- и мини-маркетов), а также в прилегающих к ним районах Новой Москвы: поселения Сосенское, Московский, Внуковское (обеспечивается за счет мини-маркетов). Также высокий уровень обес-

печенности продовольственными магазинами характерен для окраинных районов на стыке Северного и Северо-Западного административных округов и юго-восточных районов у Третьего транспортного кольца, обеспечивается в большей степени за счет мини-маркетов (рис. 2).

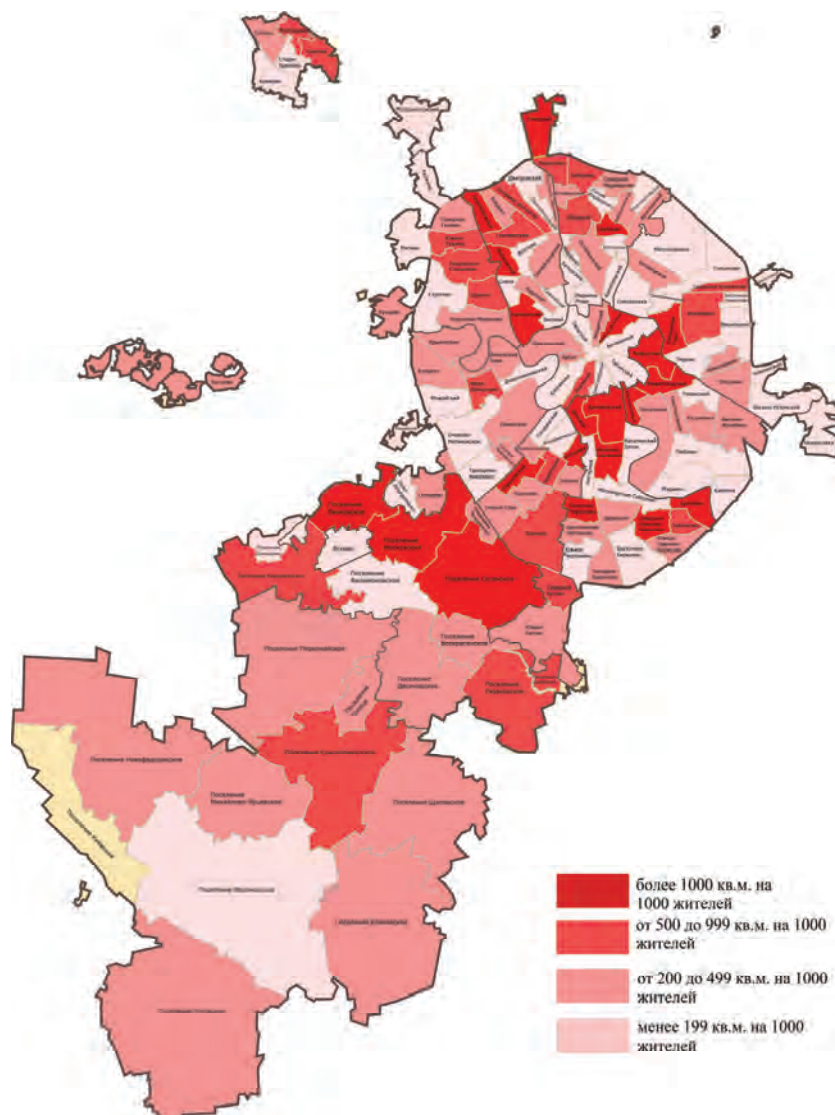

Рис. 2. Обеспеченность продовольственными магазинами, м² на 1000 человек

Что касается районов Новой Москвы, то анализ системы городского питания свидетельствует о сельском типе пространственной стратификации. Этому способствуют большая территория и низкая плотность населения. Обеспеченность жителей этих районов местами общественного питания, равно как и продовольственными магазинами, минимальна. В районах Новой Москвы практически отсутствуют супермаркеты и гипермаркеты, исключение составляют прилегающие к старой Москве районы и Зеленоградский административный округ. Обеспеченность продуктами питания осуществляет-

ся, в первую очередь, за счет мини-маркетов. Мини-маркетом называется продовольственный магазин, реализующий продовольственные товары узкого ассортимента, как правило, с обслуживанием через прилавок (ГОСТ Р 51773-2001). Ассортимент и качество товаров в таких магазинах хуже, чем в супер- и гипермаркетах, при этом цены зачастую выше. Таким образом, у жителей Новой Москвы ограничен доступ к качественным продуктам и товарам. В связи с этим можно говорить о «продовольственных пустынях», которые представляют собой территорию с ограниченным доступом к свежим продуктам питания.

В российской социологии исследования «продовольственных пустынь» пока не проводились, но мы полагаем, что они являются реальностью для жителей Новой Москвы. Термин «продовольственная пустыня» был введен в 1990-х гг. в отчете Департамента здоровья Великобритании [8]. Под ним понимались территории, где физические и экономические барьеры препятствуют жителям получить доступ к здоровым продуктам питания [Там же]. Министерство сельского хозяйства США предложило количественные критерии для определения «продовольственной пустыни». Доступ к здоровым продуктам питания считается ограниченным, если расстояние до ближайшего супермаркета или большого продовольственного магазина составляет более 1,6 км в городе или 16 км в сельской местности. Учитывая размер территории районов Новой Москвы и небольшое количество крупных продовольственных магазинов, можно выдвинуть гипотезу о том, что часть жителей этих районов проживает в «продовольственных пустынях», имея лишь ограниченный доступ к качественным и свежим продуктам питания.

Жители «продовольственных пустынь» в большей степени подвержены болезням, связанным с неправильным питанием. Исследования, проведенные в Европе и США, показали, что люди, совершающие покупки в супермаркетах, а не в небольших магазинах, едят больше овощей и фруктов. Близость супермаркета к месту проживания приводит к тому, что люди чаще покупают свежие продукты, в том числе фрукты, овощи, молочную продукцию [9]. Среди проблем со здоровьем, связанных с проживанием в «продовольственных пустынях», исследователи выделяют ожирение, диабет, а также другие болезни и осложнения, связанные с неправильным питанием и несбалансированной диетой. Кроме того, проживание в «продовольственных пустынях» влияет на потребительские модели горожан. Проведенное в Великобритании исследование показало, что даже после открытия супермаркета в одной из «продовольственных пустынь» жители продолжили покупать продукты в небольших местных магазинах, в частности из боязни потратить больше денег в супермаркете [10].

Ограниченный доступ жителей Новой Москвы к элементам системы городского питания, обусловленный временными и стоимостными затратами, приводит к усилению дифференциации среди городского населения. Используя терминологию А. Лефевра и Д. Харви, можно утверждать, что жители Новой Москвы в некоторой степени лишаются права на город, а именно — права на присвоение городского пространства. В теории А. Лефевра присвоение подразумевает право горожан на физический доступ и использование городского пространства. Кроме того, присвоение подразумевает и возможность производить и преобразовывать пространства [11]. В этой связи можно

также говорить о «несправедливости» городской среды [12], связанной с недоступностью пространства. По мнению урбаниста В. Л. Глазычева, «неравноценный доступ жителей города к инфраструктуре... обостряет вопросы социального неравенства» [13, с. 6].

Изучение «продуктовых пустынь» в Европе и США привело к исследованиям продуктовой справедливости [14]. Данное понятие, являясь плохо изученным, по-разному трактуется исследователями. Оно может рассматриваться в терминах прав потребителей, качества пищевого производства и распределения, а также в терминах городской политики. Приверженцы данной концепции полагают, что продуктовая справедливость связана с возможностями граждан трансформировать и контролировать агропродовольственную систему в целях ее устойчивого развития. Сторонники теории продовольственного суверенитета рассматривают продуктовую справедливость как право граждан владеть землей и самостоятельно выбирать агропродовольственные практики.

Заключение

Проведенный анализ системы городского питания Москвы выявил ряд проблем с обеспеченностью продовольственными магазинами и посадочными местами в заведениях общественного питания. Была выдвинута гипотеза о «продовольственных пустынях» в районах Новой Москвы. Исследование также показало, что городская система питания может являться стратификационным маркером и использоваться как инструмент городского зонирования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Чикагская социология: сборник переводов / сост. и пер. В. Г. Николаев; отв. ред. Д. В. Ефременко. М., 2015. 430 с.
2. *The City* / R. Park, E. Burgess, R. McKenzie. Chicago: University of Chicago Press, 1984. 239 p.
3. Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
4. Бурдые П. Различие: социальная критика суждения // *Экономическая социология*. 2005. Т. 6. № 3. С. 25—48.
5. Москва в генеральных планах: от болота у стен Кремля до Третьего транспортного кольца // *Strelka Magazine*. 20.01.2015. URL: http://www.strelka.com/ru/magazine/2015/01/20/genplan_history
6. Ильина И. Н. Качество городской среды как фактор устойчивого развития муниципальных образований // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2015. № 5 (164). С. 69—82.
7. Вендина О. И. Социальный атлас Москвы // *Проект Россия*. 2013. № 66. С. 230—271.
8. *Reising Vmt, Hobbiss A.* Food deserts and how to tackle them: a study of one city's approach // *Health Education Journal*. 2000. № 59 (2). Pp. 137—149. doi: 10.1177/001789690005900203.
9. *Cawley J., Cawley J. H.* The Oxford Handbook of the Social Science of Obesity. OUP USA, 2011. 894 p.
10. *The Public Health Effects of Food Deserts: Workshop Summary.* National Academies Press, 2009. 114 p.

11. Purcell M. Excavating Lefebvre: The right to the city and its urban politics of the inhabitant // *GeoJournal*. 2002. Vol. 58. Iss. 2. Pp. 99—108.
12. Птичников Г. А. «Несправедливый город»: городское пространство как отражение общественных отношений // *Социология города*. 2012. № 3. С. 47—54.
13. Глазычев В. Урбанистика. Ч. 2. М.: Европа, 2008. 220 с.
14. Bedore M. Just Urban Food Systems: A New Direction for Food Access and Urban Social Justice // *Geography Compass*. 2010. Vol. 4. Iss. 9. Pp. 1418—1432.

REFERENCES

1. Nikolaev V. G., Efremenko D. V. *Chikagskaya sotsiologiya: sbornik perevodov* [Chicagoan sociology: collection of translations]. Moscow, 2015. 430 p.
2. Park R., Burgess E., McKenzie R. (ed.). *The City*. Chicago, University of Chicago Press, 1984. 239 p.
3. Bourdieu P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of social space]. Moscow, Institute of Experimental Sociology, Saint Petersburg, Aleteiya Publ., 2007. 288 p.
4. Bourdieu P. [Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology], 2005, 6(3), pp. 25—48.
5. [Moscow in overall plans: from the bog near the Kremlin walls to the Third transport ring road]. *Strelka Magazine*, 20.01.2015. URL: http://www.strelka.com/ru/magazine/2015/01/20/genplan_history
6. П'ина И. Н. [Quality of the urban environment as a factor of sustainable development of municipal units]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii* [Property relations in the Russian Federation], 2015, no. 5 (164), pp. 69—82.
7. Vendina O. I. [Social atlas Moscow]. *Project Russia* [Proekt Rossiya], 2013, no. 66, pp. 230—271.
8. Reising Vmt, Hobbiss A. Food deserts and how to tackle them: a study of one city's approach. *Health Education Journal*, 2000, no. 59 (2), pp. 137—149. doi: 10.1177/001789690005900203.
9. Cawley J., Cawley J. H. *The Oxford Handbook of the Social Science of Obesity*. OUP USA, 2011. 894 p.
10. *The Public Health Effects of Food Deserts: Workshop Summary*. National Academies Press, 2009. 114 p.
11. Purcell M. Excavating Lefebvre: The right to the city and its urban politics of the inhabitant. *GeoJournal*, 2002, 58(2), pp. 99—108.
12. Ptichnikova G. A. [“Unfair city”: urban space as a reflection of public relations]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2012, no. 3, pp. 47—54.
13. Glazychev V. *Urbanistika. Ch. 2* [Urban science. P. 2]. Moscow, Europe Publ., 2008. 220 p.
14. Bedore M. Just Urban Food Systems: A New Direction for Food Access and Urban Social Justice. *Geography Compass*, 2010, 4(9), pp. 1418—1432.

© Голоухова Д. В., 2016

Поступила в редакцию
в октябре 2016 г.

Received in October 2016

Ссылка для цитирования: Голоухова Д. В. Социальное пространство города: анализ системы городского питания (на примере Москвы) // *Социология города*. 2016. № 4. С. 80—89.

For citation: Goloukhova D. V. [Urban social space: analysis of urban food system infrastructure in Moscow]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2016, no. 4, pp. 80—89.

**УСЛОВИЯ
ПРИЕМА СТАТЕЙ В РЕДАКЦИЮ
И ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРСКИМ
ОРИГИНАЛАМ**

Научно-теоретический журнал «Социология города» (далее — Журнал) издается для ознакомления научной общественности с результатами научных исследований по проблемам урбанистики в области социологии, философии, культурологии и других гуманитарных наук ученых ВолгГАСУ и иных научных организаций и вузов.

Учредитель Журнала — ученый совет ВолгГАСУ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-27329 от 28 февраля 2007 г. Выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Журнал зарегистрирован Международным центром ISSN, ISSN 1994-3520 (Print), ISSN 2077-9402 (Online).

Журнал входит в утвержденный ВАК Минобрнауки России Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук (ред. 2011 г.).

Журнал выходит четырежды выпусками в год.

Требования к оформлению статей. Статью необходимо представить на электронном носителе и в распечатанном виде в сопровождении: 1) заполненного автором лицензионного договора (2 экз.) (*скачать бланки* <http://www.vgasu.ru/science/journals/city-sociology/preparation-requirements/>), 2) анкеты автора (<http://www.vgasu.ru/science/journals/city-sociology/preparation-requirements/>). Все сопроводительные документы представляются на бумажных носителях в оригинале.

В отдельном файле помещаются сведения об авторах на русском и английском языках, а также кириллицей — в полном соответствии с данными в заполненном бланке анкеты (см. выше): фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, звание, должность, место работы; почтовый адрес, телефон и адрес электронной почты.

В статье приводятся:

индекс УДК;

на русском и английском языках:

фамилия и инициалы автора,

название статьи,

аннотация (на рус. яз. — до 500 знаков, на англ. — от 500 знаков до полной страницы),

ключевые слова.

Текст статьи заверяется подписью автора (соавторов).

Объем статьи — не менее 10 с. установленного формата журнала (см. ниже), включая название, аннотации, ключевые слова, текст, таблицы, рисунки, библиографический список. Последняя страница считается полной независимо от фактического заполнения.

Оригинал статьи должен быть набран с помощью пакета программ *Microsoft Office (Word 2003)*; шрифт основного текста — Times New Roman (Сур) № 11 (11 пунктов).

Параметры страницы — поля, см: верхнее — 3,7; нижнее — 4,5; левое — 2,0; правое — 6,0; переплет — 0, поля зеркальные. Расстояние от края до верхнего колонтитула, см — 3,0, от края до нижнего колонтитула — 3,7. Абзацный отступ равен 0,75 см. Межстрочный интервал одинарный. Автоматически устанавливаются переносы (не более 4 подряд в одном абзаце). Автоматически устанавливается запрет висячих строк.

Для набора формул используется редактор формул *Microsoft MathType 5*; по умолчанию устанавливаются размеры шрифта для одно- и двухстрочных формул: обычного — 11 пт, крупного и мелкого индекса — соответственно 8 и 6 пт, крупного и мелкого символа — соответственно 16 и 11 пт. Греческие и русские буквы набираются прямым шрифтом, латинские — курсивом. Если написание в формулах отличается от традиционного, автор должен сделать соответствующие пометки на полях распечатанной статьи, при этом греческие буквы обводятся красным карандашом, готические — синим. Формулы выключаются в левый край с абзацным отступом. Запись формулы выполняется автором с использованием всех возможных способов упрощения и не должна содержать промежуточные преобразования.

Векторные рисунки, сохраненные в формате WMF, *растровые* — в TIF или BMP, *графики и диаграммы*, построенные в *Microsoft Excel*, дополнительно помещаются на электронный носитель отдельными файлами. Имя файла должно соответствовать наименованию или номеру рисунка в тексте статьи. Кроме того, *иллюстрации* обязательно присылаются распечатанными на отдельных листах формата А4 в масштабе 1:1, в пригодном для сканирования виде. Размер шрифта текста в рисунках — 9...10 пт. *Подписи к рисункам* выполняются непосредственно в тексте статьи шрифтом Times № 10 (10 пт), экспликация в подрисуночной подписи — Times № 9 (9 пт). Для сжатия больших файлов использовать архиваторы *Arj* и *WinZip*, *WinRAR*.

Цветные и черно-белые фотографии присылать в оригинальном виде с подписями на обороте. Цифровые фотографии выполнять с разрешением не менее 300...600 dpi, присылать в электронном виде в любом графическом формате, кроме .jpg.

Текст *таблиц* набирается шрифтом Times New Roman (Cyr) № 10 (10 пт).

ПРИСТАТЕЙНЫЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СПИСКИ РАЗМЕЩАЮТСЯ ПОСЛЕ ОСНОВНОГО ТЕКСТА СТАТЬИ.

В библиографическом списке приводится только цитируемая в статье литература. ПРИВЕТСТВУЕТСЯ ЦИТИРОВАНИЕ ОПУБЛИКОВАННЫХ РАНЕЕ В ЖУРНАЛЕ СТАТЕЙ. Источники группируются в списке в порядке упоминания в тексте. Ссылки на источники приводятся в тексте в квадратных скобках (ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ). В библиографическую запись включаются только основные элементы библиографического описания (ГОСТ 7.0.5—2008). Разделительные знаки «тире» между областями опускаются. Шрифт Times New Roman (Cyr) № 9 (9 пт). Язык библиографических записей соответствует языку описываемых источников.

Авторы статей несут всю полноту ответственности за содержание статей и за сам факт их публикации. Редакция журнала не несет никакой ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, нанесенный публикацией статьи. Редакция исходит из того, что, в соответствии с законодательством РФ в части авторского права, автор, направляя статью в редакцию, полностью соглашается с условиями редакции и, следовательно, только сам лично несет ответственность за использование в тексте статьи материалов третьих лиц и соблюдение их авторских прав. Все права автора и вся полнота его ответственности сохраняются и после публикации статьи в журнале.

Порядок рецензирования. Статьи обсуждаются редколлегией, рецензии, поступившие в сопроводительных материалах, учитываются.

Статьи, не отвечающие изложенным требованиям, редколлегией не принимаются. Материалы, не принятые к опубликованию, авторам не высылаются.

Редакция имеет право производить сокращения и редакционные изменения текста. Корректур статей авторам не предоставляется. Переписка, телефонные переговоры по согласованию авторских и редакционных изменений текста статьи производятся за счет автора.

Гонорар за опубликование статьи не выплачивается, плата за публикацию статей с аспирантов не взимается.

КОМПЛЕКТОВАНИЕ ОЧЕРЕДНОГО НОМЕРА ЗАВЕРШАЕТСЯ ЗА 3 МЕСЯЦА ДО ПЛАНИРУЕМОГО ВЫХОДА В СВЕТ.

Примерный график выпуска журнала:

- март (прием статей до 1 декабря);
- июнь (прием статей до 1 марта);
- сентябрь (прием статей до 1 июня);
- декабрь (прием статей до 1 сентября).

Тематические рубрики. В Журнале публикуются научные статьи и другие материалы по вопросам социологии, философии, экономики, политологии и других гуманитарных наук в соответствии с основными тематическими рубриками:

АВТОРАМ

*Человек в современном городе.
Город как экономическая система.
Управление социальными и экономическими системами.
Город и власть.
Архитектурное пространство как социокультурный феномен.
Техносфера современного города: город и экология.*

Направлять статьи, обращаться по вопросам условий публикации по адресу jurnalfil@mail.ru

Обращаться по вопросам подготовки авторского оригинала к печати mariaapes@mail.ru. Тел.:(8442)-96-98-28.

Обращаться по вопросам приобретения очередного номера журнала к главному редактору журнала «Социология города» Б. А. Навроцкому: (8442)-96-99-25. E-mail: jurnalfil@mail.ru

Документы высылать по адресу: 400074, Волгоград, ул. Академическая, 1, ком. В-210 (РИО).

Научное издание

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

2016. № 4

Научно-теоретический журнал

Редактор *М. Л. Песчаная*

Компьютерная правка и верстка *М. Л. Песчаная*

Перевод на английский язык *О. Ю. Юшко*

Компьютерный дизайн обложки *Т. М. Потоккина-Курилкина, О. Ю. Мелешин*

Информационно-библиографическое обслуживание *Е. В. Хромова*

Подписано в печать 22.12.2016.

Формат 70 × 108/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Уч.-изд. л. 6,0. Усл. печ. л. 8,0. Тираж 500 экз. Заказ № 33

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования

«Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет»

Редакционно-издательский отдел

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии ВолгГАСУ

400074, Волгоград, ул. Академическая, 1